

The background of the entire cover is a photograph of a weathered stone wall. In the upper center, there is a large, smooth, grey stone ball. A dark metal chain is draped over a ledge in the lower left corner. The wall is composed of various sized stones and bricks, some of which are reddish-brown.

12+

АЛЕКСАНДР КРУГЛОВ

МЕЖДУ КОММУНОЙ,
СИНЬОРИЕЙ И ИМПЕРИЕЙ:
КАНГРАНДЕ ДЕЛЛА СКАЛА
В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
СЕВЕРНОЙ ИТАЛИИ
РАННЕГО ТРЕЧЕНТО

Александр Круглов

**Между коммунной, синьорией
и империей: Кангранде
I делла Скала в военно-
политической истории Северной
Италии раннего Треченто**

«Издательские решения»

Круглов А.

Между коммунной, синьорией и империей: Кангранде I делла Скала в военно-политической истории Северной Италии раннего Треченто / А. Круглов — «Издательские решения»,

Данная монография посвящена Кангранде I делла Скала как одной из ключевых фигур военно-политической истории Северной Италии начала XIV века. На основе хроник, дипломатических свидетельств и историографической традиции в книге исследуются становление власти Кангранде, механизмы синьориального правления в Вероне, его отношения с империей, городскими коммунами и соседними политическими силами, а также роль войны, дипломатии и династической стратегии в расширении и легитимации власти.

© Круглов А.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
I	11
Intermezzo 1	22
II	29
III	45
IV	50
V	59
VI	65
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Между коммунной, синьорией и империей: Кангранде I делла Скала в военно-политической истории Северной Италии раннего Треченто

Александр Круглов

© Александр Круглов, 2026

ISBN 978-5-0070-2920-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Данная монография посвящена Кангранде I делла Скала как одной из ключевых фигур военно-политической истории Северной Италии начала XIV века. На основе хроник, нормативных текстов, дипломатических свидетельств и историографической традиции в книге исследуются становление власти Кангранде, механизмы синьориального правления в Вероне, его отношения с империей, городскими коммунами и соседними политическими силами, а также роль войны, дипломатии и династической стратегии в расширении и легитимации его власти. Особое внимание уделяется взаимодействию коммунальных институтов, синьориальной практики и имперской идеи, что позволяет показать Кангранде не только как выдающегося военного лидера, но и как одного из наиболее значимых архитекторов нового политического порядка в Северной Италии раннего Треченто.

Предисловие

В сердце средневековой Италии, где переплелись судьбы городов-государств, возвышается фигура Кангранде I делла Скала — правителя Вероны, чьи амбиции и военный гений навсегда изменили политический ландшафт Северной Италии. Его имя, означающее «Великий Пёс», стало символом силы и милосердия, а его деяния вдохновили не только современников, но и потомков. В эпоху, когда междоусобицы и борьба за власть определяли судьбу полуострова, Кангранде сумел превратить Верону в оплот гибеллинов, бросив вызов могущественным гвельфским городам и папским наместникам.

Изучение жизни этого правителя открывает дверь в мир средневековой дипломатии, где стратегические браки, военные кампании и тонкие политические интриги сливались в единый механизм власти. Кангранде не просто унаследовал власть — он создал её заново, сочетая рыцарскую доблесть с прагматизмом государственного деятеля. Его правление стало мостом между эпохой коммун и зарождением синьорий¹, а его союз с империей Генриха VII заложил основу для его будущего возвышения.

Сложность его личности, отражённая в противоречивых хрониках, делает его фигуру особенно притягательной: милосердный к побеждённым, но беспощадный к предателям, щедрый меценат и неутомимый воин, он воплотил в себе дух своего времени. Через призму его биографии мы видим не только историю Вероны, но и всю палитру средневековой Италии — от монастырских скрипториев, хранивших античную мудрость, до кровавых полей сражений, где решалась судьба городов.

Эта работа приглашает читателя в путешествие по лабиринтам власти XIV века, где каждый шаг Кангранде делла Скала становился частью грандиозной исторической мозаики. От пророческого сна его матери до последних дней, когда его имя гремело от Тосканы до Ломбардии, мы проследим, как один человек смог подчинить себе эпоху, оставив след в вечности.

¹ Именно синьорий, а не сеньорий. От итал. *signoria*, т.е. господство власти.

Введение

Италия начала XIV столетия предстаёт перед нами как разделенная земля, где противостояние гибеллинов и гвельфов раскалывало города и семьи, формируя политический ландшафт исключительной сложности. На фоне этого хаоса Верона, управляемая семейством делла Скала, выделялась как оазис относительной стабильности и культурного подъема.

После падения династии Гогенштауфенов и перемещения папского престола в Авиньон единство западного мира распалось, уступив место стремлению отдельных государств к независимости. Этот исторический перелом, знаменующий начало эпохи Ренессанса, проявился в Италии раньше и ярче, чем в других регионах. Здесь, в условиях политической раздробленности, ослабления феодальных связей и роста влияния торгового класса, зародилась итальянская национальная культура, охватившая язык, литературу, искусство и науку.

Италия того времени, с ее кипящими страстями и ожесточенной партийной борьбой, напоминала Элладу VI века до нашей эры. Возрождение античного наследия сделало Апеннинский полуостров наставником всей западной цивилизации, а история итальянских синьорий стала ключом к осмыслению этой эпохи.

Синьории, новые политические образования, возникли в условиях ослабления власти Священной Римской империи. Они ознаменовали переход управления от феодальной знати к энергичной буржуазии, которая, накопив богатство и влияние, вытеснила дворянство из городских советов. Для укрепления своих позиций города нередко передавали власть народным лидерам — «капитанам», многие из которых со временем становились единоличными правителями. Основывая династии, они стремились узаконить свое положение через формальные связи с императорским двором. Среди этих княжеских родов особенно выделялся дом делла Скала из Вероны. Его выдающийся представитель, Кангранде I делла Скала (1291—1329), воплотил в себе противоречия эпохи: её трагедии и разобщенность, но также величие и культурное богатство. Его жизнь и правление стали сочетанием тайных интриг и открытой борьбы, реальной политики и духовных поисков, оставив заметный след в истории Вероны и всей Северной Италии.

В 1291 году в семье Альберто I делла Скала и его супруги Верде да Салиццолле родился сын, которому предстояло изменить политический облик Северной Италии. Хроники сохранили рассказ о пророческом сне, приснившемся Верде перед рождением ребенка. Ей явилось видение, что она родит младенца, который превзойдет всех правителей региона. Это предзнаменование, распространившееся среди веронской знати, придало новорожденному символическое значение в эпоху, когда политическая нестабильность требовала фигуры, отмеченной божественным провидением.

Верона, встретившая младенца, названного Кан Франческо, несла на себе следы недавнего прошлого. В 1259 году город освободился от тирании Эццелино да Романо, наместника императора Фридриха II. Два десятилетия его жестокого правления радикально изменили социальную структуру веронского общества. Республиканские традиции, некогда процветавшие в коммуне, были почти уничтожены. Знатные семьи, составлявшие политическую и интеллектуальную элиту, либо погибли, либо, спасаясь от репрессий, рассеялись по Италии, пополнив ряды изгнанников.

Население Вероны, подавленное годами деспотизма, утратило способность к коллективному самоуправлению. В 1262 году народное собрание передало власть Мастино делла Скала, закрепив за его родом институт синьории — наследственного правления, легитимность которого опиралась на формальное народное согласие. Последующие правители дома делла Скала, включая дальновидного Альберто, последовательно укрепляли позиции семьи. Однако именно

Кангранде преобразовал локальную синьорию в региональную державу с амбициями на гегемонию в Северной Италии.

Архивные документы свидетельствуют, что уже в юности, после церемонии посвящения в рыцари, Кангранде проявлял выдающиеся лидерские качества. Его ораторское мастерство, тактический ум и организаторский талант выделяли его среди сверстников, даже без учета происхождения. После смерти отца и старшего брата он, ещё не достигнув совершеннолетия, разделил власть с братом Альбоино. Совместное правление, длившееся до 1311 года, стало для Кангранде школой управления и дипломатии, хотя уже тогда проявился его интерес к военному делу.

Политическая ситуация в Северной Италии начала XIV века представляла собой сложную сеть конфликтующих интересов. На фоне этой политической фрагментации Верона под управлением Скалигеров постепенно обретала особый статус — центра гибеллинской партии, защищавшей интересы и прерогативы императорской власти в противовес гвельфам, ориентированным на Святой престол.

В 1308 году Кангранде совершил важный стратегический шаг, женившись на Джованне Швабской, представительнице угасающей династии Гогенштауфенов. Этот союз имел глубокое политическое значение. Восприняв наследственные права старинного императорского дома, Кангранде не только легитимизировал свои претензии на роль лидера гибеллинской коалиции, но и обеспечил династическую преемственность с имперскими традициями.

Таким образом, к моменту своего двадцатилетия Кангранде делла Скала сформировал прочный фундамент для реализации амбициозной политической программы, которая в последующие два десятилетия радикально изменит баланс сил на территории между Альпами и рекой По, превратив Верону в центр новой политической конфигурации Северной Италии.

Его военные кампании, начавшиеся с участия в осаде Бреши в 1311 году под командованием Генриха VII, продемонстрировали его талант, что привело к назначению викарием Вероны. Решимость, проявленная в сражениях, таких как битва при Сан-Пьетро в 1314 году, укрепила репутацию Вероны как военной силы. Захват Падуи в 1328 году стал вершиной его экспансии, показав умение сочетать военную мощь с политической хитростью. Назначение генерал-капитаном гибеллинской лиги в 1318 году подчеркнуло его влияние на итальянскую политику. Хроники, использованные в этом исследовании, раскрывают, как эти победы, одержанные вопреки угрозам папского престола и гвельфов, сформировали образ выдающегося лидера. Его стратегии, включавшие использование пехоты, кавалерии и военных инженеров, отражают развитие военного искусства той эпохи. Последующие главы раскроют детали этих кампаний и их значение для истории региона.

Наследие Кангранде делла Скала представляет собой сложное и многогранное явление, выходящее далеко за рамки его военных достижений. За исключением Виченцы, военные завоевания Кангранде не сохранились до правления его преемника Мастино II, если не считать первоначального кратковременного расширения. Однако его победы оказали глубокое влияние на политический ландшафт близлежащих городов, предопределив, например, судьбу Виченцы в союзе с Вероной и способствовал приходу к власти семьи да Каррара в Падуе. В самой Вероне он оставил значительный след, пересмотрев и дополнив городской статут: введя новые законы и устранив неясности, он создал правовую основу, которая оставалась неизменной вплоть до заката династии Скалигеров. Эти новшества, направленные на укрепление его авторитета как абсолютного правителя, были вполне закономерны, однако Кангранде проявлял при этом прагматизм и терпимость, отличаясь от тиранического стиля Эццелино III да Романо. Он сохранял местные законы в завоеванных городах, следил за справедливостью должностных лиц и умеренностью налогов, что снискало ему благодарность населения и хвалебные отзывы летописцев, отмечавших его заботу о благе подчиненных территорий. При нем процветала не только Верона, но и другие территории, а серьезные восстания были редкостью.

Кангранде внёс значительный вклад в развитие архитектуры Вероны. Он укрепил оборонительные сооружения города, руководя строительством северных стен, сохранившихся до наших дней, и южных, чей контур позже повторили венецианские и австрийские укрепления. Стены дополнялись башнями, воротами и рвами, высеченными в туфе, а новая башня на реке Адидже у современного моста Катена стала важным элементом системы контроля водных путей, начатой ещё Альберто делла Скала. Среди его укрепленных сооружений выделяется величественный замок в Соаве, отражающий размах строительных амбиций. Как военачальник, Кангранде сочетал в себе тактическую смелость, порой граничащую с безрассудством, с политической проницательностью, что позволило ему расширять владения не только силой, но и дипломатией, находя влиятельных союзников благодаря своему ораторскому дару.

Особое место в его наследии занимает покровительство искусствам и наукам. Верона при нем стала убежищем для поэтов, художников, историков, грамматиков и ученых, а личная страсть правителя к риторике привела к созданию новой кафедры в городском уставе. Поддержка Данте Алигьери, гостившего в Вероне в 1312—1318 годах, стала вершиной его культурного влияния. Данте, изгнанный из Флоренции и принятый еще в 1304 году Бартоломео делла Скала, вернулся к Кангранде, найдя в нем не только покровителя, но и друга. В «Послании X» (Dante, *Epistola X a Cangrande della Scala*, pp. 414—420), посвящая «Рай» своему благодетелю, он писал: «Magnifico atque victorioso domino, domino Cani Grandi de la Scala, sacratissimi Cesarei principatus in urbe Verona et civitate Vicentie vicario generali, devotissimus suus Dantes Alagherii, florentinus natione non moribus, vitam feliciter longam et gloriosi nominis incrementum perpetuum optat» («Великолепному и победоносному господину, синьору Кане Гранде делла Скала, генеральному викарию Святейшей Цезарианской империи в городе Вероне и среди народа Виченцы, его преданнейший Данте Алигьери, флорентинец по рождению, а не по обычаям, желает долгой счастливой жизни и вечного преумножения славы его имени»). Эти слова отражают глубокую признательность поэта, который в XVII песни «Рая» воспел щедрость и милосердие Скалигеров, особо выделяя Кангранде: «A lui t'attesa e a' suoi benefici» («К нему ты стремишься и к его благодеяниям»).

Дружба с Данте нашла отражение в пророческих строках предка поэта Каччагуиды², предсказывавшего величие Кангранде: «через него многие люди будут преобразованы, изменяя условия богатых и нищих»³, подчеркивая его социальное и политическое влияние. Данте, предвидя деяния веронского правителя, посвятил ему третью часть «Божественной комедии», где писал: «Твоя слава сияет так ярко, что даже враги твои не смогут умолчать о ней»⁴.

Данте сыграл ключевую роль в формировании исторического образа Кангранде, представив его в «Божественной комедии» как потенциального объединителя Италии, наследника имперской идеи. В XVII песни «Рая», созданной в последние годы жизни поэта, Каччагуида пророчествует: «Твоим первым прибежищем, твоим первым приютом будет щедрость Великого ломбардца, что вверх по лестнице несет святую птицу...»⁵. Эта аллюзия на геральдический символ дома делла Скала — лестницу с императорским орлом — в контексте дантовского видения истории подчеркивает роль Кангранде как фигуры общетальянского масштаба, призванной возродить единство полуострова под эгидой императорской власти.

² Каччагуида дельи Элизей (Cacciaguida degli Elisei; ок. 1090 — ок. 1148) — воин и крестоносец, прапрадед Данте Алигьери. Мы мало что знаем о нем, так как единственными прямыми источниками, свидетельствующими об его существовании, являются два документа от 1189 и 1201 годов, остальная информация была передана нам его потомком Данте Алигьери в косвенной форме в описании их встречи в *Райо* в Песнях XV, XVI и XVII. Посвященный в рыцари Конрадом III Швабским, Каччагуида последовал за ним во второй крестовый поход (1147 — 1149), во время которого он умер.

³ Итал. «per lui fia trasmutata molta gente, cambiando condizion ricchi e mendici» (Dante, *Paradiso*, Canto XVII).

⁴ Итал. «le sue magnificenze conosciute saranno ancora, sì che ' suoi nemici non ne potran tener le lingue mute».

⁵ Итал. «Lo primo tuo refugio e 'l primo ostello sarà la cortesia del gran Lombardo che 'n su la scala porta il santo uccello» (Dante, *Paradiso*, Canto XVII).

Спустя годы после его правления Петрарка отмечал живую память о Кангранде, а Джованни Боккаччо в «Декамероне» называл его «одним из самых знатных и великолепных синьоров, известных в Италии со времен императора Фридриха II», подчеркивая его мудрость и щедрость. Таким образом, наследие Кангранде — это не только укрепленные стены и завоеванные земли, но и культурный расцвет, связавший его имя с эпохой Возрождения и оставивший след в истории литературы и искусства.

Трагический финал героя нашего повествования наступил неожиданно. В июле 1329 года, после триумфального вступления в покоренный Тревизо, Кангранде внезапно заболел и скончался 22 июля в возрасте 38 лет. Хроники содержат противоречивые сведения о причинах смерти — от естественной болезни до отравления. Нотариальные акты, составленные после смерти Кангранде, фиксируют передачу власти его племянникам — Альберто II и Мастино II делла Скала. Согласно описям наследства, Веронская синьория включала девять крупных городов и более тридцати замков, простираясь от Альп до Адриатического побережья. Казна, пополнявшаяся в 1315—1329 годах, содержала значительные резервы золота и серебра, создавая условия для продолжения экспансии.

Наследие Кангранде делла Скала в исторической перспективе представляет собой многогранный феномен, оцененный уже современниками. Джованни Виллани в «Новой хронике», составленной около 1348 года, характеризует веронского правителя как «величайшего и могущественнейшего тирана, которого Ломбардия знала со времен Эццелино да Романо; и при этом он был мудрым, великодушным и благосклонным к достойным людям». Джованни Боккаччо, посетивший Верону около 1335 года, отмечал в письме к Франческо Нелли «видимые следы великолепия эпохи делла Скала, столь разительно контрастирующие с нынешним упадком».

Материальным воплощением величия эпохи делла Скала остаются готические надгробия Скалигеров, расположенные рядом с церковью Санта-Мария-Антика в историческом центре Вероны. Архитектурно-скульптурный ансамбль, создававшийся с 1329 по 1384 год несколькими поколениями мастеров, представляет собой выдающийся образец готического искусства Северной Италии. Надгробие Кангранде, венчающее портал церкви, изображает правителя в полном рыцарском облачении, с непокрытой головой и безмятежной улыбкой на устах — образ, ставший иконографическим воплощением идеала рыцарской доблести и правителя новой эпохи.

Историографическая оценка роли Кангранде делла Скала в трансформации политического ландшафта Северной Италии претерпела существенную эволюцию. Если историки XIX века, работавшие в парадигме национально-государственного строительства, видели в нем преимущественно военно-политического деятеля, то современные исследования, основанные на комплексном анализе архивных материалов, представляют более сложную картину. В работах Дж. М. Варанини, М. Брунелли и А. Кастаньетти, опубликованных в период 1990—2010 годов, Кангранде предстает как ключевая фигура перехода от средневековых форм государственности к проторенессансным политическим структурам, как создатель новой модели легитимации власти, соединившей традиционные феодальные основы с инновационными элементами гражданского управления.

Феномен Кангранде делла Скала представляет собой один из ключевых элементов для понимания сложного процесса трансформации средневековой Италии в направлении Ренессанса. В его деятельности военные победы, административные реформы и культурное меценатство образовали органичный синтез, создавший предпосылки для последующего расцвета итальянской цивилизации.

I

Выбор Шекспиром Вероны как места действия самой знаменитой в мировой литературе истории о несчастных влюбленных не был случайным. Хотя многие могут объяснить это влиянием произведения Луиджи да Порто (Luigi da Porto; 1485 — 1529)⁶, из которого Бард черпал своё вдохновение, вероятно, ещё более привлекательным город сделала аура, созданная великим родом делла Скала или Скалигеров, самым выдающимся представителем которого, несомненно, был герой нашего повествования.

Кан Франческо (Can Francesco) появился на свет 8 или 9 мая 1291 года, став третьим сыном Альберто I делла Скала (Alberto I della Scala; ок. 1245 — 1301) и Верде да Салиццолле (Verde da Salizzole; ок. 1241 — 1306)⁷. С его рождением связан с легендой о вещем сне, согласно которому его матери, якобы, приснилось, что она «родила большого пса, который своим лаем наполнил весь мир, и поэтому она пожелала, чтобы ему дали имя Кангранде»⁸.

Было ли этот сон важным? На самом деле — да и не только для героического мифотворчества, связанного с личностью этого пассионария, на фоне деяний которого развивается жизнь и судьба целого ряда исторических личностей, затронутых в повествовании этого тома, но и в обыденной жизни средневекового жителя к какой бы социальной страте он или она не принадлежали.

Фундаментальное влияние на средневековое итальянское понимание сновидений оказали два выдающихся античных мыслителя — Артемидор Далдианский (лат. Artemidorus Daldianus, II век н.э.) и Амвросий Феодосий Макробий (лат. Ambrosius Theodosius Macrobius, конец IV — начало V века н.э.). Их труды, созданные в разные эпохи и отражающие различные интеллектуальные традиции, сформировали тот богатейший теоретический фундамент, на котором строилось все средневековое искусство толкования снов. Артемидор, живший в эпоху расцвета Римской империи, создал свою «Онейроκριтику» (лат. *Oneirocritica* или *Ὀνειροκριτικά* на древнегреческом) как всеобъемлющее руководство по толкованию сновидений, где каждый символ и образ рассматривался через призму практического значения для жизни человека. Макробий же, творивший в период заката античного мира и становления христианской культуры, предложил более философский подход, разработав свою знаменитую классификацию снов в «Комментарии на сон Сципиона» (лат. *Commentarii in Somnium Scipionis*), где сновидения рассматривались как различные уровни взаимодействия между земным и божественным мирами.

В средневековой Италии эти два фундаментальных текста не просто сосуществовали — они породили уникальный синтез практического и теоретического подходов к пониманию сновидений. В монастырских скрипториях труды Артемидора и Макробия тщательно пере-

⁶ Луиджи да Порто — итальянский писатель, литератор и историограф. Написал «*Иней*», опубликованный в 1539 году, и около семидесяти *исторических писем*, опубликованных в 1857 году, о политических и военных событиях после Кембрийской лиги. «История двух благородных любовников» (*L'Historia novellamente ritrovata di due nobili amanti*) была написана между 1512 и 1524 годами на вилле да Порто в Монторсо Вичентино. В настоящее время существуют два рукописных экземпляра этой новеллы. После смерти да Порто повесть была анонимно напечатана в Венеции примерно в 1530 и 1535 годах. Впоследствии в 1539 году повесть была переиздана под редакцией Пьетро Бембо в сборнике вместе с «*Инеем*». В последующие десятилетия повесть была представлена в различных версиях Маттео Банделло, Герардо Больдьери (Gherardo Boldieri), Луиджи Грото (Luigi Grotto), а также свободных переводах Пьера Боэтью (Pierre Boaistuau), Артура Брука (Arthur Brooke) и Уильяма Пейнтера (William Painter). В конце концов, она была адаптирована для театра Уильямом Шекспиром около 1595 года и Лопе де Вега около 1610 года. Однако и сам да Порто явно использовал более ранние источники, включающие элементы этой истории, из которых наиболее приближенным к версии да Порто был рассказ 1476 года Масуччо Салернитано (Masuccio Salernitano). Настоящее имя — Томмазо Гуардати; 1410 — 1475) о Мариотто и Ганоце.

⁷ Верде да Салиццолле была дочерью графа де Салиццолле. Среди владений, которые Верде принесла с приданым, был замок Салиццолле, который известен своими двумя массивными башнями и сохранившийся до наших дней.

⁸ Verci, *Storia della Marca trivigiana e veronese*, Tomo 7, p. 66—67.

писывались и изучались, порождая многочисленные комментарии и интерпретации. Монахи-летописцы, опираясь на разработанную Макробием систему классификации снов, создавали собственные сборники видений, где практические наблюдения Артемидора переплетались с христианской символикой и богословскими размышлениями о природе божественных откровений. Такой синтез античной мудрости и христианской духовности создал уникальную традицию толкования снов, глубоко укоренившуюся в средневековой итальянской культуре.

В живой религиозной практике средневековой Италии сновидения играли роль непосредственного канала связи с божественным миром. Ярчайшим примером такого мистического опыта стало видение Франциска Ассизского⁹ (лат. *Franciscus Assisiensis*, итал. *Francesco d'Assisi*; 1181 или 1182 — 3 октября 1226) на горе Альверно в 1224 году. Во время этого знаменитого сна-видения ему явился серафим, который запечатлел на его теле стигматы — пять ран, подобных ранам распятого Христа. Это событие, известное как стигматизация Святого Франциска, стало одним из важнейших мистических опытов в истории христианства и наглядно демонстрировало средневековое понимание сна как пространства непосредственного контакта с божественным.

Апофеозом средневекового осмысления роли сновидений стала «Божественная комедия» Данте Алигьери (*Dante Alighieri*; 1265 — 1321)¹⁰, где сны выступают ключевыми моментами духовного преображения героя. Особенно ярко это проявляется в «Чистилище», где три знаменитых сновидения — сон об золотом орле, видение Сирены и сон о Лии и Рахиль¹¹ — выступают символическими вехами на пути духовного восхождения. Каждое из этих сновидений, появляясь на рассвете, в час, который считался временем истинных пророческих снов, знаменует важный этап внутренней трансформации героя. В этих образах Данте мастерски соединил практическую традицию толкования снов, восходящую к Артемидору, с философской глубиной подхода Макробия, создав уникальный синтез средневековой культуры сновидений.

Независимо от достоверности истории о вещем сне матери Кан Франческо, мальчик и правда с самого начала был не обычным. Его современник, судья и историк-хронист из Виченцы Феррето де' Феррети (*Ferreto de' Ferreti*; 1294 — 1337), воспевавший его юность тридцатью годами позже в панегирике «*Carmen de Scaligerorum origine*», утверждает, что с ранних лет он игнорировал игры со сверстниками, находя гораздо более увлекательным оружие, которое мечтал использовать в своих грядущих рыцарских подвигах.

Кан Франческо воспитывался Альберто по собственному образу и подобию. Альберто лично занимался его образованием и обучал военному искусству, в котором был глубоким знатоком. Настолько глубоким, что уже в ноябре 1294 года, во время рыцарского турнира в честь победы над синьором Феррары Аццо VIII д'Эсте (*Azzo VIII d'Este*; 1263 — 1308) и его младшим братом Франческо д'Эсте (*Francesco d'Este*; ок. 1280 — 1312)¹², Кан Франческо был посвящен в рыцари. Справедливости ради, вероятнее всего, такое посвящение было частью формальной процедуры присвоения званий мужским отпрыскам знатного рода, независимо от их реальных способностей и возраста, который для Кан Франческо был более чем детский. Как бы то ни было, Кан Франческо оправдал как отцовские ожидания, так и доверие, оказанное ему этим ранним посвящением. Он проявил себя столь достойно, что вскоре заслужил прозвище

⁹ Имя Франциска Ассизского, данное при рождении, было Джованни Франческо ди Пьетро Бернардоне (итал. *Giovanni Francesco di Pietro Bernardone*).

¹⁰ Полное имя Дуранте ди Алигьеро дельи Алигьери.

¹¹ Песнь IX, XIX и XXVII соответственно.

¹² Франческо д'Эсте — синьор Реджо-Эмилия. Погиб в бою 23 августа 1312. Любопытно, что Кан Франческо он являлся двоюродным братом, так как матерью Франческо д'Эсте была Костанца делла Скала (*Costanza della Scala*; ок. 1263 — 1306) — родная сестра Альберто далла Скала.

Canis Magnus (Великий Пес). Впрочем, ему предстояло ещё не раз доказать, из какого теста он сделан.

В сентябре 1301 года скончался отец Кан Франческо, а вскоре за ним последовал и старший брат Бартоломео (Bartolomeo I della Scala; 1270 — 1304)¹³, который, приняв правление и за время своего короткого правления укрепил власть семьи, безвременно умер 7 марта 1304 года. Бразды правления перешли к Альбоино (Alboino della Scala; ум. 1311) второму сыну, к которому присоединился его младший брат Кан Франческо. Хотя последний уже вышел из-под опеки, установленной после смерти отца¹⁴, на что указывает обнаруженный относительно недавно документ из Архива города Верона¹⁵, где он называется «*dominus*¹⁶ *Canismagnus*», а также в качестве владельца поместья в Вальпантене, он был ещё слишком молод для полноценного участия в управлении.

Перо летописцев и историков, влекомое соблазном мифотворчества, уже в ту пору начало возвеличивать образ Кангранде. В их повествованиях юный Скалигер представал фигурой, затмевающей своего брата Альбоино, особенно когда речь заходила о военном искусстве. Согласно созданному мифу, Альбоино просто сидел дома без дела, предоставив ведение войны исключительно своему брату. Итальянский дворянин и литератор Алессандро ди Карли (Alessandro di Carli; 1740 — 1814) в своей «Истории города Верона» (*Istoria della città di Verona*) (1796) приписывает успех кампаний 1307 и 1308 годов исключительно превосходному руководству Кангранде, даже не упоминая имени Альбоина¹⁷. Однако «Хроника д'Эсте» (*Chronicon Estense*), в которой повествуется о военной кампании в районе Серравалле-По в марте 1307 года, наоборот, в первую очередь упоминался Альбоино, а наш герой фигурирует как *capitaneus penes eum*¹⁸, что указывает на его подчинённое положение по отношению к старшему брату. Фактическое сорегентство началось в 1308 году¹⁹, когда семнадцатилетний Кан Франческо, уже известный как Кангранде, был назначен *капитаном народа*²⁰, получив таким образом верховное командование вооружёнными силами — милицией Вероны.

В отличие от брата Альбоино, который был более склонен к посредничеству и миру, чем к войне, Кангранде унаследовал более воинственные черты своего отца. В своё время, и сам Альберто был военным советником при своём старшем брате Мастино I (Leonardino della Scala, или Mastino I; ок. 1220 — 1277).

Наличие в семье опытного или, по крайней мере, целеустремленного военачальника было очень важным. Как бы мы сейчас сказали, геополитическая обстановка вокруг Вероны была далеко не в её пользу. С 888 года Верона являлась столицей Веронской марки, или, точнее, Марки Вероны и Аквилеи²¹, территория которой через несколько веков сократилась до нескольких километров за пределами городских стен. Юридически она входила в состав *Regnum Italicorum*²² и, соответственно, входила в состав Священной Римской империи со всеми вытекающими из этого проблемами и векторами взаимоотношений.

¹³ В третьей, заключительной части «Божественной комедии» — Рай — в Песне XVII, ст. 70—71 Данте Алигьери называет его «великим лангобардцем». Собирательный образ Бартоломео также представлен в драме Луиджи да Порто.

¹⁴ В Вероне возрастом совершеннолетия считались четырнадцать лет.

¹⁵ Arch. di Stato di Verona, Esposti, n. 1104. Источник: [https://www.treccani.it/enciclopedia/cangrande-della-scala_\(Dizionario-Biografico\)/?search=DELLA%20SCALA%2C%20Cangrande%2F](https://www.treccani.it/enciclopedia/cangrande-della-scala_(Dizionario-Biografico)/?search=DELLA%20SCALA%2C%20Cangrande%2F)

¹⁶ Лат. господин, владыка, лорд.

¹⁷ Di Carli, *Istoria della città di Verona*, IV, pp. 175 — 177.

¹⁸ В переводе с лат. «Он был капитаном».

¹⁹ Spangenberg, *Cangrande I della Scala*, p. 10.

²⁰ Итал. capitano del popolo.

²¹ Марка была учреждена в 888 году королём Беренгаром I (Berengario I; ок. 850 — 924), который решил разместить свою столицу в Вероне, отведя Фриульскую марку, бывший ранее центром власти в Италии, подчинённую роль. Территория марки простиралась между реками Адда, рекой По и восточными границами королевства, вдоль Ломбардской Австрии.

²² Королевство Италия (Regno d'Italia, также известное как (на лат.) Regnum Italiae, Regnum Italicum или Regnum

На рубеже XII — XIII веков, в ходе длительного процесса трансформации коммун в синьории, Верона устав от тирании Эццелино III да Романо (Ezzelino (также Ecelino) III da Romano; 1194 — 1259), известного также как «Грозный»^{23,24} доверилась далеко не знатной семье делла Скала²⁵, разделяя их политический курс, традиционно ориентированный на верность императору. Гибеллинская позиция поставила Верону и её правителей в ситуацию конфронтации с Миланом и Феррарой, чьи правители, делла Торре²⁶ и д'Эсте, придерживались гвельфской ориентации.

Находясь под угрозой с востока и юга, Скалигеры также вынуждены были противостоять падуанцам на западе, что создавало условия потенциального окружения и вело к непрерывным военным конфликтам. Эта обстановка стала идеальной средой для молодого Кан Франческо, позволившей ему закалиться и стать одним из самых грозных государственных деятелей и стратегов своего века.

В том же 1308 году состоялся брак Кан Франческо с Джованной Швабской (Giovanna di Svevia; ок. 1280 — 1352), дочерью Конрада Антиохийского (Corrado di Antiochia; 1242 — 1320)²⁷ и правнучкой императора Фридриха II Гогенштауфена (нем. Friedrich II. von Hohenstaufen, итал. Federico Ruggero Costantino di Hohenstaufen; 1194 — 1250).

Italicorum) было политическим образованием, существовавшим в Средние века и пришедшим на смену Лангобардскому королевству. Когда формально возникло Королевство Италия установить достаточно трудно, поскольку после окончательного разгрома лангобардов франками в 774 году, Карл Великий, а позднее его сын Пипин продолжали использовать прежде всего титул *rex Langobardorum*.

²³ В хрониках утверждается, что жестокость Эццелино превосходила обычные нормы того времени. Гвельфские источники, закономерно настроенные против него, могут быть ненадежны, и они нередко изображают деятельность этого лидера гибеллинов Северной Италии как мрачного тирана, которому доставляло удовольствие не только пытать людей, но и самому придумывать изощренные и жестокие пытки.

²⁴ Итал. *il Terribile*.

²⁵ Отец Мастино и Альберто, Якопино делла Скала (Jacopino della Scala, XII век — ок. 1248), как и его дядя Балдуино были купцами, торговцами шерстью.

²⁶ Делла Торре (или *Торриани*) — древний миланский аристократический род франко-бургундского происхождения, известный с начала XI века и доминировавший в большей части Ломбардии и Северной Италии в XII и XIV веках, а также правивший Миланом в 1197 — 1277 (с перерывами) и в 1302 — 1311 годах. Обосновавшись приблизительно в 1000 году в Валь Сассине (ныне Вальсассина (Valsässina)) после брака двух братьев с дочерьми графа Тация (Tacius), семья получила родственные связи с родом Карла Великого. Среди наиболее значимых представителей — Ардерикус Де Ла Турре (Ardericus De La Turre), упомянутый в документах 1130 года в качестве миланского капитана, и Мартино «Гигант» (Martino "il Gigante"), граф Вальсассина, погибший под стенами Дамаска в 1148 году во время неудачного Второго крестового похода. Род занимал влиятельное положение в Миланской епархии, владея обширными территориями, включая графство Вальсассина. Наиболее известные члены семьи — Якопо (Jacopo della Torre), женившийся на Берте Висконти (Berta Visconti) и бывший регентом Милана, Раймондо (Raimondo della Torre; ум. 1299) — епископ Комо и Патриарх Аквилеи (1262 — 1299), которого в 1269 году захватил в плен местный феодал из фракции гибеллинов Корrado Веноста фон Матш (или де Мация) (Corrado Venosta von Matsch (de Mazia); 1226 — 1278), а также Сальвино (Salvino della Torre; ок. 1240 — 1287), бывший синьором Пармы. Дочь Сальвино Елена (Elena) в 1300 году вышла замуж за Никколо да Каррара (Niccolò da Carrara), что еще больше укрепило политические связи семьи.

²⁷ Конрад Антиохийский был выдающимся представителем рода Гогенштауфенов. Он был племянником императора Фридриха II и активным участником политических и военных конфликтов в средневековой Италии. Он родился в семье Фридриха (нем. Friedrich von Antiochia, итал. Federico d'Antiochia; 1222/1224 — 1256), внебрачного сына императора, и Маргариты ди Поли (Margherita di Poli), происходившей из рода графов Сарачинеско (Saracinesco). В 1258 году Манфред (Manfredi di Sicilia; 1232 — 1266), король Сицилии, подтвердил за Конрадом наследственные владения его отца — графства Альба, Челано и Лорето, а также передал ему власть над частью Калабрии и Абруццо. Позже Конрад был назначен викарием в Анконской марке, герцогстве Сполето и Романье, где управлял от имени династии Гогенштауфенов, сталкиваясь с упорным сопротивлением сторонников папства. В это время он женился на Беатриче Ланча (Beatrice Lancìa), дочери великого маршала королевства Гальвано Ланча (Galvano Lancìa), одного из ближайших соратников Манфреда. Она родила ему восемь детей. Его деятельность как военачальника сопровождалась постоянными сражениями: в 1263 году он был захвачен в плен во время осады Монтеккьо, но уже через несколько месяцев сумел сбежать благодаря помощи местного подеста. После вторжения Карла Анжуйского (фр. Charles I d'Anjou, итал. Carlo I d'Angiò; 1226—1285) в 1266 году и гибели Манфреда в битве при Беневенто Конрад пытался сохранить свои владения, но оказался в заточении по приказу нового правителя. В 1267 году он сумел бежать, а затем в октябре присоединился в Вероне к армии своего кузена Конрадина (Corradino di Svevia; 1252—1268), последнего представителя династии Гогенштауфенов, который выступил в поход против анжуйцев. Конрад получил от Конрадина подтверждение своих владений и титул принца Абруццо. Также, как сторонник Конрадина, на следующий год, он был отлучен от церкви. Конрад сыграл ключевую роль в битве при Тальякоццо (1268), в которой войска Конрадина потерпели поражение.

Если бы в то время существовала «жёлтая пресса», то они бы непременно раздули историю о прекрасной принцессе, которая, будучи обещанной высокопоставленному немецкому сановнику, якобы поддалась очарованию молодого синьора, встреченного случайно по пути к алтарю. Облик молодого Кангранде действительно привлекал внимание. Его удлинённое лицо с характерной выдающейся челюстью обрамляли вьющиеся светло-каштановые волосы, создавая запоминающийся образ правителя Вероны. Природа наделила его значительной физической силой, которую только укрепили многочисленные военные кампании, ставшие неотъемлемой частью его жизненного пути.

По свидетельствам современников, Кангранде отличался жизнерадостным нравом, хотя не был лишён вспышек гнева, когда обстоятельства складывались неблагоприятно. Его щедрость распространялась на людей всех сословий, что было редкостью для того времени. Острый ум и дар красноречия делали его блестящим собеседником — споры, дискуссии и дебаты он ценил наравне с охотой, традиционным развлечением аристократии.

На полях сражений Кангранде проявлял исключительную храбрость, что было отмечено в многочисленных хрониках. Однако, что выделяло его среди современников, так это нетипичное для той эпохи милосердие к побеждённым противникам. Даже такой непримиримый оппонент, как падуанский дипломат, поэт и хронист Альбертино Муссато, отдавал должное благородству Кангранде, особенно после того, как сам стал его пленником.

Исторические документы описывают Кангранде как статного мужчину ростом около 175 сантиметров — немалый показатель для Средневековья. Современные исследования, проведённые после эксгумации его останков в 2004 году, подтверждают эти данные: измеренный рост составил 171 сантиметр, что с учётом естественной физиологической усадки тела после смерти соответствует прижизненному росту не менее 175 сантиметров. В эпоху, когда средний рост мужчины редко превышал 165 сантиметров, такие физические данные делали фигуру веронского правителя ещё более внушительной.

Однако история этого брака, при всей её романтичности, отвечала более прагматичным государственным интересам, укрепляя связь дома Скалигеров с императорской династией. Это повторяло практику, начатую ранее браком сестры Джованны, Констанци (Costanza; 1270—1304), известной как Антиочетта (Antiochetta), со старшим братом Кангранде Бартоломео. Кстати, двоюродный брат Кангранде Федерико (Federico della Scala; ок. 1288 — между 1339/1349) также породниться с семьёй Конрада, женившись на его дочери с другим говорящим именем Императриче (Imperatrice; 1275—1310). Привлекательность Кангранде не способствовала, однако, появлению законных наследников, хотя упоминается восемь его внебрачных отпрысков: Джильберто (Gilberto), Бартоломео (Bartolomeo), Франческо (Francesco), Маргерита (Margherita), Франческа (Franceschina), Лючия Каньола (Lucia Cagnola), Жустина (Giustina) и Альбоино (Alboino). Судьба первых двух сыновей будет трагичной. В 1328 году Джильберто получил от отца многочисленные феодальные владения, принадлежавшие до завоевания Падуи потомкам Эццелино III да Романо. В 1329 году, после смерти отца, он поддался

Сам Конрадин был схвачен и казнён, а Конрад попал в плен, однако избежал смерти благодаря вмешательству кардинала Джан Гаэтано Орсини (Gian Gaetano Orsini, будущего папы Николая III (лат. Nicolaus PP. III; ок. 1216 — 1280; понтификат: 1277–1280)). В 1272 году он принёс клятву верности папе Григорию X (лат. Gregorius PP. X; ок. 1210 — 1276; понтификат: 1271 — 1276) и получил свободу, после чего отошёл от крупных политических дел, сосредоточившись на управлении своими владениями в Лацио. Несмотря на поражение Гогенштауфенов, Конрад продолжал сопротивляться власти анжуйцев. В марте 1282 года он поддержал восстание Сицилийская вечерня, выступив на стороне Педро III Арагонского (Pedro III de Aragón, 1239 — 1285), который пригласил его возглавить борьбу за возвращение Южной Италии. Конрад вёл боевые действия в Абруццо, но после поражения вынужден был вновь укрыться в своих замках в Лацио. В 1286 году, воспользовавшись смертью Карла Анжуйского, он предпринял последнюю попытку вернуть графство Альба, но его атака была отбита войсками папского капитана Джованни д'Аппиа (Giovanni d'Appia) и ему пришлось отступить в Антикиоли. О его дальнейшей судьбе известно немного, но в 1312 году он, вероятно, примкнул к войску императора Генриха VII во время его похода в Италию. Потомки Конрада разделились на два ветви — одну в Лацио (владельцы Антикиоли и Пильо) и другую в Сицилии (графы Капицци), сам же Конрад остался в истории как один из последних представителей средневекового рыцарства.

лести своего наставника Франческо да Падова (Francesco da Padova) и попытался вытеснить Альберто II (Alberto II della Scala; 1306 — 1352) и Мастино II делла Скала (Mastino II della Scala; 1308 — 1351), сыновей брата Кангранде Альбоино, из управления Вероной. В заговоре участвовал и его сводный брат Бартоломео. Когда заговор был раскрыт, братья были заключены в тюрьму и умерли там после многолетнего заточения: Бартоломео в 1333 году, а Джильберто в 1335 году. Так или иначе, но, похоже, что Кангранде был больше озабочен принятием на себя обязанностей по управлению городом и взаимоотношениями с соседними городами, чем вопросами законнорожденного потомства.

Первостепенной проблемой был Милан, где делла Торре собирали вокруг себя силы гвельфов региона. Возможность противостоять миланским амбициям представилась в следующем году, когда в Пьяченце вспыхнуло восстание гибеллинов под руководством Альберто Скотти (Alberto Scotti; ок. 1252 — 1318)²⁸, изгнавшее из города миланский гарнизон.

Незамедлительно сформировалась лига, к которой 13 июня присоединились Парма, Брешиа, Мантуя и Модена, во главе с Вероной. Скалигеры отправили в Пьяченцу элитный отряд из 500 воинов, с помощью которого было разгромлено войско противника. Другие отряды были направлены в Парму, выступившую против гвельфской Фиденцы, находящейся в том же регионе. Столкновения продолжались до наступления зимы, когда военные действия были приостановлены из-за неблагоприятных погодных условий. Поспешно заключенный и неустойчивый мир завершил кровавый год противостояния гвельфов и гибеллинов²⁹ Паданской равнины.

²⁸ Альберто Скотти, вероятно, родился в середине XIII века в Пьяченце или на её территории в семье Джованни Скотти (Giovanni Scotti) и Мабиллии Фонтаны (Mabilia Fontana). Вполне правдоподобным годом его рождения является 1252 год. Его семья была одной из влиятельных семей города, вовлеченных в политическую жизнь Пьяченцы с 1260-х годов, часто конфликтовавшей с семьёй Фонтана. Род поддерживал народное движение и были союзниками папства и Анжуйской династии. Ринальдо II Скотти (Rinaldo II), дядя Альберто занимал должности капитана народа, подесты Кремоны и легата папы Климента IV в Ломбардии. Его отец сделал блестящую карьеру на службе у королей Сицилии, побыв палачом в Абруццо (в 1277 — 1279 гг.), капитаном в Албании (1279 — 1281 гг.) и затем в 1288 году сенешалем Прованса. Альберто Скотти впервые упоминается в хрониках в 1271 году. Он продолжил политическую деятельность своего рода, выступая на стороне гвельфов и народа. Около 1290 года он совершил переворот и стал синьором Пьяченцы. Став правителем города, Альберто Скотти принял меры по укреплению своей власти, в том числе репрессии против политических противников и усиление контроля над сельской местностью. Хроника Гуэрино подробно, не без язвительности, описывает решения, принятые Скотти в качестве правителя. Начиная с 1294 года, по сообщению летописца, он заставлял подест сажать в тюрьму или оправдывать людей по своему усмотрению. В те годы Скотти приказал вынести смертную казнь нескольким людям, обвиненным в политических преступлениях, в том числе цистерцианскому монаху Беленджеро ди Каннета (Belengerio di Canneta), обвиненному в апреле 1296 года в передаче коммуны Фьоренцуолы неким Фулгози (Fulgosi), а в следующем месяце — нескольких ремесленников и купцов, подозреваемых в подстрекательстве к мятежу. Значительная часть замков Пьяченцы, игравших важную роль в гарнизоне городского округа, находилось в руках Скотти или его родственников, включая замок Граваго. Его правление было связано с военным поражением Пьяченцы от Павии и Монферрато. Альберто Скотти в последние годы своего правления столкнулся с серьезными трудностями. Несмотря на его авторитарные методы управления, он не смог заручиться прочной народной поддержкой. Магнаты Пьяченцы восстали против него в 1304 году, свергнув его власть. Скотти и его сыновья были изгнаны из города, их дома конфискованы. Им пришлось искать убежище в других городах, таких как Парма и Кастель-Аркуато, откуда они предпринимали неудачные попытки вернуть себе власть в Пьяченце. В 1309 году при поддержке армии Пармы Скотти всё же смог вернуть власть в Пьяченце. Однако его правление длилось недолго — уже в 1310 году он был вынужден отказаться от власти. После этого Скотти продолжал предпринимать вылазки и набеги на Пьяченцу, но окончательно был разбит и в апреле 1317 года пленён Галеаццо Висконти в захваченном Кастель-Аркуато. Его заключение в городе Крема было достаточно мягким, но он не мог покидать в дом старейшины Лантельмо Пассагуерра (Lantelmo Passaguerra). Сохранил Альберто и свои многочисленные владения, которые на кануне смерти в январе 1318 года распределил между членами своей не менее многочисленной семьи, включая сыновей Франческо и Джакомо, двух дочерей — Мабеллины (Mabellina) и Джованны (Giovanna) — и не менее 11 внуков.

²⁹ Термины гвельфы (*guelfi*) и гибеллины (*ghibellini*) происходят от враждующих семей Вельфов (*Welfen*) и Гогенштауфенов, владельцев замка Вайблинген (*Waiblingen*) в Баден-Вюртемберге. Их противостояние за имперский престол между 1212 и 1215 годами привело к тому, что в Италии эти названия стали обозначать две политические партии XIII века: гвельфов, поддерживающих папу, и гибеллинов, выступавших за императора. Однако первоначально оба движения были проимперскими: гвельфы поддерживали баварских претендентов, включая Оттона IV Брауншвейгского (нем. Otto IV von Braunschweig; 1175/1176 — 1218) после смерти Генриха VI Гогенштауфена (1198), а гибеллины — Фридриха II. Только позднее гвельфы окончательно перешли на сторону папства. Трансформация вельфов в гвельфов, а вайблингенов в гибеллинов произошла во Флоренции и затем распространилась по Италии и всей Европе. В итальянских городах-государствах гвельфские традиции были сильны в Перудже, Милане, Мантуе, Болонье, Флоренции, Лукке, Падуе, а среди гвельфских фамилий выделялись

Хотя эти действия не принесли решительных результатов, они укрепили «интервенционистскую» политику веронцев, начатую Альберто в конце XIII века и продолженную его наследниками в XIV веке.

В начале XIV века политическая обстановка в Северной Италии оставалась крайне нестабильной. Города-коммуны вели между собой непрерывную борьбу, которая выражалась в засадах, грабительских набегах и попытках осад. Хотя эти столкновения редко приводили к значительным военным успехам, они наглядно демонстрировали глубину кризиса в отношениях между североитальянскими коммунами.

Внутри городов ситуация была не менее напряженной. Противостояние между знатью и теми, кого бы мы сейчас назвали буржуазией, а также конфликты между различными политическими группировками серьезно подрывали и без того шаткое равновесие в управлении городами.

Ключевым моментом в истории этого периода стало прибытие в 1310 году Генриха VII Люксембургского³⁰ (нем. Heinrich VII; ок. 1275—1313) с войском. Это событие, которое уже отмечалось в одной из предыдущих глав, вызвало цепную реакцию политических изменений по всей Северной Италии. Ещё до появления императора, представители гибеллинов — сторонников имперской власти — из разных городов начали стекаться ко двору Генриха VII. Каждый из них стремился заручиться поддержкой нового правителя и получить определенные привилегии. Особое место среди этих посланников занимали эмиссары Альбоино и Кангранде, которые к тому времени уже зарекомендовали себя как влиятельные лидеры проимперской фракции.

Удивительно, что на коронации Генриха VII королем Италии в Милане 6 января 1311 года веронская делегация была представлена крайне скромно — лишь епископом Тебальдо и несколько представителей благородных семей города. Официально Альбоино и Кангранде отсутствовали из-за военных действий в Реджо, однако для всех было очевидно, что неявка наиболее влиятельных представителей гибеллинской партии носила демонстративный характер. Братья были разгневаны на императора, который, поддавшись давлению изгнанных гвельфов Вероны, медлил с назначением их имперскими викариями города. С их точки зрения, такое назначение являлось закономерным следствием их усилий по превращению Венецианской марки в верный феодал империи — дело, которому Кангранде посвятил свою молодость (хотя и не без удовольствия). По их мнению, неблагодарный немецкий император не оказывал им заслуженного признания.

Политика Генриха VII в отношении Вероны демонстрирует сложное переплетение имперских амбиций и локальных интересов в Италии начала XIV века. Император, стремясь к умиротворению региона, изначально назначил внешнего викария — Ванни Дзено Ланфранки из Пизы (Vanni Zeno Lanfranchi)³¹. Этот шаг был призван обеспечить нейтральное управление

болонские Джереми, генуэзские Фиески, миланские делла Торре, римские Малатеста и некоторые рода, происходящие от франкского рода Обертенги (*Obertenghi*), например, д'Эсте и некоторые ветви Маласпина и Паллавичино. К гибеллинам принадлежали коммуны городов Павия, Асти, Комо, Кремона, Пиза, Сиена, Ареццо, Парма, Модена, Йези и Савона. Среди гибеллинских родов выделялись делла Скала в Вероне, Ламбертацци (*Lambertazzi*) в Болонье, Парчитады (*Parcitadi*) в Римини, Фриджеро (*Frigerio*) и Квадрио (*Quadrio*) в Комо, Висконти (*Visconti*) в Милане, Гуттуари (*Guttuari*) в Асти, графы Гуиди (*Guidi*) и Убальдини (*Ubalдини*) в Тоскане, Торелли-Салингуэрра (*Torelli-Salinguerra*) в Ферраре, Орделаффи (*Ordelaffi*) в Форли, Уберти (*Uberti*) и Ламберти (*Lamberti*) во Флоренции, Герардеска (*Gherardesca*) в Пизе, да Романо (*da Romano*) в Тревизо, Салимбени (*Salimbeni*) и Буонконти (*Buonconti*) в Сиене, маркграфы Монферрато (*Monferrato*), а также некоторые ветви рода Маласпина (*Malasпина*) и Паллавичино (*Pallavicino*). Подобная фиксация в рамках одного лагеря не была строгой и переходы ради политической выгоды между ними были достаточно распространены как городами, так и семьями.

³⁰ На тот момент Генрих VII Люксембургский был графом Люксембурга (с 1288 года) и королём Германии (с 27 ноября 1308 года). Императором Священной Римской империи, по крайней мере официально, он станет несколько позднее — 29 июня 1312 года. Собственно, для осуществления сложного процесса коронаций, закрепляющих его императорский титул, он и пересёк Альпы.

³¹ Ланфранки являлись благородным пизанским родом, очень влиятельным в первые годы существования муниципалитета и до конца XIII века, когда их затмил род Герардеска.

и сдержат противоборствующие фракции. Однако попытка Дзено вернуть изгнанных гвельфов, в частности семью Самбонифачо (Sambonifacio)³², вызвала резкое противодействие со стороны правящих братьев Скалигеров. Альбоино и Кангранде, осознавая свою популярность среди горожан, пригрозили отречением от власти³³ — тактический ход, рассчитанный на поддержку населения.

Генрих VII, оценив этот шаг братьев и сложность сложившейся ситуацию, продемонстрировал политическую гибкость. 7 марта 1311 года он официально признал власть Скалигеров, назначив их императорскими викариями. Отрицательной стороной их викариата, впрочем, была финансовая сторона назначения, стоившая больших денег (17300 золотых флоринов) и обязанности выделить военные силы, которые должны были сопровождать императора или иным образом служить ему в Ломбардии. Муниципалитет Вероны пообещал Генриху 3435 золотых флоринов, а остальные 3000 флоринов были отправлены викарию Ломбардии Амадею V Великому (Amedeo V di Savoia; 1249 — 1323), графу Савойи.

В результате этого политического маневра император сумел достичь своей первоначальной цели. Он передал контроль над Вероной в руки лояльных ему правителей, при этом сохранив внешние признаки политики примирения. Такой подход позволил Генриху VII избежать открытого конфликта и обвинений в чрезмерном фаворитизме. Для братьев Скалигеров эта ситуация оказалась вдвойне выгодной. Во-первых, они одержали значимую политическую победу, укрепив свои позиции в глазах как местной знати, так и императора. Во-вторых, получив возможность совмещать муниципальные должности с имперскими, они существенно расширили свою власть и влияние. Такое совмещение полномочий не только усилило их авторитет внутри Вероны, но и обеспечило им более прочную позицию в сложной системе отношений между итальянскими городами-государствами и империей. Это решение заложило основу для дальнейшего усиления влияния семьи делла Скала в регионе.

В этой политической шахматной партии Скалигеры проявили себя не столько как верные сторонники императора, сколько как искусные мастера средневековой дипломатии. Их умение позволило не только получить двойную легитимацию власти — через инвеституру от коммуны и императора, — но и значительно сократить финансовые затраты, сопряжённые с получением (точнее сказать, покупкой) викариата. Поистине, политические интриги той эпохи разворачивались в столь запутанных и мрачных лабиринтах, что даже самые изощрённые приёмы современных политиков в сравнении с ними выглядят не более чем детской забавой.

Плоды этого взаимовыгодного альянса не заставили себя долго ждать. В своём распределении имперских милостей Генрих VII передал Падую власть над Виченцей. Впрочем, это решение было скорее результатом дипломатических усилий падуанцев, нежели спонтанным жестом императорской щедрости. Падую, этот исконно гвельфский оплот, славившийся своей независимостью, экономическим процветанием, передовым университетом и неприступными укреплениями, представляла собой сложную политическую головоломку для императора и требовала самого деликатного обращения. Подход Генриха был настолько осмотрительным, что он обусловил свой дар непомерной платой в 28000 золотых флоринов, якобы для содержания имперских войск в Ломбардии. Другое требование было ещё более сложно исполнить — выбрать на должность викария Падуи представителя гибеллинской партии. Падую, оскорблённая в своей гордости, отвергла требования, готовясь к неминуемой конфронтации. Императору оставалось лишь воспользоваться внутренними противоречиями региона: в Виченце уже зрело восстание против навязанных падуанских гарнизонов, предоставляя Генриху удобный рычаг для давления на строптивую Падую.

³² Самбонифачо — дворянская семья из Вероны франкского происхождения. Они играли ведущую роль в политической жизни города, являясь лидерами партии гвельфов. С приходом к власти Эццелино да Романом им пришлось покинуть город (1225) и перебраться в Падую. Вернуться в город они смогли только в XV веке.

³³ Carrara, *Gli Scaligeri*, pp. 63—65.

Скалигеры отнюдь не были пассивными наблюдателями императорских маневров. Кангранде и его брат, движимые нескрываемой неприязнью к Падуе — этому колоссу, преграждавшему путь их экспансионистским устремлениям, — ухватились за представившуюся возможность с присущей им решительностью.

15 апреля 1311 года вспомогательные силы Вероны и Мантуи, под командованием братьев, вместе с 300 имперскими рыцарями, с легкостью преодолели городские укрепления Виченцы. За этим последовала беспощадная охота на падуанских солдат, вынужденных искать убежища в замке Изола, где сосредоточилась основная часть их сил. В этот критический момент на авансцену выступил Кангранде, который со своими маневренными отрядами стремительно обрушился на Изолу. Крепость пала под его натиском, а её защитники были безжалостно истреблены, после чего она была предана огню.

Падуанцы, загнанные в угол этим сокрушительным ударом, были вынуждены склониться перед императорской волей и принять гибеллинского викария. По иронии судьбы, или, вернее, по тонкому расчету, этим викарием оказался Альдригетто ди Кастельбарко (Aldrighetto di Castelbarco)³⁴, фигура, тесно связанная узами многолетней межсемейной дружбы и общностью интересов с братьями.

14 мая того же года Скалигеры оказались в авангарде императорских сил, осаждавших Брешию, который находился под контролем фракции гвельфов. Осада растянулась на четыре изнурительных месяца, в течение которых эпидемия безжалостно косила ряды имперских войск. По свидетельству Феррето в лагере императора умерло ужасной смертью 70 дворян, 7000 рыцарей и 20000 пеших солдат. Из телохранителей Генриха VII в живых осталась лишь четверть. Скалигеры были источником утешения и поддержки для короля, но зловещая болезнь, схожая по свидетельствам на чуму, не обошла стороной и их семью — заболел Альбоино. Подкошенный недугом, он был вынужден оставить поле брани и вернуться в родную Верону. Лишь Кангранде, казалось, был неуязвим для смертоносной заразы. Проводив брата, он собрал свежие силы пехоты и кавалерии, чтобы вновь присоединиться к осаде Брешии под императорскими знаменами. Однако во время осады Альбоино заболел. Его проводил домой Кангранде, который привез из Вероны новые отряды конницы и кавалерии для королевской армии. И друзья, и враги восхищались выносливостью и храбростью этого рыцаря. Кангранде был высоко оценён и императором, который поручил ему верховное командование над всем лангобардским ополчением. Однако даже его полководческий талант и энергия оказались бессильны перед стойкостью защитников Брешии — осада затянулась.

Непрекращающаяся осада, чума и летняя жара нанесли самые тяжелые уязвимые потери императорской армии и поставили под угрозу успешный исход предприятия. Генрих был полон тревоги.

³⁴ Род Кастельбарко — знатная семья из долины Лагарина, позднее переселившаяся в Милан. Их происхождение остается неизвестным, хотя ошибочно пытались вывести его от королевского дома Богемии. Впервые семья упоминается в 1171 году, в качестве владельцев замка Кастельбарко на правом берегу реки Адидже у ущелья Кьюзоле. Благодаря приобретениям, брачным союзам и захватам, часто за счет епископства Тренто, вассалами которого они были, их владения значительно расширились. После смерти Гульельмо Кастельбарко (Guglielmo Castelbarco), самого значительного представителя рода, семья разделилась на несколько ветвей, обосновавшихся в различных замках долины Лагарина. Аццоне Франческо (Azzone Francesco) из ветви, владевшей Авио, Ала и Brentonico, перед своей смертью в 1411 году завещал все свои владения Венецианской республике, что послужило основанием для экспансии Венеции в южном Трентино. Другие ветви рода — из Мори, Лиццаны, Безено и Кастельнуово — поддерживали Габсбургов, но были либо уничтожены, либо угасли. Единственной выжившей линией осталась ветвь из Греста, представители которой долгое время вели борьбу с князьями-епископами Тренто Бернардо Клезиио (Bernardo Clesio или Bernardo di Cles, нем. Bernhard von Cles; 1485 — 1539) и Кристофоро Мадруццо (Cristoforo Madruzzo; 1512 — 1578). В 1664 году им удалось утвердить свою власть над четырьмя викариатами — Ала, Авио, Мори и Brentonico. Семья получила титул баронов в 1508 году, графов в 1664 году и князей в 1848 году, став одной из влиятельных династий Северной Италии.

5 сентября кардинал Лука Фиески (Luca Fieschi, ок. 1275 — 1336)³⁵, находившийся по поручению папы в свите Генриха, и епископом Падуи³⁶ и патриарх Аквилеи Пагано делла Торре (Pagano della Torre; ум. 1332) вошли в Брешию через ворота Сан-Джованни, их приветствовала немногочисленная, полная надежд толпа, и они отправились на переговоры с лидерами сопротивления Гойто де Форо (Goito de Foro), Обертино Сали (Obertino Sali), Коррадино Конфалоньери (Corradino Confalonieri), Джакомино Понтекарали (Giacomino Pontecarali), Джулиано Гаэтани (Giuliano Gaetani), Федерико Лавелонго (Federico Lavelongo). На закате прелаты покинули Брешию, но переговоры продолжались и в последующие дни. Наконец 19 сентября Амедео, граф Савойский, и Гуидо, граф Фландрский, вошли в Брешию во главе своих рыцарей. Они стали первым контингентом в городе, который должен был приучит жителей Брешии к идее капитуляции и стать гарантом отсутствия новых попыток восстания. Император поклялся, что, когда войдет в мятежный город, отрежет носы всем брешианцам. В качестве исполнения этой угрозы, всем городским статуям отбивают носы. Лидеры восстания были изгнаны из города и взяты в плен силами императора. Теперь можно было вести переговоры о капитуляции с оставшимися.

Город сдался 24 сентября 1311 года после мучительных месяцев осады и нечеловеческих страданий. Однако ещё большие страдания ждали город впереди. Исполняя своё другое обещание, Генрих распорядился разрушить городские стены и только после этого — 1 октября вошёл в Брешию в сопровождении Кангранде. Разрушение городских стен, сокращение территории и выплата непосильной суммы контрибуции в размере 60000 или 70000 флоринов стали наказанием за непокорность и упрямство жителей города. Вскоре император отбывает из города, так как на 4 октября он созвал императорский сейм в Павии.

Что до Кангранде, его неустанные усилия в этой кампании окончательно утвердили его в глазах Генриха VII как незаменимого соратника. Столь высоко оценив доблесть веронца, император пожелал видеть его рядом с собой в Генуе, тем самым возвысив Кангранде до ранга ближайших советников и военачальников империи.

Во второй половине ноября Кангранде вынужден в спешке покинуть Геную и броситься в Верону к находящемуся при смерти Альбоино. Кангранде самоотверженно скачет верхом все 5 дней и преодолевает почти 321 километр, отделяющие Геную от Вероны, прибывая как раз вовремя, чтобы услышать последние слова своего брата. Впрочем, причиной бешеной гонки было не только застать брата ещё живым, но предотвратить на месте любые попытки мятежа со стороны падуанских недругов синьории. В ночь с 28 на 29 ноября 1311 года Альбоино делла Скала умирает, а Кангранде остается единоличным и полновластным властителем Вероны. Кангранде попросил муниципалитет Вероны предоставить ему *l'arbitrium*, то есть полные полномочия. Тело Альбоино было помещено в саркофаг рядом с телом его отца Альберто I.

Примечательно, что переход власти произошел без значительных потрясений — факт, выделявший род Скалигеров среди прочих династий той эпохи, где смена правителя зачастую сопровождалась нескончаемой чередой раздоров, интриг, убийств и кровопролитных усобиц, которой не избежит в будущем и семья делла Скала, и, вероятно, сам Кангранде.

³⁵ Лука Фиески — генуэзский аристократ и кардинал Римско-католической церкви с 1300 года. Представитель могущественного рода Фиески, имел родственные связи с династией Плантагенетов, что обеспечило ему значительное влияние как в Италии, так и в Англии. Обладая многочисленными владениями в обоих государствах, он оставался убеждённым гвельфом, сторонником папской власти. Тем не менее, в 1311—1312 годах он был включён в состав папской делегации, сопровождавшей императора Генриха VII во время его похода в Италию. В 1317—1318 годах Фиески был направлен в Англию и Шотландию с дипломатической миссией, целью которой было прекращение Англо-шотландской войны, однако переговоры оказались безуспешными. Несмотря на это, его роль в европейской политике оставалась значительной. В последние годы жизни он обосновался в Авиньоне, где в период Авиньонского папства сосредоточил в своих руках большое состояние и сформировал многочисленный двор, оставаясь одной из ключевых фигур папской администрации того времени.

³⁶ С 1302 по 1319 год.

Именно эта стабильность позволила Кангранде вынашивать амбициозный замысел создания итальянской монархии под эгидой империи Генриха VII. Столь ревностное служение не ускользнуло от внимания императора, который в январе 1312 года счел нужным пожаловать правителю Вероны также викариат Виченцы. Впрочем, это назначение не обошлось без соответствующего денежного вознаграждения в императорскую казну: дружба дружбой, а финансовые интересы превыше всего, как гласит извечная мудрость.

Теперь вопрос установления контроля над виченцскими землями перешёл исключительно в военную плоскость, что означало неизбежность войны с Падуйей. Этому противостоянию суждено было растянуться на пятнадцать долгих лет, полных переменчивых успехов и горьких поражений.

Intermezzo 1

Рыцари, всадники и пехота

Военная организация войск Кангранде отражала примечательную тенденцию эпохи: пехота постепенно выдвигалась на передний план, оттесняя кавалерию, главным образом рыцарство, с её прежних позиций. Однако не стоит полагать, что конница полностью утратила своё значение. Она по-прежнему сохраняла притягательность как символ статуса для состоятельных горожан, способных нести немалые расходы на эту службу. Были у всадников и свои преимущества, которые никогда не станут доступны пехоте и городскому ополчению, особенно с учётом рельефа региона Северной Италии и географии размещения многочисленных фортификационных сооружений в ней.

Вопрос о кавалерии относит нас к одной очень важной теме, связанной с итальянским рыцарством. Дело в том, что рыцари бывают разные и не все из них по большому счёту являются классическими рыцарями, укоренившимися в нашем сознании произведениями Вальтера Скотта или историческими фильмами и сериалами. Мы немного отойдём от классического латинского термина *miles*, используемого для рыцарей и сосредоточимся на термине «кавалер» (*cavaliere*), который использовался для обозначения всех, кто сражался верхом, будь то люди благородного происхождения или простолюдины, а также действительно посвящённых в рыцари, посредством особого публичного и торжественного ритуала — *акколада* (от фр. *accolade* «объятие»). Любопытно, что во Франции, этот ритуал с XI века назывался *одубемон* или *adoubement* (от старофранцузского «*adouber*», по другой версии от франконского «*dubban*», что в обоих случаях означает «наносить удар», «касаться»). Это могла быть пощёчина — «*paumée*», или, в конце Средних веков, «*collée*» — удар по шеи. Акколада же была ударом плоской стороной меча по верхней части черепа, затылку или плечу, что являлось символической проверкой стойкости посвящённого. Впрочем, изначально удар или пощёчина могли быть совсем не символическими, так как должны были служить болезненным напоминанием о ритуале. Для итальянского рыцарства эта церемония называлась *addobbamento*, в ходе которой будущему рыцарю вручали, а точнее украшали его шпорами (сначала левой, а затем правой), жакетом, плащом, кирасой, латными рукавицами и, наконец, мечом. Так воин вступал в социальную категорию более или менее приравненную к дворянству. В то время как с VIII века рыцари составляли основную силу всех западных армий, ритуалы посвящения распространились лишь два-три столетия спустя. До сих пор происхождение и реальное распространение ритуального рыцарства далеки от единодушного толкования историками, которые также обсуждают и тему связи между рыцарством и дворянством.

Посвящение в рыцари было военным обрядом инициации германского происхождения. Бароном, графом, князем рождались, а рыцарем становились. Теоретически, даже пекарь или кузнец, если они отличились на поле боя, могли быть посвящены в рыцари. Но только теоретически. На практике это случалось лишь в исключительных случаях. В основном из-за того, что обучение рыцаря начиналось с колыбели. Отец-барон одевал младенца в шёлковое платье, отделанное горностаем, вёл его к крестильной купели и наделял обширными землями и солидным состоянием. Затем он поручал его кормилице благородной крови, с которой мальчик рос до семи лет. После этого его воспитанием занимался наставник, который учил его ездить верхом, играть в шахматы, впрочем, и в кости тоже.

Образование было запутанным и приблизительным, но сказать, что знать, и рыцари были неграмотными нельзя. Да, Вильгельм Завоеватель (англ. William I the Conqueror, фр. Guillaume le Conquérant; 1027/1028 — 1087) был неграмотным; существует большой вопрос, умел ли Карл Великий (фр. Charlemagne, 742/747 — 814) писать. Впрочем, другой вопрос — умел ли

он читать? — тоже остаётся открытым. Тем не менее, Карл не только стремился к собственному просвещению, но и поощрял распространение грамотности среди населения через сельских священников. Но надо отдавать себе отчёт, что король средневекового периода был верховным администратором, оказавшихся в его руках владений, и не умение читать, писать и считать в его позиции могло сыграть очень плохую службу. Высшая и средняя аристократия, вовлечённая в политику, законотворчество и дипломатию, составляла основной источник кадров для важнейших государственных должностей — от канцлеров до шерифов. Их образование было необходимым условием выполнения административных функций. Церковные иерархи, занимавшиеся дипломатией и правосудием, также не могли оставаться необразованными. Использование писцов не означало неграмотность тогдашней знати, а лишь отражало организацию делопроизводства того времени, когда документы писались на дорогих материалах и требовали самого аккуратного оформления.

Рыцари, хотя и занимали более низкое положение в социальной иерархии, также нуждались в грамотности. Будучи младшими сыновьями аристократов, они должны были быть готовы к управлению землями в случае наследования титула. Даже менее привилегированные рыцари, управлявшие небольшими фьефами, должны были разбираться в документах и финансах. Полностью неграмотными могли быть лишь редкие рыцари, получившие звание исключительно за военные заслуги, но к Высокому и Позднему Средневековью это становилось всё менее распространённым явлением. Безусловно, объём получаемых знаний варьировался. Военная подготовка оставалась приоритетной для будущих рыцарей, и многие из них имели поверхностное представление о науках квадривиума (арифметика, музыка, геометрия, астрономия) и тривиума (грамматика, риторика, диалектика). Их историческое образование часто ограничивалось изучением деяний античных героев — Ахилла, Гектора, Александра и Цезаря. Однако среди знати и рыцарства были выдающиеся деятели культуры. Вильгельм IX Аквитанский (фр. Guillaume IX d'Aquitaine; 1071—1126) стал основоположником поэзии трубадуров, король Ричард Львиное Сердце (англ. Richard the Lionheart; 1157—1199) был известен как поэт и музыкант, а Кретъен де Троя (фр. Chrétien de Troyes; 1135—1190) и Вальтер фон дер Фогельвейде (нем. Walther von der Vogelweide, 1170—1230) прославились как выдающиеся поэты рыцарского происхождения. Помимо личного творчества, аристократы активно покровительствовали искусству и литературе. Таким образом, миф о неграмотности средневековых лордов и рыцарей не подтверждается историческими фактами.

В двенадцать лет юный барон становился *дамуазо* (фр. *damoiseau* от лат. *damigello*) знатного господина, в чей замок он переезжал. Здесь он проходил настоящее военное обучение: учился обращаться с луком, держать щит, владеть мечом, метать копьё, фехтовать. Он присутствовал на турнирах и состязаниях и сопровождал барона, которому во время войны, верхом на коне, носил копьё и щит. В пятнадцать лет он наконец был готов стать рыцарем. Если синьор был доволен его успехами, то он производил его в рыцари через ритуал, описанный выше.

Несомненно, ритуальное рыцарство не было одинаково распространено во всех областях средневековой Европы, в то время как техники конного боя привели к повсеместному принятию одинакового типа снаряжения для рыцаря и его коня. Это не означает, что на поле битвы сражались на равных условиях хотя бы потому, что смелость, физическая сила, индивидуальная и коллективная подготовка, качество доспехов и, прежде всего, мощь и послушность коня были факторами, создававшими неравенство между бойцами. Не все были достаточно богаты, чтобы позволить себе полное облачение классического рыцаря. В Италии XIII — XIV веков для того, чтобы одеть рыцаря с головы до ног, требовалась сумма, которую квалифицированный работник мог заработать за много лет, при этом не тратя на себя и семью. За эти деньги рыцарь получал амуницию, состоящую из не менее чем 13 элементов. Одеть её самостоятельно он практически не мог и практически всегда ему требовалась помощь оруженосца в сопровождении одного или двух слуг, которых рыцарь тоже должен был одеть и экипировать.

Процесс начинался с «ножных одежд» (*panni di gamba*)³⁷ (1), названия, данного «нижнему белью» (*intima*), включавшему кальсоны или *брэ* (*brache*) (когда использовались) и чулки с кожаной подошвой. Затем надевалась вторая туника (2) из шерсти или хлопка, поверх которой надевалась стёганая подкладка (*sottocotta*) (3) из льна или хлопка, набитая конским волосом. Голова защищалась шапочкой (4), также набитой конским волосом. Затем наступала очередь кольчуги (*usbergo*) (5), но не раньше, чем предплечья были усилены кожаными наручами с металлическими пластинами (6). На ноги одевались чулки (7), также из металлических колец, и набедренниками (8). Дополнительным усилением для нижних конечностей были наколенники (9), поножи (10) и *стальные башмаки* (*solere*) (11), закреплённые кожаными ремнями. Латные перчатки (12) и кожаные перчатки под ними защищали руки. Для завершения защиты туловища надевался *пластинчатый жакет* (*giacco a piastra*) (13), состоящий из двух кожаных полукорсетов, обтянутых бархатом, внутри которых крепились металлические пластины. На голову надевался *бацинет* (*bacinetto*) (14), шлем итальянской формы, характеризующийся типичным забралом в форме собачьей морды. Наконец, дворянин опоясывался ремнём с мечом (15) и надевал шпоры (16)³⁸. Всего этого было недостаточно для завершения его экипировки, так как требовалось ещё оружие: копье, булава (*mazza turca*), кинжал, щит и как минимум три лошади с соответствующей сбруей. Чтобы получить некоторое представление о стоимости рыцарского облачения, было подсчитано, что она могла достигать 1400 граммов серебра — сумма, по тем временам определённо доступная крайне небольшому кругу состоятельного населения Европы.

К XIV веку усовершенствованный арбалет мог пробивать щиты и кольчужные доспехи. Чтобы противостоять этому, рыцари сначала носили похожий на пончо кафтан с маленькими прямоугольными пластинами, приклёпанными к нему, в то время как ноги, руки и кисти защищали сегментные пластинчатые доспехи. Небольшой квадратный выпуклый щит того времени (*тарч*) в конечном итоге стал использоваться только на турнирах, поскольку улучшенные доспехи сделали его ненужным. Новая форма шлема присоединилась к полностью закрывающему большому шлему и широкополой *шанели* (фр. *chapel-de-fer*, буквально «военная шляпа»). Это был более обтекаемый, плотно прилегающий бацинет с кольчужной бармицей (*самил*) от подбородка до плеч, который часто имел подвижное забрало. К концу 1300-х годов впервые появилась бригадинна (фран. *brigandine*, англ. *brigandine jacket*) — тип доспехов, состоящий из набора металлических пластин, приклёпанных внутри или снаружи кожаной или льняной основы. Будучи лёгким и гибким, его обычно носили поверх других видов доспехов, таких как кольчуга или поверх стёганой одежды, такой как гамбезон или гамбезон (*gambesone*, *gambeson*), также называемого бамбаджоне (*bambagione*), акетон (*aketon*) или зупарелло (*zuparello*).

Через несколько лет, примерно к 1420 году, в употребление вошли полные пластинчатые доспехи, защищавшие с головы до ног, завершив классический образ рыцаря в сияющих доспехах, хотя эпоха рыцарства уже неумолимо приближалась к своему закату.

Но вернёмся к итальянским рыцарям. Итальянское рыцарство было неоднородным. Начнём с самого его верха. *Cavalieri Addobbati*, также известные и как *Cavalieri di Corredo*, представляли собой элиту среди итальянских рыцарей в Средние века. Оба названия происходят от слов *addobbo*, старинного термина, обозначающего украшение (этот процесс мы описывали выше), и *corredo*, означающего снаряжение. Это были рыцари, которые могли позволить себе роскошную одежду, доспехи и снаряжение для себя, своего боевого коня и парадного скакуна³⁹.

³⁷ В этом абзаце представлены названия предметов экипировки рыцарей на итальянском языке.

³⁸ «Il Cavaliere». Ser HeedKeen. Archived from the original on 2016-03-04. Дата обращения: 2024-10-15. <https://web.archive.org/web/20160304131146/http://www.heedkeen.altervista.org/HKXJ/biblioteca/Storiamedievale/Ilcavaliere.htm>

³⁹ Littell & Littell, *The Living Age*, p. 180.

Согласно флорентийскому аристократу, поэту и писателю Франко Саккетти (Franco Sacchetti, 1332 — ок. 1400)⁴⁰, в его время существовало ещё три типа итальянских рыцарей. *Cavalieri bagnati*, или рыцари купальни, посвящались в рыцари с помощью сложных церемоний, во время которых их омывали от всей «скверны». *Cavalieri di scudo*, или рыцари щита, были людьми, посвященными в рыцари князьями или государями. *Cavalieri d'arme*, или рыцари оружия, были воинами, которых посвящали в рыцари до или после сражения⁴¹. Эти различия, по-видимому, не были особенно строгими⁴². Тем не менее, титул *dominus* обычно предназначался для кавалеров аддоббати и священников⁴³. То есть Кангранде носил его и как посвящённый в рыцари, и как поместный властитель. В 1182 году мы узнаем, что феодальная инвеститура епископа Гаймаро Иврейского (Gaimaro di Ivrea) была проведена в присутствии и с согласия десяти вассалов, пятеро из которых были кавалерами аддоббати из ведущих семейств Иврии, Верчелли и Канавезе⁴⁴.

Конечно, основная часть населения итальянских коммун, принадлежавшая к небогатым слоям общества, не имела возможности нести расходы на дорогостоящую кавалерийскую подготовку, обучение владения различными видами оружия, приобретение боевого коня, экипировки и содержание оруженосца.

В реалиях даже позднего Средневековья простые горожане были всецело поглощены ежедневной борьбой за существование. Тяжёлый физический труд, необходимость обеспечивать многочисленную семью и выплачивать многочисленные подати не оставляли времени для серьёзной военной подготовки. Даже если бы финансовые возможности позволяли приобрести им воинское снаряжение, плотный график работы в поле, в ремесленной мастерской или на торговой площади не давал возможности посвящать достаточно времени воинским упражнениям. В отличие от знати, располагавшей и средствами, и досугом для военных тренировок, простолюдины не могли позволить себе отвлекаться от насущных проблем выживания. Экономические условия Средневековья, с его частыми неурожаями, эпидемиями и социальными потрясениями, только усугубляли эту ситуацию, вынуждая большинство населения сосредотачивать все силы на поддержании минимального уровня жизни.

В этих условиях пехота, формировавшаяся из рядовых горожан, приобрела особое значение в военной структуре. В Вероне, как и в других итальянских городах-государствах, пешие

⁴⁰ Франко Саккетти — выдающийся итальянский писатель, поэт и государственный деятель позднего Средневековья. Родился во Флоренции или в Рагузе (современный Дубровник) в древней и знатной флорентийской семье Саккетти, активно участвовавшей в торговле и политике. С юности он проявил себя как талантливый поэт, но основное внимание уделял торговле, а затем государственной и дипломатической службе. В течение жизни занимал высокие должности в городах Тосканы и Романьи, включая пост подесты в Сан-Миниато, Фаэнце и Биббьене. После восстания чомпи (1378) его родной брат Джанноццо (Giannozzo Sacchetti) был казнен, а семья подверглась изгнанию, но сам Франко избежал этой участи благодаря своей репутации честного и благоразумного политика. Как писатель, Франко Саккетти вошёл в историю прежде всего благодаря своему сборнику «Треченто новелле» (*Trecento novelle*), содержащему 223 сохранившиеся новеллы из первоначально запланированных 300. Его новеллы представляют собой реалистичные зарисовки повседневной жизни Флоренции конца XIV века, наполненные живым народным языком и юмором. В отличие от Джованни Боккаччо, Саккетти избегал сложных сюжетных конструкций, отдавая предпочтение коротким, поучительным и часто сатирическим историям. Его стиль отличался простотой и непосредственностью, а сюжеты черпались как из собственных наблюдений, так и из устных преданий. Помимо новеллистики, Саккетти оставил значительное поэтическое наследие, включая «Книгу рифм» (*Libro delle rime*) — сборник более чем 300 стихотворений, затрагивающих темы любви, политики, морали и религии. Среди его ранних произведений выделяется поэма «Битва прекрасных дам Флоренции со старухами» (*La battaglia delle belle donne di Firenze con le vecchie*), в которой он использовал элементы как литературной, так и устной традиции. Его произведения не только дают представление о культуре и быте эпохи, но и служат важным источником по истории итальянского общества XIV века. Умер Саккетти в Сан-Миниато, вероятно, во время эпидемии чумы в 1400 году, оставив после себя богатое литературное наследие, остающееся значимым для историков и литературоведов по сей день.

⁴¹ Bettinelli, *Risorgimento d'Italia: negli studi, nelle arti e nei costumi dopo il Mille*.

⁴² Littell & Littell, *The Living Age*, p. 180.

⁴³ Barbero, *Vassalli, nobili e cavalieri fra città e campagna*, p. 625.

⁴⁴ Barbero, *Vassalli, nobili e cavalieri fra città e campagna*, p. 7.

воины стали основой городского ополчения. Их главным преимуществом была способность создавать мощное давление на противника даже при отсутствии сложной боевой выучки.

Важно подчеркнуть, что масштабные сражения, предполагавшие организованное противостояние армий с заранее выстроенными, а лучше будет сказать, выставленными боевыми порядками, были редкостью в военной практике того периода. Военные действия чаще сводились к локальным столкновениям, где простые тактические построения пехотных отрядов оказывались вполне результативными. Более того, далеко не всё в то время сводилось к военным столкновениям. Часто боевые отряды сосредотачивались на вылазках на территорию враждебных коммун ради грабежа и «возмещения» старых обид и потерь, а также осадах замков и крепостей. Осады и, в идеале, взятие укрепленных пунктов позволяло снизить ресурсную базу противника, а также ограничить его возможности на ответные вылазки.

В свете этих перемен вооружение пехотинца того времени претерпело значительные улучшения, выйдя за рамки прежней стёганой одежды, изредка дополненной металлическими элементами защиты. Уже на исходе XIII столетия городские статуты предписывали пешим воинам облачаться в панцирь, шлем и горжет, снабжать правую руку перчаткой, а также вооружаться ножом, мечом и неизменной *роэллой* (*roella*) — компактным круглым щитом для защиты предплечья. Венчало это снаряжение длинное копье — *lancia lunga*, именуемое так в противовес более короткому кавалерийскому варианту.

Нарастающая профессионализация войска привела к дифференциации прежде однородной массы пеших воинов. Теперь стали различать рядовых пехотинцев и стрелков, вооружённых метательным оружием, среди которого особое место занял арбалет. Это оружие, известное на Апеннинском полуострове по меньшей мере с XI века, поначалу использовалось наряду с луком, но со временем полностью вытеснило его, став инструментом, способным кардинально влиять на ход сражений.

Эта эволюция военного дела отражала глубинные изменения в социальной и экономической структуре итальянских городов-государств, где растущая роль пехоты символизировала усиление позиций городского сословия в противовес традиционной феодальной знати.

Парадоксальным образом, значимость пехоты зачастую умалялась хронистами, большинство из которых стремились воспевать подвиги более благородной кавалерии. Не случайно в бесчисленных описаниях армий конница неизменно упоминалась первой, зачастую без её дифференциации. Столь же странно эти же летописцы спешили обойти молчанием присутствие ещё одной ключевой составляющей войск Кангранде — известных отрядов *militēs levis armaturae* или *берровьеров* (*berrovieri*)⁴⁵. Первоначально они исполняли роль конного сопровождения при поездках подест и вылазках капитанов народа за пределы города. Обычно их было шесть. Со временем они стали самостоятельным подразделением легкой кавалерии, которая отличалась не только облегчёнными доспехами, но и низким качеством лошадей. Возможно, такое пренебрежение объяснялось тем, что предоставленная им свобода действий нередко выливалась в откровенный грабёж, настолько, что в народе слово «берровьер» стало синонимом преступника.

Внимание историков того периода было приковано к ещё одному явлению — трансформации отношения граждан (*cives*) Веронской марки к войне. Если в середине XIII века итальянский юрист и писатель Роландино да Падова (Rolandino da Padova; 1200 — 1276) страстно превозносил свободу и честь своего города как высшие ценности, достойные защиты до последней капли крови, то, менее века спустя, у юриста, дипломата и хроникёра из Падуи Гульельмо Кортузи (Guglielmo Cortusi; ок. 1305 — 1361) война предстаёт не как эффективное сред-

⁴⁵ Berroviere, berrovrière или birrovrière от прованского berrovier или старофранцузского berrouier, что, возможно, означает «человек, солдат из французской области Берри». По другой версии, слово происходит от др. латинского слова *birgo* — пришешник.

ство защиты отечества, а как небесная кара, описываемая с пессимизмом и почти смирением. Вооружённая борьба перестала быть частью коллективного сознания, которое теперь отвергало её, воспринимая как исключительно частный интерес правителей.

Снижение готовности граждан к воинской службе, несомненно, было обусловлено атмосферой нестабильности и перманентной военной мобилизации, характерной для Вероны того периода. Этот сдвиг в общественном сознании отражал глубинные изменения в социальной структуре и политической культуре итальянских городов-государств, где традиционные республиканские идеалы гражданского ополчения — *милиции* уступали место профессионализации военного дела и растущей отчуждённости населения от военных забот.

Военные кампании столь значительного масштаба требовали постоянно действующих и профессионально подготовленных армий — качеств, недостижимых для гражданского ополчения. Это обусловило необходимость специальной подготовки и, прежде всего, количественного и качественного превосходства над тем, что могли предложить горожане и сельские жители.

Эксперимент с наёмными войсками, уже неоднократно опробованный, стал, таким образом, неизбежностью, преодолев изначальное неприятие, связанное с необходимостью оплаты их услуг, в отличие от безвозмездной службы добропорядочных граждан.

Восхождение Кангранде ознаменовало институционализацию оплачиваемых воинов — *soldaerii*. Из элитной гвардии на личной службе у доминуса или временной военной необходимости они превратились в постоянный компонент армий Скалигеров.

Именно на этих профессиональных солдат сделал решительную ставку Кангранде, выстраивая свою репутацию «воинственного и завоевательного гения»⁴⁶, столь очаровавшую историков, или, согласно более трезвому взгляду хронистов — «человека войны» (*homo de guerra*). Полководец одним из первых интуитивно осознал потенциал «солдат удачи»⁴⁷ и ускорил процесс их интеграции в военную структуру защиты итальянских коммун. Если на начальном этапе наем ограничивался отдельными войнами или командирами и их небольших групп воинов, то вскоре перешёл к всё более многочисленным контингентам, предвосхищая неизбежное формирование крупных наёмных отрядов.

Эта трансформация военной организации отражала глубинные изменения в политической и социальной структуре итальянских городов-государств, знаменуя переход от гражданской милиции к профессиональным армиям и закладывая основы для последующего расцвета пёстрых наёмных компаний⁴⁸, таких как «Белая Компания» (*la Compagnia Bianca*), «Большая Компания» (*la Grande Compagnia*), «Компания Святого Георгия» (*la Compagnia di San Giorgio*), «Компания Звезды» (*la Compagnia della Stella*) и итальянского кондотьерства⁴⁹ как такового.

Кангранде стал притягательным центром для множества искателей удачи со всей Европы, жаждавших послужить под его знамёнами. Документы сохранили имена многочисленных иноземцев, прежде всего немцев, а также выходцев из Бургундии, Гаскони, Прованса и, конечно, Каталонии. Хронисты того времени вынесли им суровый приговор, утверждая, что «ярость тевтонцев» (*teutonicorum furor*) стал дурным примером и в конечном счёте способствовал упадку нравов. Это суждение приобрело пророческий характер, когда вскоре к ненадёжным, чрезмерно жестоким и алчным чужеземцам присоединились местные авантюристы, среди которых выделялись тосканец Угуччоне делла Фаджиола (*Uguccone della Faggiuola*) и ломбардец Лодризидо Висконти (*Lodrisio Visconti*; ок. 1280 — 1364), обозначив тем самым наметив-

⁴⁶ Итал. *genio belligerante e conquistatore*.

⁴⁷ Итал. *soldato di ventura* или *venturiero*.

⁴⁸ Итал. *Compagnia di ventura*.

⁴⁹ Термин «кондотьер» (итал. ед. ч. «*condottiero*») происходит от слова «*condotta*», которое представляло собой договор о службе, заключенный между городом, коммуной, республикой, синьором и отрядом наёмных воинов. Обычно эти кондотты были исключительно подробными и регламентировали практически все аспекты взаимодействия нанимателя и компании наёмников, что требовала значительного штата бухгалтеров, юристов и проверяющих.

шуюся тенденцию вытеснения иностранных наемников, исключительно представителями итальянской земли, хотя, пока, и не до конца.

Именно благодаря этим кондотьерам, а также своему несомненному военному таланту, Кангранде смог бросить вызов Падуе — городу, сравнение с которым Верона проигрывала как в экономическом, так и военном смысле.

II

Ещё начиная с 1311 года Кангранде провоцировал жителей Падуи своими всевозможными враждебными действиями, кульминацией которых стало отведение русла реки Баккильоне — эпизод, упомянутый многими наблюдателями того времени, включая Данте в «Рае»⁵⁰. Экономический ущерб от этой акции был столь велик, что Падуя ожидала компенсации в 20000 флоринов, выплату которой Виченца, разумеется, всячески оттягивала.

В январе 1312 года падуанцы были крайне раздражены известиями, дошедшими до города, согласно которым Кангранде якобы был назначен имперским викарием не только Вероны, но также Виченцы, Падуи, Тревизо и Фельтре, что было, конечно, только частично правдой. Один из разочарованных послов, Роландо Пьяццола (Rolando Piazzola), с большим красноречием призвал падуанцев к сопротивлению против Империи. Муссато, пользовавшийся уважением и дружбой Генриха, противопоставил свои доводы речам Роландо и попытался образумить своих сограждан, призывая их к умеренности. Тщетно: при голосовании предложение Роландо было принято.

В феврале жители Виченцы призвали Кангранде и назначили его правителем города. Скалигер изгнал из Виченцы своих противников и назначил подестой своего двоюродного брата Федерико делла Скала. Жители Падуи, не смирившиеся с такой узурпацией власти в городе входящем в орбиту их интересов, да ещё и представителем гибеллинов, выплеснули свой гнев в акте символического неповиновения, который стал предвестником грядущего противостояния между их городом и Вероной: с величественных общественных зданий, с городских ворот и даже с фасадов частных домов срывались императорские орлы. Площадь города стала свидетелем особого ритуала неповиновения: собранные отовсюду имперские символы были преданы очистительному пламени. Языки огня, пожиравшие геральдических орлов, освещали лица горожан, в глазах которых читалась решимость отстоять независимость своего города.

В то же время, осознавая неизбежность военного конфликта, падуанцы с лихорадочной поспешностью укрепляли свои крепости, обращённые к Виченце. Каждый камень, уложенный в оборонительные стены, каждый ров, углублённый перед бастионами, становился свидетельством готовности города противостоять любой угрозе извне.

В самой Падуи происходят исключительно драматические события, отразившие всю глубину политических страстей той эпохи. 15 февраля 1312 года залы Дворца Правительства в Падуе стали свидетелями кровавой драмы, Антонио ди Карменьяно (Antonio di Carmignano), в сопровождении группы заговорщиков, совершил жестокое убийство мессера Гульельмо Новелло деи Пальтанери (Guglielmo Novello dei Paltaneri), признанного лидера гибеллинов Падуи. Убийцы, защищённые могуществом своих покровителей, беспрепятственно покинули зам собрания и город, оставив за собой шлейф страха и негодования.

Возмездие не заставило себя ждать. Айкардино ди Каподивакка (Aicardino di Capodivacca), движимый чувством справедливости, настиг и казнил Антонио и одного из его сообщников Кларелло де Бульи (Clarello de' Bugli) вместе с его сыном. Весть о гибели Гульельмо Новелло всколыхнула политический ландшафт региона. Ринальдо дельи Скровеньи (Rinaldo degli Scrovegni, родился до 1289)⁵¹, охваченный тревогой за будущее, поспешил в Виченцу к Кангранде предложением передать ему замок Трамбаке. Однако мудрый правитель Вероны, взвесив политические риски, отклонил это предложение, стремясь избежать кон-

⁵⁰ Dante. *La Divina Commedia. Paradiso*. Canto IX: 46—48.

⁵¹ В поэме «Божественная комедия», Данте в песне XVII говорит, что он видел Ринальдо в VII круге Ада, где жестокие люди наказываются вечными муками.

фронтации с падуанским правительством. Импульсивный Ринальдо был отправлен в ссылку в далекую Каподистрию.

В этот критический момент гвельфы, державшие бразды правления в Падуе более по партийной преданности, нежели по праву справедливости, собрались для решительных действий. Влиятельные семейства — Маккаруффи⁵² (Maccaruffi), да Понте (da Ponte), Полаффриксана (Polafrixana), Альтекини (Altechini), де Малици (de Malizi), Террадура (Terradura), Виллаконте (Villaconte) — вместе с прославленным поэтом Альбертино Муссато (Albertino Mussato, лат. Albertinus Mussatus; 1261 — 1329)⁵³ объединились для противостояния растущему влиянию противников.

Результатом их совещаний стала масштабная политическая чистка. В изгнание были отправлены Марко Форцате (Marco Forzatè), Габоардо Скровеньи (Gaboardo Scrovegni), брат опального Ринальдо, Траверсо Делемани (Traverso Delemani) и многие другие. Свои действия гвельфы оправдывали угрозой со стороны Кангранде делла Скала, стремившегося, как они считали, захватить Падую.

Бразды правления городом были доверены триумвирату: харизматичному Тизо да Кампосампьеро (Tiso VIII Novello da Camposampiero; 1261/63 — 1312)⁵⁴, снискавшему народную любовь, и представителям семейства Макаруффи — братьям Макаруффо (Macaruffo Maccaruffi)⁵⁵ и Барнаба (или Бернабо) (Barnaba (Bernabò)), а также опытному политику Пьетро Альтикино (Pietro Altichino). Этим решением гвельфы надеялись укрепить свою власть в городе, раздираемом политическими противоречиями. Однако, политическая ситуация явно

⁵² Маккаруффо были старинным падуанским родом, исторически связанным с родом да Каррара. Этот союз особо проявился в войне против венецианцев за границы Падуанской Синьории. Когда в 1405 году Венеция одержала победу над да Каррара и положила конец власти этих правителей, имущество их сторонников было продано с аукциона, чтобы оплатить военные расходы Венеции. Среди них был, замок и земли в Бруджине, которую 15 августа 1422 года купил венецианский магнат Антонио Роберти.

⁵³ Альбертино Муссато был выдающимся итальянским политиком, литератором, драматургом и историком. Получив образование в Университете Падуи, он начал карьеру как нотариус и дипломат, вскоре став членом Совета города (*Consiglio di Padova*). Стремился защитить автономию Падуи от веронского влияния Кангранде делла Скала, участвовал в переговорах с императором Генрихом VII и представлял город перед папой Бонифацием VIII. Его активное участие в политической жизни сделало его одним из главных защитников коммунальных свобод в начале XIV века. Как писатель, Муссато был одним из первых представителей предгуманизма. Он входил в интеллектуальный кружок Ловато Ловати (Lovato Lovati; ок. 1240 — 1309) и занимался восстановлением античных текстов. В 1315 году получил титул поэта-лауреата (*poeta laureato*), став первым в истории, кому официально был присвоен этот статус. Среди его исторических трудов выделяются *Historia Augusta Henrici VII Caesaris* («История императора Генриха VII») и *De gestis Italicorum post Henricum VII Caesarem* («Деяния итальянцев после Генриха VII»), которые являются важными источниками по истории Италии XIV века. В 1313 году он написал трагедию *Ecerinis* («Эццеринис») о жестокости Эццелино III да Романо (Ezzelino (также Ecelino) III da Romano; 1194 — 1259), используя её как предупреждение против тирании Кангранде. Это произведение, следующее традиции Сенеки, считается одним из первых примеров возрождения античного драматического искусства в средневековой Европе. Его вклад в литературу и историческую науку оказал значительное влияние на развитие итальянского гуманизма. Хотя традиционно гуманистическое движение связывают с эпохой Петрарки, современные исследования признают Муссато и его окружение предшественниками этого интеллектуального течения. Скончался он в изгнании в Кьодже в 1329 году, оставаясь до конца жизни верен идеалам независимости Падуи.

⁵⁴ Тизо да Кампосампьеро — представитель влиятельной династии политиков и военачальников. Он унаследовал обширные владения в Падуе и Тревизо, которые расширил за счёт земель, ранее принадлежавших династии Эццелино. В 1286 году, благодаря союзу с Герардо да Камино, стал подестой Тревизо и укрепил свое влияние в регионе. В 1288 году занял пост подесты Феррары, но после неудачного заговора против Обиццо II д'Эсте вынужден был покинуть город. Вернувшись в Падую, он быстро стал одним из самых влиятельных гвельфов, сыграв важную роль в политике города. В 1303—1304 годах был подестой Виченцы, а в 1308 году заключил союз с Аццо VIII д'Эсте против его родственников и Венеции. В 1310 году поддержал заговор Байамонте Тьеполо (Bajamonte Tiepolo; ум. 1328) против венецианского дожа Пьетро Градениго (Pietro Gradenigo; ок. 1250 — 1311), а год спустя помог организовать новое выступление против Венеции. В 1311 году, когда император Генрих VII назначил своего наместника в Падуе, Тизо возглавил оборону города, активно противодействуя экспансии Кангранде делла Скала, который захватил Виченцу. В результате борьбы с гибеллинами он стал фактическим правителем Падуи. В разгар войны с Вероной в 1312 году Тизо VIII внезапно скончался, завещав свои земли сыну Тизо IX (Tiso IX da Camposampiero; ум. 1333) и племяннику Гульельмо III (Guglielmo III da Camposampiero; ум. 1342). По свидетельству современников, он был самым могущественным падуанцем своего времени и крупнейшим представителем рода Кампосампьеро.

⁵⁵ Его настоящее имя было Бартоломео (Bartolomeo), но все его называли Маккаруффо, закрепившееся за ним в хрониках. Так, Муссато называет его латинским Macaruffus (Mussato, *Historia Augusta*, Lib. 6, p.47).

не благоволила Падуе — в город вернулись послы, прошедшие 100 безрезультатных дней в Пизе в ожидании аудиенции у Генриха. Был собран чрезвычайный совет, на котором Альбертино Муссато изложил ситуацию, зачитав также письмо, написанное императором 1 февраля, в котором он поручает своим полномочным представителям принять решение относительно падуанских претензий на Виченцу и реку Баккильоне.

Вызов императору, поддержавшему избрание веронца, дал Кангранде предлог для начала войны против Падуи. Не всё шло так, как было задумано... Мощная падуанская армия уже совершала разорительные набеги на спорные территории, неизменно ставя Кангранде в затруднительное положение. Много не получалось и у самого Кангранде.

Когда веронский правитель попытался нанести удар по Камизано-Вичентино, находящуюся на северо-западе от Падуи и которую удерживал падуанский капитан Мартино Кане (Martino Cane), то получил достойный отпор. В марте падуанцы совершают ответные конные набеги на Монтаньяну и Борго Колонья, предавая постройки огню. 28 марта они выступают против Виченцы, но сталкиваются с сопротивлением у моста Куартезолло. Тогда Мартино Кане ведёт часть своих сограждан и наёмников через брод, вступает в бой с вичентийскими войсками, ожидающими на другом берегу, и обращает их в бегство; многие погибают или попадают в плен. Впрочем, полного разгрома удаётся избежать, поскольку Федерико делла Скала сумел оперативно отправить подкрепление.

Кангранде, человек, не переносящий поражения, прибыл полный гнева в Виченцу. Его появление в городе ознаменовало начало жестокой расправы над теми, кого он считал виновными в неудаче. Твердой рукой правитель Вероны вершил свой суд. Эшафоты обгадились кровью осужденных, темницы наполнились теми, кто избежал смертного приговора. Атмосфера страха и подозрительности окутала улицы Виченцы. Сам факт того, что некоторые горожане в спешке искали убежища за стенами Падуи, красноречиво свидетельствовало о существовании тайного заговора против власти Скалигера.

В этой наэлектризованной атмосфере армия Виченцы выступила в поход, стремясь предупредить новые враждебные действия со стороны падуанцев. Однако их противник оказался быстрее. Ещё до конца апреля войско Падуи, воодушевлённое поддержкой союзников из соседнего Бассано, обрушилось на пригород Маростики, где годом ранее Кангранде построил два замка — Нижний замок, также называемый *Кастелло да Бассо*, и Верхний замок, и разграбили множество поселений вокруг Виченцы.

Эта победа оказала глубокое влияние на моральный дух падуанцев. Упоение успехом, однако, таило в себе опасное семя — оно породило в сердцах горожан пренебрежительное отношение к могуществу Кангранде. Они не осознавали, что недооценка такого противника, как правитель Вероны, могла иметь фатальные последствия. Скалигер, затаивший обиду и жаждущий реванша, уже обдумывал планы мести, которые вскоре должны были потрясти основы политического равновесия в регионе.

Пламя, пожирившее предместья Маростики, стало предвестником ещё более масштабных потрясений, готовых обрушиться на земли Венето. В воздухе витало предчувствие грядущих событий, которые должны были навсегда изменить судьбу этого и без того беспокойного края.

Кангранде тем временем отомстил падуанцам; вместе с войсками Ринальдо деи Бонакольси (итал. Rinaldo dei Bonacolsi; 1278 — 1328), называемого за маленький рост Пассерино (итал. Passerino), то есть «Воробей», он поспешил к Мантуе. Населённые пункты Арлезега, Мострино, Рубано, и ряд близлежащих сельских районов — называемых *контадо* (*contado*)⁵⁶,

⁵⁶ В средневековой Италии термин «контадо» обозначал сельскую территорию, окружающую город. В период коммун, города расширяли свое влияние на эти сельские области. Контадо рассматривался как продолжение самого города, и городские власти стремились контролировать эту территорию, что иногда приводило к конфликтам с местной знатью и сельскими общинами. Этот процесс расширения городского контроля над окружающей сельской местностью известен как «комитати-

находившихся всего в шести милях⁵⁷ от Падуи, были разрушены, а деревня Монтаньяна, которую защищал Риццардо да Камино (Rizzardo II da Camino; 1274 — 1312)⁵⁸, была сожжена.

Прибытие вражеских подкреплений вынудило Кангранде отступить к Виченце. Падуанцы же продвинувшись до Эсте, направили Николо да Лощо с отрядом наёмников осаждать Новенту-Висентину, расположенную на юге территории Виченцы. Населённый пункт Стади был захвачен и разрушен.

Кангранде оказался в серьёзной опасности. Ситуацию спас имперский викарий Ломбардии Вернер фон Хомберг (нем. Werner von Homberg; 1284 — 1320)⁵⁹, которого Кангранде призвал к себе на помощь. Наместник прибыл в Виченцу и опустошил Зовон и Роволон на территории Падуи, но буквально через полтора дня он вернулся обратно, так как в Ломбардии начались волнения.

Тем не менее, прибытие наместника несколько уредило пыл падуанцев. Благоразумные члены городского совета стали призывать к заключению мира с врагом. Но подавляющее большинство совета руководствовалось, скорее, энтузиазмом, и хотели вернуть не только Виченцу, но и положить к своим ногам всю Ломбардию.

Короткое присутствие фон Хомберга также позволило Кангранде, собрав войска Мантуи, Вероны и Виченцы и получив подкрепление от наместника, выступить против Черварезе Санта-Кроче на реке Баккильоне. Он с боем захватил замок Мотта, пленив его кастеляна мессера Деметрио де Конти (Demetrio de' Conti), который впоследствии умер в тюрьме Виченцы. Мотта была предана огню, а Кангранде вернулся в Виченцу.

Гуэчеллоне VII да Камино (Guecellone VII da Camino; ок. 1275 — 1324)⁶⁰, пришедший к власти в Тревизо после убийства своего старшего брата Риццардо, узнав о потере замка,

нанца» (*comitatinanza*). Часто её конечной целью было подчинение всей территории городу.

⁵⁷ Итал. miglio. В зависимости от города, длина мили было разным. В Венеции одна миля составляла 1738 метров, Генуе — 1488,5, Милане — 1784,8, Флоренции — 1653,6, Неаполе — 1845,7, Парме — 1635,5, Палермо — 1486,60. Таблица мер длины представлена в приложении.

⁵⁸ Риццардо II да Камино (Rizzardo II da Camino; 1274 — 1312) — синьор Тревизо (с 1306), сын Герардо III да Камино и Аилисы да Виваро (Ailice da Vivaro). Соправитель отца с 1301 года. Имперский викарий Тревизо (*vicarius civitatis Tervisii*) с 1311 года. В ноябре 1295 года женился на знатной коринтийке Катерине фон Ортенбург (Caterina von Ortenburg). После её смерти вступил во второй брак (1309) с Джованной Висконти (1298—1339), вдове титулярного судьи Галлуры. В 1309 году, после войны с патриархом Аквилеи, получил титул капитана-генерала Фриуля. В 1309—1310 годах утратил завоёванные территории и поддержку Венеции из-за конфликта с графом Горицийским. В 1311 году перешёл на сторону гибеллинов и получил от императора Генриха VII пожизненный титул имперского викария Тревизо (*vicarius civitatis Tervisii, territorii et districtus eiusdem*). Был смертельно ранен в 12 апреля 1312 года во время игры в шахматы в своём дворце в Тревизо. Убийца был немедленно казнён, заказчики достоверно не установлены (среди подозреваемых: знать Тревизо и Падуи, Кангранде делла Скала, брат Гуэчеллоне VII).

⁵⁹ Вернер II фон Хомберг — швейцарский аристократ, военачальник, миннезингер и участник итальянского похода Генриха VII. Он происходил из рода графов Фробург-Хомберг и был сыном Людвиг I фон Хомберга (нем. Ludwig I von Homberg; ок. 1268 — ум. 1289) и Елизаветы фон Рапперсвилль (нем. Elisabeth von Rapperswil; 1251/1261 — 1309). После смерти отца его мать вышла замуж за Рудольфа III фон Габсбург-Лауфенбурга (нем. Rudolf III. von Habsburg-Laufenburg; 1270 — 1315), а Вернер унаследовал земли в Швейцарии, включая Марх и Вэгиталь. В 1302 году король Альбрехт I (нем. Albrecht I.; 1255—1308) попытался оспорить его владения, но Вернер, заручившись поддержкой швейцарских кантонов, заключил с ними союз. В 1303 году он продал своё родовое графство Хомберг и город Листаль епископу Базеля. В 1304 году присоединился к походу Тевтонского ордена против Литвы. В 1309 году он был назначен императором Генрихом VII рейхсфогтом Вальдштеттов (центральных швейцарских кантонов). В 1310 году вместе с Генрихом отправился в Италию, где стал генеральным викарием Ломбардии и участвовал в походе императора, направленном на утверждение его власти в регионе. В 1313 году Вернер фон Хомберг получил право на сбор пошлин во Флюэлене. В 1319 году Габсбурги передали ему в залог монастырские владения в Айнзидельне. В 1320 году он погиб во время осады Генуи в одном из военных походов. Помимо военной и политической деятельности, он известен как миннезингер и характеризуется как «наиболее исторически значимый менестрель Швейцарии». Его образ и военные подвиги запечатлены в «*Codex Manesse*» («Кодексе Манессе») (лист 43v), одной из важнейших рукописей средневековой немецкой поэзии и «*Die vier Tagelieder*» («Песнях четырех дней») Иоганна Хадлауба (Johannes Hadlaubs), первой четверти XIV века.

⁶⁰ Гуэчеллоне (также Гуэчелло) VII да Камино — последний синьор Тревизо из рода да Камино (1312), второй сын Герардо III да Камино. С детства готовился к духовной карьере. После смерти старшего брата Риццардо в апреле 1312 года занял пост генерал-капитана Тревизо. 15 декабря того же года был изгнан из города восставшими горожанами под предводительством Рамбальдо да Коллальто, предположительно из-за его союза с Кангранде, в котором видели угрозу независимости города.

предложил свою помощь гвельфскому правительству, возобновил союз с Падуйей и направил против Кангранде милицию Тревизо. К нему присоединились силы муниципалитетов Фельтре, Беллуно, а также Франческо д'Эсте.

Армия новой коалиции, насчитывавшая, по оценке Альбертино Муссато⁶¹, около 17000 человек (не считая вспомогательных войск из Кремоны)⁶², расположилась у моста в Куартезола и разбила укрепленный лагерь. Легкая пехота была отправлена вперёд, чтобы разведать местность и разграбить вражескую территорию вплоть до Виченцы обильно усеянную полями и виноградниками. Герардо да Энцола (Gherardo da Enzo; ок. 1258 — 1321)⁶³ отправил на

В 1317 году при поддержке делла Скала предпринял неудачную попытку осады Тревизо. Сохранил власть над Фельтре и Ченедой, а в 1316 году получил от Кангранде Кадоре — бывшее владение патриархов Аквилеи. Умер в Серравалле в 1324 году. Его сын Риццардо VI да Камино (ум. 1335) унаследовал титул графа Ченеды и был женат на Верде делла Скала (Verde della Scala; ум. 1340), дочери Альбоино.

⁶¹ Mussato, *Historia Augusta*, p. 429, 430.

⁶² Феррето де» Феррети упоминает о силах Кремоны, но чрезмерно преувеличивает численность войск коалиции до 50 тысяч рыцарей (!) и всего 10 тысяч пехотинцев.

⁶³ Герардо да Энцола родился в Парме, вероятно, после 1258 года, когда поженились его родители — Джакомо (Giacomo da Enzo) и Маркезина (Marchesina), богатая падуанская вдова, представленная его отцу Маттео да Корреджо, родственником семьи Энцола. Маркезина принесла мужу значительное приданое, на которое Джакомо приобрёл обширные владения в Повилио (Povilio) и начал прибыльную финансовую деятельность, которую историк, отец Салимбене Пармский, также Салимбене де Адам или Адамо (итал. *Fra Salimbene de Adam* (o) da Parma, лат. *Salimbene Parmensis*; 1221 — 1288) не колеблясь называл ростовщической. Вероятно, её результатом стало и приобретение дворца Адам (Palazzo degli Adam), расположенного рядом с баптистерием Пармы, который он получил «*ex dono*» — технический термин, который в первой половине XIII века обозначал проценты, полученные от предоставленных займов. В 1284 году Джакомо был посвящён в рыцари у дверей баптистерия Пармы и вместе со своим судьей Джакомо Мангларо (Giacomo Manglario) переехал в Модену, где был назначен подестой на первое полугодие. Однако он не завершил свой мандат, скончавшись внезапно в апреле 1284 года от апоплексического удара. Его похоронили у моденского собора, в гробнице у стены, на которой он был изображен верхом на коне, ознаменовав новую моду на конные портреты. Впрочем, не смотря на короткий срок, его правление было не такое спокойное. В городе были совершались убийства и другие тяжкие преступления, оставшиеся безнаказанными, что способствовало началу волнений в городе. Кроме того, разгневанные моденцы осквернили могилу покойного подесты, повредив его портрет — выпарапали глаза и испачкали его нечистотами («*caccaverunt super tumulum*»). В 1285 году они направили в Парму послов от народной партии (*populares*). Во время заседания Совета доверия (*Consiglio di credenza*) один из послов неуважительно отозвался об почившем Джакомо Энцола. Вот тогда на исторической сцене появляется его сын — Герардо, которому к тому времени было, вероятно, чуть больше 20 лет. Оскорбленный словами посла, он позже напал на него на территории епископа Реджо, тяжело ранив. За это пармские власти приговорили его к штрафу в 1000 пармских лир, которые он без труда выплатил. Несмотря на этот инцидент, в июле 1294 года он был призван в Модену, чтобы занять, как и его отец, должность подесты на второе полугодие. 1 ноября он присутствовал на пышной церемонии при дворе маркиза Феррары Аццо VIII д'Эсте, сына Обиццо (Obizzo II d'Este; 1247 — 1293), где вместе с братьями Пьетро (Pietro) и Джованни Санвитале (Giovanni Sanvitale), представителями ещё одной влиятельной пармской семьи, получил рыцарское звание от правителя Тревизо Герардо да Камино. По возвращении в Парму в начале 1295 года, он присоединился к семье Санвитале, что шло вразрез с традиционной поддержкой его семьей партии Гуидо, названной так в честь Гуидо да Корреджо (Guido da Correggio). Позже его родственники Томмазо да Энцола (Tommaso da Enzo) и Альдигерио делла Сенаца да Энцола (Aldighiero della Senaza da Enzo) раскрыли его заговор по передаче власти над Пармой маркизу д'Эсте. В праздник Святой Люции 13 декабря 1295 года произошло вооруженное столкновение противоборствующих группировок около мясных лавок Сан-Джорджо, где отряд Санвитале потерпел сокрушительное поражение от сил Корреджо и был вынужден искать убежище в замках Кроче и Крувиакко, поскольку обещанная поддержка от д'Эсте не прибыла вовремя. В 1297 году две фракции достигли мира, в том числе благодаря посредничеству правителя Феррары, и он смог вернуться в город. После смерти Гуидо (Guido da Correggio; ум. 1299) он сблизился с его сыном Джигерто и получил пост подесты Перуджи на второе полугодие 1300 года. Его семья была известна в этом городе: дяди Бернардо (Bernardo da Enzo) был подеста в 1265 году, Альдигерио в 1273 году, а Томмазо займет эту должность в 1303 году. В 1301 году маркиз Аццо д'Эсте назначил его подестой Феррары. В 1305 году вместе с нотариусом Паоло Руффа (Paolo Ruffa) он организовал заговор против Корреджо, был заключён в тюрьму на два года, а после освобождения в 1307 году отправлен в ссылку в Брешию. Вернувшись в марте 1308 года, он участвовал в новом заговоре против Джигерто, но нерешительность семьи Энцола помешала захватить власть. В мае того же года он неожиданно объединился с Джигерто для защиты замка Энцола, после чего они вместе вошли в город победителями, однако из-за разногласий 3 августа он был изгнан из Пармы. С приходом императора Генриха VII Италию он перешёл на его сторону и в августе 1311 года был назначен имперским викарием в Падуе, где безуспешно пытался договориться с викарием Виченцы Альдригетто ди Кастельбарко о возвращении падуанских владений и обеспечении свободного течения вод Баккильоне. После неудач в Падуе и кровавого восстания 12 февраля 1312 года его вновь избрали подестой, и эту должность он занимал до конца июня того же года вместе со своим ассессором, судьей Антонио деи Моргателли (Antonio dei Morgatelli) из Модены. В этот период он вновь сблизился с Джигерто, ставшим имперским викарием Реджо-Эмилии. Весной 1312 года они вместе атаковали Виченцу, но потерпели поражение. В июле 1315 года он представлял коммуну Пармы на мирных переговорах в Сан-Дзеноне, где был подписан мирный договор между гвельфами и гибеллинами. Забегая немного вперед, в сентябре 1316 года Маттео Висконти договорился с жителями Кремоны о мире при

разведку группу отборных людей, среди которых были Тизо да Кампосампьеро, Джакомо да Каррара (Giacomo I «l Grande» da Carrara; 1264 — 1324)⁶⁴, Панализа Буццаккарини (Panaliza Buzzaccarini)⁶⁵, а также уже известные нам Николо да Лоццо и Альбертино Муссато.

Итак, легкая пехота грабила окрестности Виченцы, но не решалась атаковать город, защищаемый 800 всадниками и 4000 пехотинцами под командованием Кангранде, который знал о всех передвижениях противника благодаря своим разведчикам. Предводители падуанцев пришли к правильному выводу, что осада города не сулит успеха, и через три дня покинули его окрестности и двинулись на юг вдоль Баккильоне. Они решили, что необходимо выполнить одну из важнейших задач того времени, в значительной степени определяющей отношения между Падуей и Виченцей — вернуть течение реки в прежнее русло, чтобы решить проблему нехватки воды в Падуе. Однако это было невозможно из-за того, что работам мешал замок Лонгаре, также расположенный на Баккильоне, совсем недалеко от Виченцы. Тем не менее, маленький почти безоружный отряд под предводительством Бенадоссио из Пармы осмелился напасть на первую башню, прикрывающую укрепления. Сопротивления не последовало и отряд продолжил штурм. Здесь Кангранде, видимо находясь в одной из башен, и застал их врасплох, уничтожив вместе со своими рыцарями, по сообщению Феррети, около 400 человек. Сам Бенадоссио и многие его люди, включая крестьян, которые и должны были осуществлять все земляные работы, утонули в реке. Те, кто пытался спастись вплавь, были убиты в волнах реки свирепыми местными крестьянами. В битве также пал подеста Падуи Трондо ди Каподивакка (Trondo di Capodivacca).

Тем временем Герардо да Энцола, который, как уже говорилось, после неудачного похода на Виченцу отправился из Куартезоло на юг, получил известие о беде, в которую попали его соотечественники. Он послал Бельтрамо (Beltramo) и Ланца дельи Опитерги (Lanza degli Opitergi) на помощь людям Бенадоссио, которые, боясь быть узванными преследователями, присоединились к боевому кличу Скалигеров — «Да здравствует Скала!». Прибытие Бельтрамо переломило ход этой резни. Веронцы были отбиты с большими потерями. Маттео да Лукки (Matteo da Lucca) и Пончета да Роволоне (Ponceta da Rovolone), два верных товарища Кангранде, 25 всадников и множество пеших воинов были убиты. Тем не менее, Лонгаре по-прежнему оставалась под твердой властью Скалигера, а значит Баккильоне продолжало течь ровно в ту сторону, в которую хотел Кангранде.

условии изгнания Герардо. В начале 1317 года, после восстания в Парме, он и Джиберто отправились за военной помощью к королю Роберту Анжуйскому в Неаполь. В сентябре 1319 года Герардо, ставший викарием Понтремоли, присутствовал в Генуе при принесении Джиберто клятвы верности Карло Фиески (Carlo Fieschi). В июле 1321 года убит своим близким родственником в родовом замке Повилио.

⁶⁴ Джакомо да Каррара, также известный как Якопо (Jacopo) Великий (il Grande), стал основателем династии Каррара или *Каррарези*, которая правила Падуей с 1318 по 1405 год. Его правление, посредством совета из уважаемых граждан города, связано с периодом единства и благополучия. Его обычно считают первым синьором Падуи (*signore*), а его избрание 25 июля 1318 года ознаменовало переход от *commune* к *singularem dominum* (к единому правителю) и режиму, известного современникам как синьория (*signoria*). Избрание Джакомо было отчасти результатом союза между фракциями гибеллинов и гвельфов Падуи, и после его избрания многие изгнанники гибеллинов вернулись. Однако он практически сразу отправил в изгнание Альбертино Муссато, который возражал против синьории и тосковал по старой коммуне. Он был женат на Анне, дочери Пьетро Градениго (Pietro Gradenigo), дожа Венеции и Томазины Морозини, племяннице влиятельной также Томазины Морозини (Tomasina Morosini), матери короля Венгрии и Хорватии Андраша III Венецианского (венг. András/Endre III. Velencei, хорв. Andrija III.; 1265 — 1301). Анна родила ему одну дочь, Таддею, и умерла в 1321 году. Сам он умер в 1324 году и был похоронен в церкви Эремитани в Падуе. Таддеа после смерти отца переехала в Венецию и вышла замуж за племянника Кангранде Мастино II делла Скала в церкви Сан-Джорджо Маджоре.

⁶⁵ Дом Буццаккарини — древний дворянский род из Падуи, ведущий своё происхождение с раннего Средневековья, примерно с VIII века. Первая информация о семье была задокументирована в Падуе в 1053 году. В XII—XIII веках Буццаккарини поддерживали тесные связи с правящей династией Каррара и могущественными Эццелино да Романо, что укрепило их влияние в регионе. Род внёс важный вклад в художественное и архитектурное наследие Падуи. По их заказу был создан знаменитый цикл фресок в баптистерии Падуанского собора, а также построена церковь Санта-Мария-деи-Серви. В XV веке некоторые представители семьи вступили в Орден госпитальеров, а позднее им были присвоены титулы маркизов, в том числе маркиза Сан-Раффаэле.

Необходимо признать, что профессиональные солдаты в рядах падуанской армии не испытывали страха перед молодым Кангранде. Как отмечает Муссато, среди наемников особо выделялся отряд каталонцев — около 200 воинов под предводительством Бернардо Каталано (Bernardo Catalano). Также в войске служил отряд, как показывают более поздние записи, тоже каталонец Бельтрамо Гульельми (Beltramo Guglielmi; ум. 1314)⁶⁶, пизанец Ланча дельи Опи-ченги (Lancia degli Opicengi) и Бургаруччо ди Сартильяно (Burgaruccio di Sartigliano) с 250 солдатами. Продвигаясь через Камизано и Вилла-Квинто, они достигли предгорий, где учинили масштабный грабёж, после чего нашли убежище в Бассано-дель-Граппа. В ответ Кангранде выступил из Виченцы во главе 200 всадников. Когда Бернардо, Ланча и Боргаруччо обнаружили веронских воинов, угонявших лошадей с пастбищ, они устремились за ними в погоню и преследовали их тысячу пасси⁶⁷. Бернардо, вооружённый лишь копьём и щитом, оказался во главе преследователей и натолкнулся на войско Скалигера первым. В последовавшей схватке Бернардо, Ланча и Боргаруччо пали, а их солдаты обратились в бегство.

Однако эту неудачу компенсировал успех падуанцев: Бьякино да Камино (Biaquino da Camino) совместно с дворянами Тревизо, следуя совету графа Винчигуэрры ди Самбонифачо и опираясь на знания местности Николо да Лощо (Nicolò di Lozzo), направил отряд из 400 всадников и 500 пехотинцев для нападения на веронские земли, к замку Колонья-Венета. Продвигаясь тайными тропами, после ночного перехода экспедиция укрылась в Монтаньяне для восстановления сил. Затем войско открыто выступило к Колонье, находившейся всего в 13 километрах. 3 июля они расположились в виду крепости, оставив часть сил в засаде. Веронский гарнизон, охранявший замок, решил проявить отвагу и осуществить превентивную вылазку силами полусотни всадников и 300 пехотинцев. Когда веронцы отделились от замка, Бьякино и граф Винчигуэрра, развернув знамена, нанесли удар с тыла. Веронцы, оказавшись в окружении и лишившись путей к отступлению, оказали яростное сопротивление, пытаясь прорвать кольцо врагов. В бою пали около 25 всадников, сотня человек попала в плен. На следующий день гвельфские отряды с триумфом возвратились, неся трофеем четыре знамени, отвоеванных у Скалигеров.

Воодушевленная успехом, Падуя устремилась в масштабное наступление против Кангранде. В городе собралась внушительная армия, объединившая ключевых союзников: Людовико ди Самбонифачо, графа Винчигуэрра (Ludovico di Sambonifacio; 1260—1317)⁶⁸, веронских изгнанников, Кортезию да Мантова (Cortesia da Mantova), Франческино де Рива (Franceschino de Riva), Альберто де Ровольяно (Alberto de Rovogliano), и Гульельмо да Кастельбарко — младшего (Guglielmo da Castelbarco) — племянника близкого друга Кангранде, отвергнутого семьей за совершенное насилие. К ним присоединились многочисленные ломбардские изгнанники, недавно высланные правителем Вероны и Виченцы, а также два опытных командира наёмников: каталонец Бельтрамо Гульельмо и англичанин Гульельмо Эрманно (Guglielmo Ermanno). Собранное войско насчитывало 50 000 человек, включая 10 000 конных воинов. «*Scriptum est autem: «Ubi multitudo, ibi confusio»»* («Где множество, там и неразбериха»), — метко заметил Феррето де» Феррети.

Его слова оказались пророческими: амбициозный поход против Вероны и Виченцы остановился у первого же препятствия — реки. Переправа массивных осадных машин через вод-

⁶⁶ Любопытно, что Бельтрамо хроники называют также Бернардо и можно было бы подумать, что он и Бернардо Каталано — это одно лицо, но, Бернардо вскоре будет убит, а Бельтрамо примет участие в последующих боевых действиях.

⁶⁷ Итал. мн. ч. passi. 1000 пасси — это одна миля и, по счастью, расхождений в этом нет, а, вот, длина мили, как мы писали ранее, в городах Италии была разной.

⁶⁸ Как свидетельствует Улиссе Дилигенти в своей «Истории выдающихся итальянских семей» (*Storia delle famiglie illustri italiane*) (Том 5), первым членом семьи Самбонифачо (Sambonifacio), считается Милоне, дворянин франкского происхождения, сын Манфредо ди Мосеццо, графа Ломелло и вассала короля Беренгара I. В X веке он был назначен графом Вероны и маркизом, получив также владения в Сан-Бонифачо, Ронко и Бегоссо, где сохранял своё влияние даже после того, как в 1136 году Верона установила автономное местное самоуправление. Титулы и имения он передал своему племяннику Эгелрико.

ную преграду оказалась невыполнимой задачей, вынудив армию остановиться для возведения специальных переправочных сооружений. Падуанцы разбили лагерь в 3000 пассив, т.е. трёх милях от берега, но даже это расстояние не уберегло их от бедствия: болотистая местность с застоявшейся водой под палящим солнцем стала рассадником болезней. В считанные дни эпидемия охватила огромную массу людей, вынужденных существовать в антисанитарных условиях, связанных с перемещением такой крупной армии. Болезнь не пощадила даже Тизо да Кампосампьеро. Осадные машины пришлось складировать в замке Монтегаудио, а войско, неся с собой заразу, вернулось в город. Через несколько дней от дизентерии в Падуе скончался «цвет и высшее украшение»⁶⁹ Тревизо — Тизо VII да Кампосампьеро.

Одной из серьёзных проблем для Падуи было отсутствие координации между армиями. Этим обстоятельством Кангранде пользовался очень умело. Он также тщательно избегал генерального сражения, особенно после того, как в июне 1312 года к гвельфской коалиции примкнул Модена. Не маловажным в том, что экономическое превосходство Падуи и возможность поддерживать мощный военный союз, так и не вылился в разгром армии Кангранде был фактор того, что падуанские войска были изнежены жизнью богатого города и не были готовы к суровым условиям затяжной войны. Ссоры ведущих аристократов коалиции мешали осуществлять единую и эффективную военную стратегию, а также существенно ослабляли дисциплину в войсках. Эти же разногласия привели к тому, что Падуя лишилась важного союзника в лице Гуэчеллоне да Камино, которому было отказано в должности генерального капитана Падуи, на которую он рассчитывал, когда предложил свою помощь.

В начале августа 1312 года падуанцы смелым маневром сумели пересечь реку Баккильоне, охраняемую силами Виченцы. Ночью, вооружившись балками и досками, они отправились к мосту Нанто и сумели построить временный мост для переправы через реку. Утром они открыто вышли на дорогу и достигли Лонгаре, защищенного мощным замком, который преграждал реку. К их удивлению, замок оказался без защиты, и они без малейших препятствий заняли его, чтоб сделать своей базой для дальнейших набегов, в том числе на деревню с одноименным названием. Далее, как это было достаточно распространено силы разделились. Отряды иностранных наёмников укрепились в Лонгаре, а падуанцы — в Костоцце, впрочем, расположенной совсем близко. Падуанцы, предлагая свою дружбу, надеялись побудить гвельфов, всё ещё находившихся в Виченце, свергнуть правительство Скалигеров. Параллельно, они опустошали близлежащую территорию, не уступая по целеустремлённости в этом деле наёмному контингенту.

Непосредственно над Костоццей возвышалась гора, где узкий проход шириной в тысячу шагов направлял и усиливал движение воздушных потоков. В этом мрачном ущелье обрели убежище жители всех возрастов с их скромным имуществом. Здесь местные жители разжигали костры, создавая дым, который, увлекаемый стремительным ветром, причинял серьёзные неудобства падуанцам в Костоцце. В ответ падуанцы были вынуждены возвести защитную стену для противодействия этому природному явлению.

После разрешения данной проблемы нападающие разрушили гидротехнические сооружения, построенные жителями Виченцы, и наконец направили реку Баккильоне в её естественное русло. Затем войск Падуи приблизились к Виченце с намерением захватить укрепления и виллы на горе Берико. Их основной целью являлся хорошо укрепленный Леоничи. Падуанское наступление на северные территории, расположенные на горе Сан-Фермо, возглавил граф Винчигуэрра, который успешно установил контроль над этой стратегической позицией. Тем не менее, цитадель Леоничи, находившаяся под защитой гарнизона Скалигера, успешно выдержала осаду.

⁶⁹ Итал. «fiore e il supremo ornamento» (Mussato, *Historia Augusta*, Lib. VI, Rubr. 14; Ferreti, *Vicentini Historia*, col. 1130—1131).

Падуанские войска оказались в далеко не редкой ситуации для осад того времени — они, продолжая осаду вражеской крепости, одновременно возводили оборонительные сооружения и рыли рвы, так как их тактическое положение оставалось крайне неустойчивым. Существовала реальная угроза, что гарнизон крепости мог совершить вылазку и атаковать падуанское войско, которое в таком случае оказалось бы в окружении. Однако в период ведения переговоров с осажденными значительному числу наёмников, из которых состоял гарнизон, удалось под покровом ночи преодолеть падуанские заградительные линии и покинуть крепость. Оставшиеся триста защитников приняли решение о капитуляции на условиях сохранения жизни. Войско Падуи предало замок огню и возвратилось в свой город.

В августе новый подеста Падуи, флорентиец Джакомо де» Росси (Giacomo de' Rossi; ум. 1324), возглавил военную экспедицию против замка Пойана на реке Черезоне. Замок был взят по договору, после того как его защитники отчаялись получить помощь со стороны Виченцы и Вероны. Кангранде, не имея достаточных сил для противостояния падуанцам, занятым осадой Пойаны, собрал 500 всадников и 1000 пехотинцев, отправился в Куртароло на реке Brenta, захватил её, разорил и предал огню. Когда он узнал, что подкрепления Гуэчелло да Камино, епископа Падуи Пагано делла Торре и настоятеля аббатства Святой Джустины Гуальпертино Муссато (Gualpertino Mussato) спешат на помощь, он укрылся в Виченце, бросив часть добычи.

В августе и сентябре падуанцы вновь и вновь возвращались на территории Виченцы, где давали в полной мере почувствовать всю тяжесть от своего присутствия, опустошая, сжигая и грабя земли вплоть до самых стен Виченцы. Кангранде, не поддавшись запугиванию, вышел с войском из-за городских стен и генеральному сражению помешало лишь то, что Совет Мудрых⁷⁰ отговорил Гуэчелло да Камино ответить на провокацию Скалигера, так как предприятие было бы слишком рискованным из-за близости стен вражеского города. Чтобы как-то смягчить разочарование синьора да Камино, падуанцы предоставили ему право назначить их нового подесту. Выбор Гуэчеллоне пал на Борнио де» Самаритани (Bornio de' Samaritani)⁷¹, «почтенного гражданина Болоньи».

⁷⁰ Итал. Consiglio dei Sapienti.

⁷¹ Семья Самаритани, одна из самых активных и авторитетных на политической сцене Болоньи XIII века. Происхождение этой фамилии следует искать в матрониме, принадлежавшего, вероятно, матери прародителя. Действительно, имя Самаритана (Samaritana) принадлежало, дочери Маттео ди Родольфо (Matteo di Rodolfo), члена болонской делегации, присутствовавшей на Констанцском мире в 1183 году. Она вышла замуж за Угуччоне да Монтефиоре (Ugucione da Montefiore), от которого у неё родился сын по имени Маттео, который по имени матери взял фамилию Самаритани. Маттео был отцом Ламбертино Самаритани (Lambertino Samaritani), который в 1267 году был подестой Ченто и Пьеве, а в 1268 году — Равенны, и дедушкой поэта Раньери Самаритани (Rainiero Samaritani), известного под другим именем... Борнио (*detto* Bornio). Раньери-Борнио был францисканским монахом, дипломатом, политическим деятелем и поэтом (Ghirardacci, *Storia di Bologna*, I, p. 355, 357—362), связанный с Болоньей и папским двором. После расторжения брака он, как и его бывшая жена, принял сан монаха-францисканца. Это произошло между 1283 годом, когда он ещё действовал как мирянин, и 1295 годом, когда его уже упоминают как монаха. Наибольшую известность Раньери Самаритани приобрёл в качестве дипломата и политического деятеля, служившего Болонье и папе Бонифацию VIII (Benedetto Caetani, 1230—1303). С 1296 года Болонья вела военные действия против войск маркиза Аццо VIII д'Эсте на границе с Моденой и неоднократно обращалась за поддержкой к своим союзникам — Флоренции и папе римскому. В ответ Бонифаций VIII согласился оказать дипломатическую помощь и потребовал установить военное перемирие, чтобы обеспечить более выгодные для Болоньи условия мира. Важную роль в этих переговорах сыграл Самаритани, который с весны 1297 года многократно отправлялся в Рим с дипломатическими миссиями. Осенью того же года он получил от папы поручение вести переговоры с Аццо VIII о заключении перемирия. Переговоры не увенчались успехом, и в январе 1298 года сам папа взял этот вопрос под свой контроль. 6 марта 1298 года Самаритани в сопровождении известных юристов Джулиано ди Камбио (Giuliano di Cambio) и Бонвиллано Тедеризи (Bonvillano Tederisi) был направлен в Рим для получения папских распоряжений. Вернувшись в Болонью, Самаритани представил городской власти документ от папы, согласно которому гарантом перемирия должен был стать он сам: Болонья должна была передать ему замок Пьюмадзо, а Модена — замок Спиадамберто, который был поручен доминиканцу Джерардо да Барбьяно (Gerardo da Barbiano). В Болонье эта инициатива получила поддержку, однако в Модене её сочли невыгодной, так как стратегическое значение Спиадамберто считалось выше. В результате маркиз Аццо VIII потребовал привлечь к переговорам доверенных представителей Флоренции. 18 ноября 1298 года в Кастельфранко был подписан акт, по которому флорентийские дипломаты получили полномочия для урегулирования конфликта, включая вопрос о замках Пьюмадзо и Спиадамберто, которые в итоге были переданы под опеку Флоренции. 24 декабря 1299 года папа Бонифаций VIII издал окончательное постановление, завершившее конфликт на условиях, изначально выгодных Болонье. В благодарность за это город заказал художнику Манно Бандини (Manno Bandini) статую

В августе в предприятии при Куртароло вместе с падуанцами участвовал также маркиз Франческо д'Эсте, возглавлявший многочисленный отряд феррарцев. После успешного налёта он вернулся в город навстречу своей роковой судьбе. Это событие, которое случилось 23 августа 1312 года отразило характерную для этой эпохи борьбу за власть в итальянских городах-государствах.

Каталонский военачальник Дальмацио ди Банью (Dalmazio di Banyu), управлявший Феррарой как представитель папской власти, вступил в тайный сговор с местной партией гвельфов для устранения потенциального соперника — Франческо д'Эсте, который безуспешно добивавшегося должности викария Феррары.

В день событий Дальмацио разработал детальный план действий: когда Франческо отправился на соколиную охоту, правитель распорядился закрыть все городские ворота, за исключением тех, через которые выехал д'Эсте. У этих ворот был размещён усиленный гарнизон из доверенных людей Дальмацио с приказом задержать Франческо при его возвращении. При возвращении через ворота Леоне (Porta Leone) д'Эсте оказался в окружении вооруженных людей, объявивших о его аресте. В напряженный момент один из участников заговора выкрикнул роковые слова: «Ты мёртв, мессер Франческо!»⁷² В ответ д'Эсте направил в нападавшего своего охотничьего сокола и попытался обнажить меч для самообороны. В этот момент единокровный брат Дальмацио нанёс удар по голове д'Эсте, что послужило сигналом к началу жестокой расправы.

Нападавшие, действуя с крайней жестокостью, нанесли аристократу множественные ранения — на его обнажённом теле впоследствии насчитали около пятидесяти ран. Единственный сопровождающий Франческо также был убит. Тело д'Эсте оставалось лежать без одежды на дороге у городских ворот приблизительно два часа, пока братья-проповедники не получили разрешение забрать тело и совершить погребальный обряд.

Последовавшие репрессии затронули всех сторонников д'Эсте: тех, кто не успел покинуть город, заключили под стражу. Четверых приговорили к публичной казни через повешение, остальных подвергли тюремному заключению или изгнанию из Феррары. Всем им было предъявлено обвинение в пособничестве предполагаемой попытке Франческо д'Эсте установить единоличную власть над Феррарой⁷³.

В том же году, Кангранде активно вмешивается в политику других городов, в которых он чувствовал угрозу интересам гибеллинов и императорской власти. Так произошло с Моденой, которой управлял имперский викарий Франческо Пико делла Мирандола (Francesco I Pico della Mirandola; ок. 1272 — 1321), представитель знатного североитальянского рода Пико. Он правил всего год, когда несколько влиятельных гвельфских семейств — Рангони (Rangoni), Боскетти (Boschetti), Гуидони (Guidoni) и Роделья (Rodeglia) — установили тайные связи с Болоньей с целью свержения имперской администрации.

папы, ныне хранящуюся в Музее средневекового искусства Болоньи. В свою очередь, Бонифаций VIII высоко оценил роль Самаритани и в феврале 1302 года поручил ему новую миссию по урегулированию конфликта между родами Монтефельтро и Малатеста. О последних годах жизни Раньери Самаритани сохранилось мало сведений, что осложняется наличием в политической жизни Болоньи других представителей семьи Самаритани. Точная дата его смерти неизвестна, но вероятно, он скончался около 1316 года, поскольку в этом году францисканский монастырь в Болонье, где он жил, осуществил продажу книг из его личной библиотеки. Помимо дипломатической деятельности Самаритани известен как автор единственного сохранившегося поэтического произведения — фроттолы «Come 'n Samaria nato for di fe», адресованной Паоло да Кастелло (Paolo da Castello), представителю старинной болонской аристократии. Это стихотворение, сохранившееся в рукописи *Canzoniere Palatino 418* (Флоренция, Национальная библиотека, Banco Rari, 217, л. 74r-v), вызывало споры среди литературоведов. Реди (Francesco Redi, 1626 — 1698) называл его «поэзией таинственного и загадочного смысла», а Крешимбени (Giovanni Mario Crescimbeni, 1663 — 1728) — «простым набором слов и пословиц». В XVIII веке Самаритани был настолько забыт, что его ошибочно датировали XIII веком и относили к Сицилийской поэтической школе эпохи Фридриха II. В XX веке его творчество подверглось переоценке и более глубокому анализу.

⁷² Итал. «Sei morto, messer Francesco!»

⁷³ Mussato, *Historia Augusta*, Lib. VIII, Rubr. 8; *Annales Forolivienses*, p. 63; Cortusio, *Cortusiorum Historia de novitatibus Paduae et Lombardia*, col. 784—785.

Получив военную поддержку от Болоньи и Сассуоло, гвельфы приступили к разорению территории предместья Баджовара. 8 июля Франческо делла Мирандола во главе моденского войска вступил с ними в решающее сражение. После двухчасового ожесточенного противостояния его армия потерпела сокрушительное поражение: 150 воинов пали на поле боя, включая его сына Прендипарте (Prendiparte Pico della Mirandola), ещё 100 человек попали в плен⁷⁴.

По другой версии, гвельфы организовали для Франческо засаду у ворот Модены недалеко всё того же предместья Баджовара, где ему сообщили, что армия Болоньи разбила лагерь для осады города Модены (что было, вероятно, странно, так как Франческо должен был видеть такое обилие противника близ города и сам, тем более что засада была организована во время его возвращения из военной экспедиции за пределы города). Так или иначе, после неравного боя ему удалось бежать, укрывшись в стенах Модены, оставшись лишь с 200 войнами из 1500, отправившихся с ним в упомянутую экспедицию. Странно и то, что, казалось бы, победившие и изрядно потрепавшие силы императорского викария, участники заговора бежали в свои укрепленные замки. Следовательно, можно предположить, что их потери были также очень высоки. Но это не шло ни в какое сравнение с теми потерями, которые претерпевали их семьи внутри Модены. Каждый день в городе звонил похоронный колокол — Франческо I Пико мстил за предательство всем членам семей участников заговора. В это время за стенами города, болонцы развернули осаду.

В этой критической ситуации моденцы обратились за поддержкой к могущественным правителям: Кангранде, Ринальдо деи Бонакольси и Маттео Висконти (Matteo I Visconti; 1250—1322). Особую надежду они возлагали на синьора Мантуи Пассерино, которому обещают ключ от города. Кангранде и Пассерино незамедлительно выступили на помощь городу и сумели отбросить болонское войско, уже начавшее штурм Модены. Уже осадив спасенный город сам, Пассерино Бонакольси выдвигает ультиматум Франческо I Пико — если тот откажется от города, правитель Мантуи выдаст ему пропуск на выезд, спасая и его, и его жену, и двоих детей.

После двадцатидневной осады Франческо I Пико делла Мирандола был вынужден оставить Модену. В последующие годы он служил императорским викарием в Лукке и Пизе, где в 1317 году был назначен подестой, что свидетельствовало о том, что его авторитет в регионе сохранился. Однако он приобрёл себе очень влиятельного врага — Пассерино.

Возвратившись в свои родовые владения в городе Мирандола, где располагался древний замок, возведенный ещё до 1200 года, Франческо I обнаружил масштабные разрушения. По приказу Бонакольси замок, загородные резиденции и часть оборонительных стен были полностью уничтожены, что означало публичную демонстрацию враждебности и стремление подорвать экономическую и политическую мощь рода Пико.

Трагические события развивались стремительно. Один из приближенных синьора Мантуи сообщил о появлении Франческо I в Мирандоле, после чего тот был схвачен вместе с двумя сыновьями — Партесипарте (Partesiparte) и Томмасино (Tommasino). Пленников подвергли чудовищному унижению: раздетых догола, привязанных к спинам мулов, провели через моденский плебс. Толпа, движимая местью за прошлые обиды, кидала в них камни, била, наносила удары вилами, превращая экзекуцию в публичный акт расправы.

27 ноября 1321 года по приказу Бонакольси Франческо I и его сыновья были доставлены в крепость Кастель д'Арио в провинции Мантуя. Заточение в этой темнице приобрело характер изощренной пытки: узников заперли живыми без воды и пищи, обрекая на мучительную смерть от голода. Согласно хроникам, в безвыходной ситуации они были вынуждены прибегнуть к каннибализму — чудовищному акту отчаяния перед лицом неминуемой смерти.

⁷⁴ Mussato, *Historia Augusta*, Lib. VII, Rubr. 7.

Мемориальная доска, установленная у входа в крепость, навсегда увековечила это трагическое событие в жизни обеих семей. После месячной осады Мирандола была оккупирована семьей Бонакольси. Однако их политическое господство оказалось недолгим.

Но вернёмся в 1312 год. 15 октября Пассерино был избран правителем Модены, а между Моденой и Реджо был заключен пятилетний мирный договор⁷⁵.

25 октября моденские войска совершили стремительный рейд на Спеццано, захватив шестерых местных синьоров-гвельфов и доставив их в Модену. На следующий день пленники были освобождены после получения соответствующих гарантий не участвовать в вооружённой борьбе против нового правителя Модены.

Несмотря на военные успехи Пассерино Бонакольси, советники императора сохраняли серьезные сомнения относительно его лояльности. Заключение сентябрьского договора о дружбе с Реджо рассматривалось как стратегическая ошибка. Более того, он не выполнил финансовые обязательства перед императорской казной: задолженность за назначение имперским викарием и прочие подати составляла внушительную сумму в 20000 флоринов. Ситуацию усугубил его отказ направить военное подкрепление для императорской кампании в Тоскане. Совокупность этих факторов привела к обвинению Пассерино в государственной измене в мае следующего года.

В январе 1313 года вернулся Вернер фон Хомберг и Кангранде смог вздохнуть с облегчением. Эта поддержка позволила захватить Камизано-Вичентино, а до этого в декабре 1312 года замок Лощо — важный стратегический пункт, сданный ни кем-нибудь, а самим Николо да Лощо, который, как и его шурин Гуэчеллоне да Камино, нашёл, что Кангранде более выгодный союзник, чем Падуя, которая, к слову сказать, серьёзно профинансировала укрепление замка и держала там свой гарнизон.

На самом деле подозрения, что Николо да Лощо, не смотря на свои боевые победы над Скалигером, вступил с ним в тайные переговоры возникали и ранее.

Николо, представитель знатного и древнего рода Мальтраверси (Maltraversi), потомок Гуидоне (Guidone) и Констанцы д'Эсте (Costanza d'Este), являл собой противоречивый образ средневекового политического деятеля. Физически он представлял собой колоритную фигуру: низкорослый, но крепкого телосложения мужчина с характерной внешностью — светлыми волосами, выразительные глаза слегка на выкате, пухлые губы. Его тучное телосложение — широкая грудь и большой живот — искусно маскировались под просторными одеждами, что указывало на врожденную изобретательность. Николо да Лощо — личность с поразительным сочетанием качеств: обладатель блестящего красноречия, высокого интеллекта и великодушия, он одновременно был подвержен безудержному честолюбию и зависти. Страстный гурман, любитель роскоши⁷⁶, он олицетворял типичного придворного интригана своей эпохи — способного на решительные действия и моментальную смену политических альянсов. Не удивительно, что, именно, его мы увидим однажды среди сторонников Кангранде.

Итак, ещё летом 1312 года Николо да Лощо, движимый сложным сплетением личных амбиций и политических интриг, принимает от падуанского городского совета внушительную сумму в 10000 лир с целью организации покушения на Кангранде делла Скала. Истинный замысел Николо заключался в том, что уже обладая крупной суммой денег, он совершенно не стремился приводить план в исполнения. Он решил сразу сообщить Кангранде об опасности и заручиться расположением молодого веронского синьора и получить в последующем вознаграждение уже и от него. Он вступил в контакт с правой рукой Кангранде Байлардино Ногаролой (Bailardino Nogarola, ок. 1270 — 1339)⁷⁷ и рассказывает о поручении и том, что является

⁷⁵ Bazzano, *Chronicon Mutinense*, col. 572—573.

⁷⁶ Mussato, *Historia Augusta*, Lib. X, Rubr. 2.

⁷⁷ Байлардино происходил из аристократического рода Ногарола и состоял на службе у Скалигеров с ранних лет. В 1295

его главным исполнителем. Ногарола предлагает более масштабный замысел — вывести Тревизо из падуанского союза. Таким образом, в этот политический водоворот втягивается Гуэчелло да Камино, зять Николо, имевший собственные счета с Падуей после отказа поручить ему военное командование этим крупнейшим городом региона.

Втянутый в интригу Гуэчелло обращается к графу Генриху III (нем. Heinrich III von Görz; ок. 1275 — 1323), графу Горицкому, также своему зятю, иницилируя переговоры со Скалигером и патриархом Аквилеи. Стратегический расчет был очевиден: создание союза, который полностью изолировал бы Падую, окружив её гибеллинскими силами.

Однако политическая интрига приобретает неожиданный оборот. Во время встреч в монастыре Санти-Куаранта, излюбленном месте для ведения тайных переговоров, епископ Тревизо Кастеллано ди Саламоне (Castellano di Salamone), убежденный гвельф, выступает против готовящегося союза и настолько решительно, что, объединив влиятельные гвельфские семьи Тревизо, он организует ночное восстание 15 декабря, в результате которого Гуэчелло да Камино был изгнан, а в Тревизо провозглашено республиканское правление⁷⁸.

После скандального изгнания Гуэчелло да Камино из Тревизо Кангранде обращается за военной поддержкой к генеральному викарию Вернеру фон Хомбергу. В состав его союзников входят влиятельные политические деятели: Лукино Висконти (Luchino Visconti; 1292—1349) и Бонаventura Бонакольси (Bonaventura dei Bonacolsi; ум. 1326)⁷⁹, прозванный Бутироне (Butirone)⁸⁰, брат Пассерино Бонакольси.

Стратегический переломный момент наступает, когда Николо да Лощо передает в декабре 1312 года свой замок Кангранде, что вызывает глубокое возмущение в Падуе. Замок, расположенный на мысе Эуганских холмов — естественно неприступной местности всего в 15 милях от города, становится плацдармом политической интриги. Падуанское войско, продемонстрировав высокий уровень боевой подготовки, выдвигается к крепости Эсте и занимает её, стремясь взять крепость повстанцев в окружение с юга и северо-востока.

По другой версии, передача замка была лишь следствием расследования про-скалигерских действий Николо, возможно, начатое из-за того, что деньги, выделенные на убийство Кангранде были потрачены впустую. Ему вменяли то, что он хотел помочь Кангранде завоевать Падую, а для этого пытался за деньги делла Скала снискать расположение народа. В Большом совете⁸¹ он только показывал себя противником империи и Кангранде, но втайне был их эмиссаром. Он убедил изгнанников из Падуи в Венеции перейти под знамя Скалигера. Он пытался подкупить маркиза Феррары выступить против Падуи. И прочее, и прочее... В целом, подозрений было так много, что собрался Совет старейшин⁸² и принял решение вызвать Николо в Падую под предлогом того, что он им нужен. Николо справедливо предположил, что его связи с Кангранде были раскрыты, послал письмо, что прибудет в Падую через три дня. Тем временем, он оповестил делла Скала, который быстро покинул Виченцу и вошёл в Лощо с большой армией. Это произошло 22 декабря 1312 года. Падуанский совет объявил Николо да Лощо

году он был посвящен в рыцари вместе с Кангранде и его братом. На протяжении жизни Байлардино занимал важные политические и дипломатические посты при семье делла Скала, включая должности подесты в Мантуе, Виченце, Тревизо и Падуи. В 1311 году он был послом Скалигеров в Милане при императоре Генрихе VII. Байлардино был с Кангранде, когда тот овладел Падуей в 1328 году. Байлардино был женат на Катерине делла Скала (Caterina della Scala; ум. ок. 1305), сестре Кангранде. Хотя Байлардино имел от второго брака сына Каньолю (Cagnolo; ум. 1359), на момент своей смерти вероятно в самом конце 1339 года (из-за этого год его смерти часто указывается как 1340) своими наследниками он назначил племянников Мастино и Альберто.

⁷⁸ Rossini, *La Signoria Scaligera dopo Can grande*, p. 234—235.

⁷⁹ Бонаventura был вторым сыном Джованни деи Бонакольси (Giovanni (Giovannino, Zagnino) dei Bonacolsi; ум. 1288), известного как Гамбаgrossa (итал. Gambagrossa, т.е. «толстая нога»). Он был викарием Мантуи и губернатором Модены.

⁸⁰ В переводе с итальянского «Butirone» означает «масло» или «жир». Происходит от латинского слова «butyrum» — «масло».

⁸¹ Итал. Gran Consiglio.

⁸² Итал. Consiglio degli Anziani.

мятежником и с другими сообщниками, включая с Антонио да Куртало (Antonio da Curtalo), изгнал из Падуи. Дома, которыми они владели в городе, были разрушены, а их имущество конфисковано.

Кангранде, тщательно обеспечив оборону Виченцы, предпринимает маневр через Камизано-Вичентино, угрожая Падуе с северо-запада. Его попытка захватить Монтегальду на реке Баккильоне оказывается безуспешной. После короткого возвращения в Виченцу он направляется к Лощо с целью атаковать падуанские позиции в Эсте. Однако взять такую хорошо укрепленную крепость как Эсте без длительной осады или внутреннего предательства не представляется возможным, в связи с чем веронцы переключаются на тактику грабежа территории. Кстати, замок Лощо был полностью разрушен, так как Кангранде понимал, что его длительная оборона невозможна в сложившихся условиях.

Падуанцы, стремясь ослабить военное давление, организуют наступательный рейд до реки Адидже. Пройдя через Вангадицу, известную своим древним аббатством, они достигают Леньяго, но местные жители успевают укрыться за городскими укреплениями⁸³. Армии ничего не остаётся как заняться грабежом обезлюдивших контадо. 2 февраля 1313 года, из-за неблагоприятных погодных условий, падуанцы возвращаются в родной город⁸⁴.

Столкновения продолжались всю весну, не меняя общей картины. В одном из них Кангранде с небольшим отрядом попал в засаду на мосту Брентелла, организованной местными крестьянами. Они убивают его коня, в результате чего веронский правитель падает вместе со скакуном. Лишь решительное вмешательство его приближенных спасает правителя от потенциально позорной гибели. Парадоксальным образом, летом 1313 года ситуация стабилизировалась, несмотря на то (а, возможно, благодаря тому), что другие регионы были охвачены военными действиями.

Внутренние распри в Падуе и возвращение Генриха VII из Рима усилили напряженность в Северной и Центральной Италии, которая погрузилась в состояние войны. Кангранде пришлось отправить экспедицию в Модену для её защиты от угрожавших ей сил гвельфских городов, в то время как Падуя направила помощь гвельфам Флоренции. Безусловно императору это решительно не понравилось и своим указом он объявил падуанцев врагами империи: он лишил их всех привилегий, приговорил к высокому штрафу и, не удовлетворившись этим, солидаризировался со Скалигером, заслужив одобрение короля Богемии, графа Горицкого и епископа Тренто, благодаря которым собрал армию из 823 тяжелых рыцарей и 6000 легких кавалеристов.

Не смотря на нависшую угрозу, Падуя надеялась на то, что средств императора хватит ненадолго и она вполне сможет пережить осаду, если проведёт укрепление своей обороны. Так в графство Ченедра, расположенное между Фриули и Тревизо был направлен отряд из 400 всадников, чтобы занять переправы через реку Монтикано, которую мог пересечь враг, и воспрепятствовать его проходу. У Конельяно был разбит укрепленный лагерь, в котором помимо падуанского ополчения собралось многочисленное войско из Ченеды и Тревизо. Бассано и Читтаделла, падуанские крепости на границе с Тревизо были усилены гарнизонами.

Тем временем Тревизо пыталось сохранить нейтралитет. Ситуацию усложнило требование Генриха Горицкого предоставить свободный проход по территории маркграфства Тревизо. Если Тревизо отказывалось бы от его требования, то можно было ожидать неизбежной враждебности со стороны графа, а в другом случае — утраты дружественных отношений с Падуей, с которой город был связан не только близким географическим положением. По счастливой случайности посланники из Падуи прибыли с той же миссией. Отказывая своим союзникам,

⁸³ Mussato, *Historia Augusta*, Lib. 12, Rubr. 1; Rossini, *La Signoria Scaligera dopo Can grande*, p. 235; Ferreti, *Vicentini Historia*, col. 1135—1136.

⁸⁴ Mussato, *Historia Augusta*, Lib. 12, Rubr. 9.

Тревизо сохраняла видимость нейтралитета и лишала графа предложения объявить войну. Посланники обеих сторон получили отрицательный ответ.

В то же время, в июне 1313 года, Генрих VII отдал Тревизо распоряжение предоставить ему войска для борьбы с мятежниками. Возможно, он хотел отвлечь военные силы маркграфства и обеспечить их не отправку на помощь Падуе. Собрался Большой совет. Он отклонил требование императора, сославшись на опасность войны и внутренних беспорядков. Генрих поверил. Таким образом, Тревизо удалось сохранить нейтральную позицию, не посориться с императором и в то же время помешать Кангранде и графу Горицкому объединить свои войска в Сачиле и направить их против Падуи.

Какое участие принимал Кангранде в дипломатических переговорах тех дней, источники не сообщают. Так или иначе, он должен был быть готов к началу боевых действий с Падуей в любой момент. Здесь его ненавидели больше, чем кого-либо, в том числе из-за того, что считали его главной причиной имперской опалы города. Кроме того, как бы там ни было, а в качестве императорского викария он был исполнителем императорских приказов, которые сулили Падуе только бедой.

Падуанцы, чтобы ещё больше отделить Фриули и Верону, 21 июня 1313 года отправили подкрепления в Эсте и Монтаньяну, откуда на второй день достигли юга веронской территории. Вечером был предпринят штурм Арколе. Гарнизон пытался защитить город и сдержать захватчиков плотным дождём стрел. Однако падуанские всадники, спешившись, переправились через ров и вскоре вступили в бой с перепуганным гарнизоном. Вскоре замок и город пали.

Когда на следующее утро падуанские войска под предводительством Людовико ди Самбонифачо, перешли Альпоне, веронская равнина лежала перед ними практически не защищенной. Бельфьоре-ди-Порчиле, Вилланова, Виллабелла, Соаве, Монтефорте, Косталунга — богатые и многолюдные деревни долины Альпоне — моментально были разграблены и преданы огню.

В конце июня враг стоял у ворот Вероны. Граф Винчигуэрра, будучи веронским изгнанником, вполне мог надеяться найти сторонников среди жителей предместий Сан-Микеле и Сан-Бонифачо, наследственного владения его предков. Кангранде, находившийся в то время в Виченце, по свидетельству хроникеров, пребывал в величайшем беспокойстве. Феррето рассказывает, что Скалигер побледнел, когда получил известие о прибытии Винчигуэрры. Кангранде был не в состоянии противостоять превосходящему врагу; он возлагал все надежды на Федерико делла Скала, который исполнял должность подесты Вероны. Федерико действительно принял самое деятельное участие в управлении обороной, приказав запереть ворота, нагромоздить повозки камнями и возвести баррикады для защиты города. Небольшие отряды наёмников получили приказ вести прицельный огонь из арбалетов, чтобы воспрепятствовать поджогу укреплений.

Население Вероны находилось в отчаянном положении, пока вечером 24 июня 1313 года подеста Падуи Борнио де Самаритани дал своим войскам, не подготовленным к длительной осаде, приказ к отступлению. В последующие дни войско рассеялось для грабежа и разорения окрестностей. Замки Кангранде, расположенные у Монторио, Кальдиеро, Соаве и Иллази, были сравнены с землей, плодородные долины горной местности опустошены, посевы вытоптаны, беззащитные крестьяне безжалостно убиты или угнаны вместе с добычей и захваченными стадами во вражеский лагерь в Арколе.

Между Баккильоне и рекой Адидже все было разорено, сельское население обречено на нищету и голодную смерть. После ужасающих деяний победоносное войско вернулось на территорию Монтаньяны.

Падуанцы были вынуждены прервать свои разграбление территории Вероны, так как отношения между Тревизо и графом Горицким обострились. Война с новой силой была готова

вспыхнуть и на севере, что требовало привлечения всех сил. Тревизо не смогло дипломатично разрешить ситуацию с графом, который повторил своё настойчивое требование. Получив очередной отказ, граф 14 июля выступил со своим войском в районе переправы на реке Монтикано, которая охранялась сотней всадников из Падуи и 200 из Бассано.

Поначалу исход сражения был не ясен. Немецким наёмникам графа удалось переправиться через реку в неохраемом месте и нанести неожиданный удар, расстроив ряды противника. Им удалось обратить врага в бегство, но потери отрядов графа были очень большие. Это, впрочем, не помешало Генриху продолжить движение за Монтикано и опустошить область Конельяно, и шесть дней хозяйничать на территории Тревизо. Войско было всего в полутора километрах от города, но граф был достаточно благоразумен, чтобы вовремя прервать поход. Одной из причин было то, что летняя жара принесла не только дополнительные трудности, но и болезни. 28 июля 1313 года граф вернулся в Сачиле и распустил большую часть своего войска.

III

Падуя и Тревизо были тесно связаны друг с другом в силу своего географического расположения и политической ситуации того времени. Межпартийная вражда и борьба горожан против правящей аристократии угрожали внутренней жизни обеих республик и парализовали городское управление из-за неоправданного преобладания частных интересов над общественными. Но во внешней политике их объединяла борьба против могущественных соседей на севере и юге, угрожавших независимости и Падуи, и Тревизо. Именно поэтому 7 августа они заключили оборонительно-наступательный союз, направленный прежде всего против Кангранде и Генриха Горицкого. Общность политических интересов заложила основу союза и со временем все больше укрепляла его.

Действие союза осложнялось тем, что Тревизо была связана присягой на верность императору, а значит, и Кангранде, который заявлял, что ведёт войну против Падуи во имя и в честь империи. Однако ситуация коренным образом изменилась, когда 24 августа 1313 года в Буонконvento в Тоскане скончался Генрих VII. Города гвельфов не могли скрыть своего ликование. В Брешии, Кремоне и особенно в Падуе проводились пышные празднества. В Тревизо с ворот были сняты императорские гербы, которые заменили на городские с изображением святого Петра. Политическая ситуация резко изменилась и казалось, что будущее принадлежит папе и Роберту Анжуйскому или также Роберто Мудрому (Roberto d'Angiò; итал. Roberto il Saggio; 1277—1343). Гибеллинские фракции повсеместно распадались, сохранившись только в Вероне, Милане, Мантуе и Пизе. Из них только города под контролем Скалигеров казались наиболее сплоченными и несокрушимыми, в том числе благодаря народному мандату, верности к которому Кангранде не сомневался. Мотивы престижа, в сочетании с соображениями общей стратегической целесообразности, побудили Кангранде к последовательной поддержке гибеллинской партии, над которой он взял своего рода покровительство.

Падуя воспрянула духом. Ещё в августе она возобновила набеги на территорию Виченцы. В Монтебелло грабительские отряды столкнулись с Кангранде, который покинул Виченцу с отрядом конных наемников, чтобы выехать навстречу посланнику с известиями от Федерико, находившегося в Вероне. Кангранде обратил в бегство авангард падуанского войска, потерявший двух человек, но был достаточно умён, чтобы отступить перед наступающим противником, который вошёл в Монтебелло и отсюда опустошал окрестные деревни, прежде всего Монтеккьо, Креаццо и Брендолу. Долины Арциньяно и Триссино остались нетронутыми, вероятно, благодаря заступничеству изгнанников из Виченцы, находившихся в Падуе. По совету пленных крестьян падуанцы совершили маневр и после пересечения горной местности вышли с юга и захватили важную крепость Барбарано. Делла Скала послал помощь осажденному городу по незанятым горным тропам и сорвал замысел противника. Однако те успели вернуть течение реки Баккильоне в его старое русло, ведущее к Падуе, что в некоторой степени компенсировало неудачу от осады.

Тем не менее, возвращение падуанских войск домой было полно опасностей. Войска Кангранде сидели у них на хвосте, попутно разоряя населенные пункты по ходу их следования. Так в хрониках упомянуто разорение Арсего и Кампо-Сан-Пьеро. Более того, в конце сентября по приказу Кане было перекрыто северное русло Баккильоне, и Падуя вновь осталась без воды.

Безусловно, Падуя во многом обманулась в своих ожиданиях, что смерть императора будет и концом самого Кангранде. Там, где дело доходило до открытого боя, Скалигер почти всегда оставался победителем. Историк Альбертино Муссато, сражавшийся в рядах падуанцев, открыто признавал, что Кангранде противостоял значительно превосходящему ему противнику и делал это с большим успехом. Смерть Генриха VII лишила делла Скала императорской защиты, но не сломила его силу и дух. Отважно и уверенно он выступал против врагов

империи и гибеллинской партии, словно чувствовал призвание к высшему предназначению, которое отводило ему часть императорского наследия.

28 сентября Кангранде отправил в Тревизо посланника с кратким требованием четкого ответа, намерены ли они сохранить дружбу с веронской землей или нет. И в этот раз Тревизо удалось заявить о своём нейтралитете, хотя их действия, казалось, во многом этому противоречили. Тому были свои причины. Генрих Горицкий после взятия измором 6 октября 1313 года замка Толмино в Фриуле отнял у Оттобуоно ди Рацци (Ottobuono di Razzi; ум. 1315)⁸⁵, патриарха Аквилеи, большую часть его земель. Это было прямой угрозой и самой Тревизо, так как дальнейшее продвижения графа более ничего не останавливало. В результате Тревизо было кровно заинтересовано в том, чтобы не допустить чрезмерного усиления графа. 5 октября они приняли решение отправить Оттобуоно на помощь 100 всадников и 300 пеших воинов, но было поздно. Положение Тревизо ухудшилось и возможностей для дипломатического маневров стало меньше из-за известия о том, что в Виченцу прибыл Галеаццо Висконти (Galeazzo I Visconti; 1277—1328) с 400 всадниками и войском из Мантуи. Предположительно эти приготовления были направлены против Падуи, но в Тревизо резонно этому не верили. Переговоры с Кангранде всё ещё находились в подвешенном состоянии и, похоже, затягивались намеренно, когда в прибыли посланники из Падуи с просьбой предоставить защиту Бассано, которому угрожал Кангранде.

В то же время в Тревизо прибыл Морандо да Фрапорта (Morando da Fraporta), посланник Скалигера. Он предостерег горожан от отправки помощи Падуи и вновь потребовал от имени своего господина решительного ответа, намерены ли они прекратить враждебные действия против территории Виченцы или нет. Он отметил, что дела Скала неоднократно мог причинить ущерб территории маркграфства, но всегда стремился сохранить добрые отношения с соседями. Ведь, совсем недавно войска Кангранде находились у Сан-Пьетро и Арсега, а значит легко могли совершить вторжение и на территорию Тревизо.

В интересах республики, которой угрожали со всех сторон, было искать мирного соглашения со Скалигером, и, несомненно, такое соглашение было достигнуто, хотя дошедшие до нас источники дипломатично об этом умалчивают. Мы можем судить только по действиям, а они говорили о том, что Тревизо самоустранилось от помощи Падуи, хотя крайне незначительный контингент был ей всё же направлен.

Хотя Виченца усердно готовилась к войне, и этому убедительным свидетельством было прибытие Висконти с отрядом миланских наёмников, о котором мы упоминали выше, до сражения дело не дошло, что кажется достаточно удивительным, если учесть сложившуюся ситуацию в Падуе. Там после долгой борьбы победили радикальные лидеры гвельфской партии. 1 ноября 1313 года после изгнания гибеллинов, которые были объявлены вне закона как предатели и враги государства, городу была дана новая конституция. Отныне к управлению допускались только гвельфы. Они составляли 1000 членов Сената, состав которого был расширен. Гвельфам была передана вся судебная власть. Кроме того, гвельфы создали новый правительственный комитет, который имел право по своему усмотрению отменять все решения сената. Этот комитет был важным элементом новой конституции, и ему принадлежало фактическое

⁸⁵ Оттобуоно ди Рацци, первый епископ Падуи, был назначен патриархом Аквилеи в 1302 году. Его назначение вызвало конфликт с рядом феодалов во Фриули, которые поддерживали других претендентов на патриарший престол. Оттобуоно столкнулся с длительными противостояниями с синьорами Тревизо, а в 1305 году Риккардо да Камино захватил замок Спилмберго. Патриарх ответил нападением на замок Одорико ди Кукканья (Odorico de Cuscagna) в 1310 году. Отношения с графами Горицы в целом были более мирными — по назначению Оттобуоно в 1314 году Генрих II, граф Горицы, стал пожизненным генерал-капитаном. Патриарх также поддержал строительство нового замка Коллоредо в 1302 году. Конфликт с Риккардо да Камино продолжался, включая взаимные набеги и осады, с участием немецких войск, союзных Оттобуоно. В 1311 году Оттобуоно сопровождал императора Генриха VII Люксембургского и участвовал в Венском соборе, где возглавил комиссию по изучению положения тамплиеров. Позже, направляясь на папские выборы в Авиньон, где он был одним из претендентов на Святой престол. Оттобуоно скончался в 1315 году в Кастель «Аркуато близ Пьяченцы.

управление городом и вопросы ведения военных действий. Принадлежность к гвельфам и гражданства Падуи должны были стать тождественными. По существу, произошла настоящая революция, которая не преодолела раздробленность в общественной и политической жизни города-республики, а только усугубила её. Городское управление, которое было доверено ещё неопытному чиновничеству, сильно страдало от перемен. Повсюду были раздоры и ссоры. Большая часть самых способных горожан была отправлена в изгнание и тем самым брошена в объятия врага города — Кангранде.

Переворот в неприятельской столице был во всех отношениях выгоден Кангранде, но он не воспользовался благоприятной возможностью для нападения. Ответа не дает и Феррето. Вероятно, силы Скалигера были истощены длительными войнами, а все внешние приготовления Виченцы имели лишь целью запугать противника и склонить его к заключению мира. И такая возможность возникла. Байлардино Ногарола, не исключено, что с подачи Падуи, предложил своему господину выступить с мирной инициативой первым. В результате в начале ноября Байлардино встретился в Монтегальде с уполномоченными Падуи для ведения переговоров — Марсилио Полафризана (Marsilio Polafrisa) и Альбертино Муссато. Муссато подробно описывает эти переговоры. Требования Падуи были нереализуемыми. Эмиссары настаивали на передаче Виченцы как предварительном условии и гарантии надежного мира. Они также заявили, что зло следует искоренить с самого начала переговоров, так как, захватив Виченцу, Кангранде нарушил договор с Падуей. Представители Кангранде парировали и заявили, что город был передан в рамках императорского викариата. Вечером того же дня уполномоченные обеих сторон разошлись, не договорившись об условиях мира.

Всё оставалось в состоянии полной неопределенности, хотя потребность в мире была весьма велика во всех городах. Так Верона была истощена не только длительной войной, но и эпидемией чумы и голодом, которые унесли четвертую часть её населения. Не в лучшем положении находились соседние коммуны дружественные или нет. В Тревизо продолжалась борьба между *nobili* и *populares* — фракциями знати и народа — традиционный конфликт ещё со времен Римской республики и империи. При этом угроза с севера только усиливалась. Патриарх Аквилеи, из-за отсутствия помощи со стороны своих союзников, был вынужден в том же ноябре вступить в соглашение с Генрихом Горицким. Граф был назначен на шесть лет капитан-генералом Фриули и получил от патриарха круглую сумму 2450 марок серебра в качестве вознаграждения и 3000 марок на следующий год, а затем 4000. Это означало, что у него автоматически развязывались руки в действиях против Тревизо, которая, как уже упоминалось, ранее отправляла Оттобуоно помощь войсками и не могла ожидать благосклонности со стороны графа. Однако уже в декабре при посредничестве графа Рамбальдо VIII да Коллальто (Rambaldo VIII da Collalto; ум. ок. 1325)⁸⁶ между ними были начаты мирные переговоры, которые даже включали план заключения союза, обязывающего к взаимной защите против всех врагов, за исключением Аквилеи, Венеции, Кангранде и герцога Каринтии, которым на тот момент был ещё один Генрих — Генрих VI Каринтийский (также Хорутанский) (нем. Heinrich von Kärnten, чеш. Jindřich Korutanský; 1265 — 1335)⁸⁷.

⁸⁶ Рамбальдо — представитель древнего рода Коллальто, сын графа Энседицио IV (Ensedisio IV) и Фьорделисии да Каррара (Fiordelisia da Carrara). Был графом Тревизо, Коллальто и Сан-Сальваторе. В начале XIV века построил замок Сан-Сальваторе и величественный дворец на землях, которые были дарованы ему императором Генрихом VII. В 1306 году Венеция даровала ему гражданство и титул венецианского патриция. В 1312 году стал генерал-капитаном Тревизо. Его друг Никколо Боккассини (Niccolò Boccassini; 1240 -1304), будущий папа Бенедикт XI (лат. Benedictus PP. XI), понтификат которого длился всего восемь месяцев с октября 1303 по июль 1304 года, сделал его маркизом Анконы.

⁸⁷ Генрих принадлежал к Горицко-Тирольской династии и был кроме герцога Каринтии (под именем Генрих VI), ещё графом Тироля (под именем Генрих II) и Крайны (с 1295 года), а также королем Чехии (с 1306 по 1310 год). Хотя он уступил чешский престол Яну Люксембургскому, до конца жизни продолжал именовать себя королём Чехии и Польши, но, по факту, последним правителем в такой конфигурации был его предшественник на чешском престоле Вацлав III — последний король из рода Пржемысловичей.

Однако для Тревизо переговоры осложнялись старой проблемой — сближение с Генрихом, который был в союзе с Вероной, нарушало дружественные отношения с Падуей. Мир был заключен в январе 1314 года, в то время как предложение о союзе с графом Горицким в Тревизо было отвергнуто.

В то же время делла Скала пытался положить конец войне с Падуей. В этом деле посредничество на себя взял герцог Генрих VI Каринтийский. Однако переговоры не привели к успеху. Вероятно, здесь приложила руку Тревизо, чья политика все явственнее была направлена против Вероны. Настроение между обеими общинами с каждым днем становилось всё более напряженным. В феврале 1314 года дело даже дошло до военных столкновений. 7 февраля небольшой отряд наёмников из Виченцы пересёк Бренту, текущую по северно-восточным окрестностям Падуи, и проник через Фонтаниву в область между Годего и Виллараццо. На реке Музон, впадающей в Бренту, они разграбили мельницу и вернулись с добычей в деревню Ле Тецце, где собрались 100 пеших воинов и 15 всадников для подготовки штурма соседних замков. Видимо, это была все-таки «инициатива на местах», так как отряд был совершенно не готов к осаде хорошо укреплённых Годего и Кастельфранко и ограничился продолжением грабежа окрестностей, после чего вернулся в Виченцу.

В марте 1314 года через падуанских послов в Тревизо стало известно, что Кангранде через своих людей ведёт тайные переговоры с изгнанными из города гибеллинами и Брешией, и при их поддержке готов вторгнуться на территорию Падуи. Трудно установить, насколько были обоснованы эти слухи. Однако, в любом случае, Кангранде мог вполне рассчитывать на поддержку как со стороны изгнанников-гибеллинов, так и всех горожан, уставших от правления гвельфов. Дело в том, что союз с Падуей, к которому традиционно стремилась аристократия Тревизо, был малопопулярен среди простого народа, ввиду, впрочем, классовой ненависти, нежели рационального мотива. С простым народом были заодно сторонники изгнанного Гуэчелло да Камино. С учётом этих обстоятельств представляется крайне вероятным, что весной 1314 года Кангранде намеревался захватить Тревизо в свои руки. Также достоверно известно, что он провёл масштабные приготовления к походу, так как в конце 1313 года он распустил свои войска, оставив лишь небольшой отряд для защиты территории, и тем самым высвободил значительные денежные средства на наёмные войска и войска союзников, благо недостатка предложений от них не было. Луккино Висконти прибыл в Верону с 300 рыцарями, Николо да Лощо, теперь викарий Бергамо, привёл 100 рыцарей. Лоди, Пьяченца, Модена и Мантуя вместе выставили контингент в 300 человек. В Каринтии было завербовано 150 наёмников. В конце марта 1314 года Кангранде провёл смотр войска. Общая численность составила примерно 3000 рыцарей и 13000 хорошо вооружённых пехотинцев.

Генрих Горицкий был ответственен за то, чтобы сдерживать Тревизо переговорами. Республика должна была быть готова к тому, что в случае нарушения мира с Вероной она подвергнется нападению. 5 апреля граф направил в Тревизо письменное требование отказать Падуи в помощи, о которой они просили. Только это могло сохранить нейтральные отношения с Кангранде. Одновременно он попросил разрешения на свободный проход через территорию Тревизо. Большой совет созывался практически ежедневно. 26 апреля было принято решение поддерживать падуанцев только в случае крайней необходимости, в требовании графа о свободном проходе было отказано, как и до этого, поскольку в аналогичной просьбе было отказано и Падуи.

На военном совете, созванном ночью, было принято решение из-за недостаточного вооружения ограничиться обороной и избегать сражений в открытом поле. Ванни Скорнаццани (Vanni Scornazzani; ум. 1325)⁸⁸ сконцентрировал войска вблизи Монселиче, чтобы

⁸⁸ Ванни Скорнаццани был родом из Пизы. Несмотря на то, что информация об этом кондотьере появляется только в 1302 году, Скорнаццани участвовал в целом ряде боевых действий в регионах Тоскана, Венето и Ломбардия. В феврале 1313 году,

прикрыть идущее отсюда к Падуе русло реки, которое можно было во многих местах беспрепятственно пересечь в брод. В ответ Кангранде выступил ранним утром с 300 хорошо вооружёнными воинами и попытался с противоположного берега реки спровоцировать Ванни на бой. Когда он сделал вид, что собирается форсировать переправу на виду у противника, опытный Скорнаццани раскусил задумку Скалигера и отвёл свои войска на падуанскую равнину. Теперь настала очередь Кангранде. Он разгадал военную хитрость противника и отвёл веронские отряды к Монтегальде, чтобы взять эту важную крепость. Гарнизон под командованием коменданта Антонио Малиция (Antonio Malizia⁸⁹) оказал лишь слабое сопротивление. Не исключено, что такая сговорчивость гарнизона объяснялась чертами характера их командира, лёгшими в основу его прозвища⁹⁰. Он очень быстро был предан своими людьми и выдан Кангранде, после чего отправлен в Виченцу в качестве пленника. Овладев крепостью, Кангранде распорядился поджечь её и отвёл свои войска обратно в Виченцу.

возглавляя гвельфов Лукки, он одерживает свою самую крупную победу, разбив войска Вероны и Мантуи при Казоле д'Эльза. В его руки попадают императорское знамя и два штандарта Кангранде делла Скала и Пассерино Бонакольси.

⁸⁹ Лат. Antonius de Malitijs (Mussato, *De gestis Italicorum*. Vol. VI, p. 15).

⁹⁰ Хотя это, вероятно, и фамилия, но в итальянском языке оно имеет и отрицательную коннотацию, означая в буквальном переводе «коварство» или «злонамеренность».

IV

В Падуе после ликвидации института трибунов произошла значительная концентрация власти в руках гвельфской аристократии, которая установила полный контроль над городским управлением и судебной системой. Представители знатных родов использовали методы принуждения и насилия для поддержания своего господства над населением города. Круги, близкие к правительству, следовали общей тенденции. Но на слуху у горожан были совсем другие имена, не принадлежащие к высшим кругам. Ронко дельи Аголанти (Ronco degli Agolanti) и Пьетро дельи Альтиклини (Pietro degli Alticlini) были два неродовитых авантюриста, которые отличились в преследовании гибеллинов и добились тем самым расположения гвельфской знати. После укрепления своих позиций в городе, они со своим отрядом принялись и за контадо, где грабили незащищенных крестьян и добивались изгнания несчастных путём ложных обвинений. Женщины и девушки подвергались бесчестью.

Такое положение дел достигло своего апогея, когда 17 апреля в совете Падуи было внесено предложение изгнать из города двенадцать представителей наиболее уважаемых гибеллинских семей, которые из-за открытой критики нездоровой ситуации в городе сделались неугодными. К ним принадлежали и члены популярного в народе рода да Каррара, старейшина которого Убертино Старший (Ubertino «il Vecchio» da Carrara; 1264 — 1319)⁹¹ пользовался в Падуе особым уважением. Чтобы предупредить осуществление гвельфского плана, его сыновья Никколо и Обиццо призвали в город крестьян, озлобленных постоянными бесчинствами банды Аголанти и Альтиклини. Ранним утром 18 апреля раздался крик «Да здравствует народ, смерть предателям!» — это был сигнал к восстанию. Грабежи и убийства продолжались несколько дней; богатые и знатные, без различия партий и убеждений, пали жертвой уже никем не контролируемой народной ярости. Ужас дополнился ожидание скорого нападения Скалигера. Только с величайшим трудом членам городского совета удалось восстановить мир и порядок, хотя разрушения и человеческие потери были ужасными. 1 мая 1314 года должность подесты была восстановлена, а управление возвращено совету 18 старейшин.

Представляется весьма странным, что Кангранде не воспользовался благоприятным моментом для внезапного нападения, который предоставил ему переворот во вражеской столице. Мы можем только догадываться о его мотивах, но, не исключено, что он мог надеяться на бескровное решение затянувшейся проблемы с помощью Генриха Горицкого, который бы склонил врага к заключению мира. Действительно, 18 апреля граф отправил письмо в Тревизо с предложением выступить посредником между Кангранде и Падуей. 26 апреля было принято решение направить письма в Верону и Падую и начать переговорный процесс. Скалигер, который страстно желал мира, всячески шёл навстречу этим попыткам и в письме от 1 мая разрешил послам Тревизо свободно перемещаться по его землям. Но мирные переговоры провалились из-за позиции Падуи, в которой к тому моменту был восстановлен порядок, а должность подесты занял Понцино (Понзоно) Понцони (Ponzino (Ponzzone) Ponzoni)⁹². Это был весьма

⁹¹ Убертино иногда путают с другим представителем этой семьи — его племянником Убертино (Ubertino I da Carrara; ум. 1345), которого в этой связи называли Убертино Новелло (т.е. младший) или Убертинелло (Ubertinello). По требованию своего умирающего двоюродного брата Марсилио да Каррара (Marsilio da Carrara; 1294 — 1338) совет Падуи 10 марта 1338 года сделал его приемником в качестве синьора Падуи. Эту должность он занимал до самой своей смерти.

⁹² Понцино Понцони происходил из влиятельной аристократической семьи из Кремоны. В юности служил династии Скалигеров. В 1311 году был посвящён в рыцари императором Генрихом VII. В 1314 году занимал должность подесты в Падуе, где возглавлял оборону города от войск Кангранде делла Скала. Играл ведущую политическую роль в Кремоне, сначала выступая против Скалигеров и Висконти, а затем заключил с ними союз для противостояния господству семьи Кавалькабо. Понцино правил Кремоной в качестве синьора, хотя и под сильным влиянием своих союзников, и оставался ключевой фигурой даже после перехода города под контроль Висконти и короля Богемии Иоанна Люксембургского (также известный как Иоанн (Жан) Слепой; чеш. Jan Lucemburský, нем. Johann von Luxemburg, люкс. Jean vu Lëtzebuerg и Jang de Blannen; 1296 — 1346). После

проницательный, и искушенный в политике и военном деле человек. Он прекрасно понимал, что даже отказ от Виченцы не гарантировал бы мир с Вероной. Вот только альтернативой он избрал не сложившийся на тот момент, хоть и шаткий, но *status quo ante*⁹³, а возвращение города, какие бы силы и средства для этого ни понадобились. В этой связи, Понцино отклонил посреднические усилия Тревизо. В июле война возобновилась.

Веронские войска выступили в поход под предводительством кондотьера Бельтрамо Гульельми. Бельтрамо долгие годы весьма успешно служил Падуе, но затем под предлогом задержки жалованья покинул город и... поступил на службу Вероне и Кангранде, которого боготворил. Когда Понцино узнал, что Бельтрамо приближается к границе, он распорядился собрать силы не только для обороны города, но и для осуществления атаки на противника. 5 июня 300 всадников из Виченцы перешли Бренту и, разграбляя все на своём пути, вторглись в область Сан-Пьетро. Богатая добыча была отправлена в Виченцу. Сам Бельтрамо отошел к Читтаделле с намерением помешать падуанцам, если они совершат вылазку из города и предпримут попытку отбить обоз с добычей.

Когда Понцино увидел из города поднимающийся дым от горящего Сан-Пьетро, он поспешно вывел войска из города и перекрыл все переправы через Бренту. Далее он двинулся навстречу силам Бельтрамо. Бельтрамо, казалось, вовремя понял, что победить ему вряд ли удастся и приказал своим войскам сомкнуть ряды и начать отступление к Бренте. Не исключено, что так Бельтрамо удалось бы пересечь одну из переправ, но Понцино опередил его и нанёс удар с фланга, после чего учинил страшную резню. Лишь немногим удалось переплыть реку и спастись в Виченце. Сам Бельтрамо был тяжело ранен падуанским нобилем Паоло ди Виталиано Денте (Paolo di Vitaliano Dente). Именно он узнал Бельтрамо, так как видел его ранее. Денте подъехав к нему, спросил каталонца, кто он. На что каталонец осторожно ответил: «*Carolus miles, oldato di Carlo*»⁹⁴ — условной фразой, используемой гвельфами. Паоло, все больше убеждаясь в личности противника, воскликнул: «Я тоже солдат-гвельф»⁹⁵ и в тот же миг вонзил копьё в рот несчастному Бельтрамо, так что оно вышло с левой стороны затылка. К удовлетворению поддесты и народа, умирающего капитана доставили на щитах в Падую. После 8 дней агонии Бельтрамо Гульельми скончался. Простой народ с изумлением пересказывал случившееся, сравнивая этот сюжет с битвой Давида против Голиафа⁹⁶.

Успех воодушевил падуанцев и после срочного укрепления Альпоне, а также трёхдневного отдыха, была предпринята попытка напасть на Виченцу. Они приблизились к городу ночью и даже незаметно вошли в предместье Сан-Пьетро. Но вскоре жители деревень заметили приближение врага и дали сигнал о помощи. Кангранде, лично возглавлявший отряд, после короткого боя вынудил падуанцев к отступлению. 15 июля 1314 года войска вернулись на домой, приведя с собой захваченный в ходе вылазки скот.

В Падуе Понцино посвятил себя осуществлению многообещающего плана, который положил конец вечной проблеме, связанной с Баккильоне. Лучшим инженерам Падуи было поручено соорудить канал, который отводил часть русла Бренты непосредственно в город и тем самым устранял постоянную нехватку воды. Строительство канала, названного Биентелла,

утверждения синьории Аццо Висконти Понцино постепенно утратил своё политическое влияние, хотя и сохранил за собой привилегии и должности. Последнее известное свидетельство, касающееся его, — подтверждение архиепископом Джованни Висконти привилегий на замок Брахис 17 июля 1348 года. В этой связи можно предположить, что он стал жертвой эпидемии чумы 1348 года. Его политическое наследие было продолжено сыном Джованни.

⁹³ Status quo ante — латинская фраза, означающая «ситуация/положение, существовавшее до». Также используется Status quo ante bellum, т.е. «ситуацию, которая существовала до войны».

⁹⁴ Сочетание лат. и итал. «Рыцарь Карла, солдат Карла». Имеется ввиду Карл (Карло) I Анжуйский (Carlo I d'Angiò; 1226 — 1285), сын Людовика VIII (фр. Louis VIII le Lion; 1187 — 1226) и один из сильнейших и последовательных сторонников папского престола.

⁹⁵ Итал. «Sono soldato guelfo anch'io».

⁹⁶ Mussato, *De gestis italicorum*, Lib. IV, Rubr. 3; Cortusi, *Historia de novitatibus Paduae et Lombardiae*, col. 788.

устранило одно из самых уязвимых мест конфликта. Поставка воды в город через Баккильоне перестала быть жизненно важным вопросом для Падуи.

В конце июля Понцино лично возглавил войска и направился с ними через Мазон и Бреганце к Монторсо. Монторсо, укреплённая вилла на реке Кьямпо, примерно в семи милях к западу от Виченцы. После захвата её делают базой для набегов на близлежащую территорию. Однако очень скоро Понцино счёл благоразумным покинуть местность и удовлетвориться опустошением местности вокруг горы. Виноградинки Бреганце и Тьене, поселения Скио, Торре, Магре и Цане были разрушены. Некоторые из них не в первый раз и не последний. 25 июля войска Понцино вернулись в Бассано.

Кангранде имел все поводы для тревоги. Он стремительно двинулся в сторону Монтеккьо, который обращён к Монторсо на противоположном берегу, в двух милях от него. Первым желанием Скалигера было вступить в бой, но его опытные советники отговорили его, убедив, что его силы не сравнимы с силами противника под умелым руководством Понцино. Ему ничего не оставалось как вернуться в Виченцу, где к нему присоединились войска кондотьеров Пассерино Бонакольси и Гульельмо да Кастельбарко (Guglielmo da Castelbarco; ум. 1320)⁹⁷.

Всё это напоминало танцевальные па...

Едва Понцино двинулся в сторону Падуи, как выступил уже Кангранде, успевший достигнуть предместья Падуи Сан-Джованни. Там не были готовы к нападению, но и сдаваться не собирались. Простые горожане требовали осуществить вылазку, чтоб заманить Кангранде в город и взять в плен. Что у стен города стоит сам Скалигер было понятно всем. Более умеренные, как епископ Пагано дела Торре, считали, что надо ограничиться обороной, за что были подвергнуты толпой оскорблениям и насмешкам. Их называли предателями, затягивающими войну и упускающими верную победу. Чернь настояла на своём. Городские ворота были открыты, и неорганизованные массы людей устремились навстречу врагу. Это был подарок Кангранде, в авангарде армии которого стоял Пьетро Браймонте⁹⁸, племянник убитого Бельтрамо Гульельми который со своими всадниками и пехотинцами обрушился на толпу. 50 падуанцев были убиты и 20 взято в плен. Затем Кангранде со своими людьми вернулся в Верону⁹⁹.

Короткое затишье дало Скалигеру возможность поддержать своих союзников в Пизе и Милане вспомогательными войсками. Сам он долгое время оставался в Вероне, неустанно занимаясь неотложными делами, связанными с управлением городом. Мирные переговоры, инициированные в августе 1314 года, к результату не привели. Таким образом, вооруженный путь решения конфликта сохранялся как единственно возможный. В этой связи, Кангранде отправил своего верного советника и зятя Байлардино да Ногарола к герцогу Каринтии, от которого ожидал подкрепления. Антонио да Ногарола (Antonio da Nogarola) исполнял вместо брата должность подесты в Виченце.

Понцино был прекрасно осведомлён о происходящем на вражеской территории, в основном от изгнанников из Виченцы. Он решил внезапным нападением захватить предместье

⁹⁷ Гульельмо да Кастельбарко, известный также как «Великий» (il Grande), был одним из пяти сыновей Аццоне ди Кастельбарко, чей титул он унаследовал, став повелителем Вальягарины. Вместе со своими братьями (Бонифацио, Альберто, Леонардо и Федерико) вступил в конфликт с епископом Тренто, что привело к коллективному отлучению от церкви. В 1307 году, благодаря приданому жены Сперонеллы да Виваро (Speronella da Vivaro) и собственным дипломатическим способностям, получил контроль над замками Кастель-Пьетра и Кастель-Безено, вытеснив оттуда род да Безено. Известен своим покровительством и меценатством — предположительно принимал Данте Алигьери в своем замке Лиццана и инициировал строительство церквей Санта-Анастасия и Сан-Фермо-Маджоре в Вероне. Владел обширными феодальными землями, включая замки Корно, Кастельнуово, Кастеллано и Брентонико. Скончался 6 сентября 1320 года после ранения в ходе военной кампании Скалигера. Его владения перешли его сыновьям.

⁹⁸ Лат. Petrus Braymontis. Муссато также делает приписку на полях, в которой указывает другие версии его имени — Petro Braymonte, а также Biamopus, добавляя перед этим титул *duce* (дуче), производное от латинского *dux, ducis* (вождь, лидер). В самом тексте, впрочем, Муссато пишет, что Браймонте — наёмник Кангранде (*Mercenarium Canis Dux*). То, что Браймонте — каталонец указывает Ханс Шпангенберг (Spangenberg, *Cangrande I della Scala*, s.89).

⁹⁹ Mussato, *De gestis italicorum*, Lib. IV, Rubr. 6; Cortusi, *Historia de novitatibus Paduae et Lombardiae*, col. 788.

Виченцы — Сан-Пьетро. Это также должно было отсечь Скалигера от ломбардского театра военных действий, куда он послал вспомогательные войска на помощь Маттео Висконти, ведущего борьбу с миланскими гвельфами. В Падуи был подготовлен большой военный поход, включавший в том числе не менее 1500 повозок с оружием и продовольствием на 20 дней. Вечером 16 сентября падуанская милиция численностью более 2000 человек покинула город и двинулась прямо на Виченцу.

Первая остановка состоялась ранним утром у моста Квартезоло. Чтобы разведать позиции противника, вперёд был выслан небольшой отряд, в основном состоящий из виченцских изгнанников. Они вернулись с сообщением, что укрепления в Сан-Пьетро не охраняются. Понцино с отрядом отборных воинов отправился в путь и незаметно достиг предместья. За несколько минут им удалось взобраться на крепостную стену. К склону приставили копья, и воины, становясь на плечи друг другу, взобрались на высоту вала. Часовые были убиты, а небольшой гарнизон оказал лишь слабое сопротивление. Одним смелым ударом Сан-Пьетро оказался в руках Понцино. Чтобы привлечь на свою сторону горожан, он отдал приказ под страхом смерти воздерживаться от грабежей и убийств.

Решительные действия войск Понцино вызвали в Виченце серьезные опасения. Враг, занявший предместье, из надежного укрытия угрожал городу и грозил штурмовать городские ворота, которые едва успели закрыть. Положение казалось критическим и поэтому да Ногарола приказал поджечь предместье Сан-Пьетро, чтобы лишить врага опорного пункта для нападений. Эта чрезвычайная мера возымела своё действие на атакующих. Понцино и его военачальникам собрались на совет, чтобы решить, что делать дальше.

Альбертино Муссато предлагал удерживать Сан-Пьетро и забаррикадировать ворота Виченцы штабелями дров и хворостом, чтобы перерезать возможность выхода из города сил Ногаролы и Кангранде, если он успеет подойти с другой стороны. Скорнаццани, как предводитель наёмников, высмеял этот осторожный способ ведения войны и предложил покинуть предместья и разместить лагерь вблизи, но более безопасном месте. Он также советовал скрыть укрепления и засыпать рвы, чтобы ничто больше не препятствовало нападению на Виченцу. Было принято именно его предложение. Впрочем, войска подчинились приказу крайне неохотно, так как считали, что победа была у них в кармане. И чтобы изменить их подавленное настроение, Ванни, которому было доверена защита Сан-Пьетро и обеспечение безопасности со стороны ворот из Виченцы, разрешил ополченцам перед уходом разграбить предместье. Несмотря на протесты Понцино, Муссато и Джакомо да Каррара, отряды прочесывали предместье, вынося все, что находили, не щадя ни женщин, ни детей, ни храмы. К грабежу примкнул и сам Ванни со своими наёмниками. В это время Понцино пришлось заняться ещё одной проблемой — обороной нового лагеря, которому угрожали наёмники Пьетро Браймонте. Но атака со стороны Браймонте не увенчалась успехом, а он сам пал от смертельной раны в горло. Положение Виченцы становилось всё более безнадёжным, а действия сил Падуи становились всё более уверенными, тем более что в лагере распространился слух, будто Кангранде в Вероне тяжело заболел.

Город наполнило отчаяние, страх и скорбь. За оружие взялись все, кто мог его носить. Большинству был понятен, что ситуация становится всё более безнадёжной и многих из них ближайший день может стать последним. Но вот около семи часов нового дня разнеслась спасительная весть — Кангранде прибыл в город.

Кангранде сидел на пиру, празднуя свадьбу своего племянника Франческино (Franceschino) с дочерью Луккино Висконти, когда прибыл гонец от Антонио де Ногаролы с известиями. Он, поручив Франческино управление городом, взял колчан и лук, сел на скакуна и немедленно помчался верхом к Виченце. Кангранде преодолел три четверти пути, когда утомленный быстрой скачкой конь перестал повиноваться шпорам своего господина. В Монтебелло он сел в простую повозку крестьянина, которого случайно встретил, и прибыл в Виченцу

утром 17 сентября, где едва могли поверить, что он преодолел путь в 30000 пасси за четыре часа, что составляет от 43 до 51 километра, в зависимости систему длинны какого города мы возьмём за ориентир. Так или иначе данное расстояние было вряд ли возможно преодолеть за четыре часа. Вероятно, эта история является частью мифа о Кангранде, схожего с более поздней легендой об известном английском разбойнике Дике Тёрпине (англ. Richard (Dick) Turpin; 1705 — 1739), который за ночь, ради алиби, преодолел на своей лошади Чёрной Бэсс расстояние от Лондона до Йорка в 200 миль (320 километров).

Прибыв в Виченцу, двадцатичетырёхлетний лидер сразу обратился к народу со словами утешения и надежды. Далее, он велел подвести боевого коня Байлардино, утолил жажду кубком вина, помолился Деве Марии и велел протрубить боевой клич, после чего прищпорил коня и поскакал с сотней своих соратников через городские ворота. От врага его отделяли только горящие дома Сан-Пьетро. Так он проехал вдоль вала до деревни Лисерия, где вступил в схватку с падуанцами. Однако превосходство сил Падуи было более чем очевидно, что заставило маленький отряд Кангранде отступить к крепостным рвам предместья Пустерла. Там собрались рассеянные войска убитого Пьетро Браймонте и части крепостного гарнизона. И туда же устремились на помощь Кангранде отряды из Виченцы. Преданность верных подданных сыграло решающую роль и Кангранде отдал приказ наступать на Сан-Пьетро.

Филиппото (Filippoto), изгнанный веронец, и Альбертино Муссато попытались оказать сопротивление. В кровавом сражении войска Падуи потерпели поражение и в панике бежали к крепостным воротам. На мосту конь Муссато упал. Всадник, рискуя быть раздавленным преследующими всадниками, прыгнул в наполненный водой крепостной ров. Однако Муссато был обнаружен и, несмотря на сопротивление, был схвачен и доставлен в город. Кангранде приказал поднять на мостовой башни знамёна Скалигеров и обозревал поле битвы с дозорной вышки. Когда он увидел, как враги в беспорядке спасаются бегством, он послал вперед Вивальдо Бруньолю (Vivaldo Brugnolo), молодого и отважного воина, а через несколько минут и сам подключился к преследованию.

Сопротивление смогли оказать только небольшое количество вражеских сил. Так, Джакомо да Каррара, чтобы спасти честь родного города, с частью своих родственников и сторонников, которых он спешно собрал вокруг себя, занял позицию у подножия холма напротив крепостного рва Сан-Пьетро. Маленький отряд был без сопротивления сметён противником, а сам Джакомо пленён. Многим повезло меньше, так как почувствовав победу, Кангранде, во главе отряда из всего 40 всадников, лично возглавил резню убегающего противника. Только у моста Куартезоло он прекратил преследование в двенадцать раз превосходящего по численности противника.

В течение двух дней было взято в плен около 700 человек, которые были закованы в кандалы и отведены в Верону. По свидетельствам Муссато и Феррето, общее число пленных превышало 1500 человек. Даже через восемь дней после битвы при Сан-Пьетро, беглые падуанцы, измученные жаждой и голодом, выходили из лесной чащи к воротам Виченцы, полагая, что достигли родной Падуи. Ванни Скорнаццани, Джакомо да Каррара, его племянник Марсилио (Marsilio da Carrara; 1294—1338) и другие высокородные падуанцы также были взяты в плен и отведены в Верону. Среди погибших в бою знатных падуанцев были знаменосец Бернабо (также Барнаба) де Маккаруффи (Bernabò de' Maccaruffi), а также Альберто да Понте (Alberto da Ponte), Джерардо ди Вилья дель Конте (Gerardo di Villa del Conte), Пепе да Прато делла Валле (Pepe da Prato della Valle) и Тисо да Тергула (Tiso da Tergula).

В падуанском лагере были найдены припасы на 20 дней, запасы зерна, оружие и утварь, а также серебряные блюда, кубки, ковры и другие драгоценности, без которых избалованные падуанцы, что было общеизвестно и поводом для небезосновательных шуток, не могли обойтись даже в условиях военного похода. 700 тяжело гружёных транспортных повозок доставили добычу в Виченцу.

После победы грабить окрестности Падуи начали уже жители Виченцы. Активную роль в грабительских набегах приняли разоренные падуанцами крестьяне.

Кангранде в Виченце ждал настоящий триумф. Долгие годы день годовщины битвы при Сан-Пьетро и окончательного освобождения Виченцы от падуанского господства имел статус праздника. Поскольку удача была на его стороне, Скалигер полагал, что может достичь большего — окончательно сломить Падую. Для выполнения этой задачи он постарался привлечь как можно больше своих гибеллинских союзников. С большой готовностью они прислали запрошенную помощь. Из Мантуи на третий день со своими людьми примчался Пассерино, на пятый — Гульельмо да Кастельбарко и его племянник Альдригетто¹⁰⁰. Также в Верону прибыл Джиберто да Корреджо (Giberto da Correggio, предп. 1270/1280 — 1321)¹⁰¹, который был изгнан из Пармы и по расчётливому соображению перешёл на сторону имперской партии, а также Николо да Лощо, теперь имперский викарий Бергамо. Маттео Висконти, который подвергался тяжёлому давлению со стороны ломбардских гвельфов, был не в состоянии послать помощь. Но именно в Милане, а затем в Падуе должны были решиться великие вопросы имперской власти на севере Апеннин.

Сам Кангранде прибыл в Верону и стал усердно готовиться к военной кампании и включил в войско каждого горожанина города, чей возраст и здоровье позволяли носить оружие.

В Падуе стягивались беженцы из окрестных городов и контадо. Город готовился к осаде, но военных сил у него после поражения в Сан-Пьетро не было. Чувство страха и отчаяния усилилось с приходом немногочисленных свидетелей разгрома армии Падуи. Только прибытие подесты Понцино¹⁰² немного успокоило взволнованный народ.

В Падуе он созвал Большой совет, чтобы принять решение о мерах по защите города. Тревизо, Болонья, Феррара были уведомлены о грозящей опасности. В то же время из Эсте,

¹⁰⁰ Ferreti, *Vicentini Historia*, col.1146.

¹⁰¹ Джиберто да Корреджо был влиятельным итальянским политическим деятелем и военачальником конца XIII — начала XIV века. Родился в Парме в семье Гуидо да Корреджо (Guido da Correggio; ум. 1299) и Мабиллии (Mabilia di Giberto da Gente). Его дед по отцу, Герардо да Корреджо (Gherardo da Correggio), прославился в битве при Виттории в 1248 году, а дед по материнской линии, Джиберто да Дженте (Giberto da Gente), был подестой Пармы и правил городом в 1254 — 1259 годах. Первое упоминание о самом Джиберто относится к 18 июня 1297 года, когда он подписал перемирие в Виадане между Пармой и маркизом Аццо VII д'Эсте. В 1302 году в Коломбе около Пьяченцы состоялось собрание представителей основных городов под руководством Альберто Скотти, целью которого было создание лиги против власти д'Эсте над Реджо и Моденой. Ключевым моментом в карьере Джиберто стало 25 июля 1303 года, когда в результате политических интриг и при поддержке своего зятя Сопрамонте Амати (Sopramonte Amati) он был провозглашён «господином, защитником и покровителем города, коммуны и народа Пармы, и защитник мир» (*signore, difensore e protettore della città, del Comune e del popolo di Parma, e conservatore della pace*). Его правление не было безоблачным. В городе ему активно противостояли семьи Росси (Rossi) и Лупи (Lupi). Важным этапом стала его встреча с императором Генрихом VII, который посвятил его в рыцари 6 января 1311 года во время коронации в церкви Святого Амвросия. Позже он получил титул викария Реджо-Эмилии и укрепил свою власть над Пармой и Гуасталлой. Впрочем, буквально через несколько месяцев его отношения с императором испортились. В основном, это было связано с тем, что в обмен на викариат, он должен был вернуть в Парму изгнанных ранее Росси и Лупи. Он подчинился, но вскоре вновь их выгнал из города. За это его шурин Франческо Маласпина был лишён викариата Пармы, а Джиберто был вызван в Павию, но, добравшись до Тортоны, узнал, что впал в немилость и, чтобы избежать тюрьмы, немедленно вернулся в Парму. С тех пор он присоединился к антиимперской коалиции, которая, уже укрепившись в других местах, через действия короля Неаполя Роберта Анжуйского, Флоренции, Сиены и Лукки, теперь более решительно распространяла свое влияние на север. Его политическая стратегия во многом строилась на династических браках. Джиберто был женат четыре раза: первый брак — с сестрой Франческо Маласпина, второй — с представительницей семьи да Камино (da Camino) в 1301 году, третий — с Еленой ди Лангоско (Elena di Langosco) в 1312 году, и четвертый — с Маддаленой Росси (Maddalena Rossi) в 1314 году. Для своих детей он также устраивал выгодные ему браки с представителями влиятельных семей: дочь Беатриче вышла замуж за Альбоино делла Скала (Alboino della Scala), правителя Вероны, а дочь Ваннина — за Франческо деи Бонакольси (Francesco dei Bonacolsi), сына правителя Мантуи. Корреджо активно участвовал в военно-политической борьбе своего времени. В 1312 году стал правителем Кремоны, а позже был назначен генеральным капитаном Пармы и гвельфской партии в Ломбардии королём Робертом. Последние годы жизни Джиберто провёл в попытках восстановить свою власть. В 1316 году потерял контроль над Пармой в результате восстания, организованного коалицией его противников. Несмотря на военные успехи в последующие годы, включая захват, совместно с семьёй Кавалькабо, Кремоны в 1319 году, ему не удалось вернуть контроль над Пармой. Джиберто умер 25 июля 1321 года в Кастельнуово-Сотто (Castelnuovo Sotto), так и не вернувшись в родной город. Его останки были первоначально захоронены в Кастельнуово-Сотто, а в XV веке перенесены в церковь Святого Франциска в Корреджо.

¹⁰² Он при бегстве был схвачен двумя виченцскими наёмниками, но освобождён за обещание выкупа.

Монтаньяны, Читтаделлы и других муниципалитетов прибыли гонцы, которые обещали прислать вспомогательных войск. В течение следующих трёх дней в Падую прибыли 50 всадников и 300 пехотинцев из Тревизо и 100 всадников и 600 пехотинцев из Болоньи.

Все бастионы крепостей были срочно отремонтированы. Граф Винчигуэрра с небольшим войском выслан в сторону Монселиче, где должен был воспрепятствовать переправе врага через реку. Но лучше всяких человеческой усилий о спасении Падуи, казалось, позаботились сами Небеса. Разразилась страшная буря, которая продолжалась почти 10 дней. Непрерывные ливни вызвали огромное наводнение, которое затопило все переходы через реки, как и сами поймы рек, а также землю на протяжении всего перехода из Вероны в Падую.

Для Кангранде в сложившихся обстоятельствах осуществить замысел не представлялось возможным. Он находился со своими соратниками в Вероне и проводил время с ними и со своими пленниками в разных развлечениях. Джакомо да Каррара, его племянник Марсилио и Ванни Скорнаццани жили при его дворе. Он любил шутить с ними, сожалел об их печальном положении и утешал их. Особым расположением он отличал Джакомо да Каррара, который, как кажется, приобрёл некоторое влияние на Кангранде. Скорее всего это была уловка со стороны Кангранде. Хронисты свидетельствуют, что Скалигер пытался пробудить у Джакомо желание добиться принципата в своём городе, и сделать его своей политической марионеткой. Однако успеха с неподкупным да Каррара Кангранде так и не добился.

Альбертино Муссато, который был тяжело ранен и попал в веронский плен, по приказу Кангранде нашёл пристанище в доме Грегорио да Поьяна (Gregorio da Pojana)¹⁰³, где был доверен самому надежному медицинскому уходу. Это было время, когда его «Эцери-нида» (*Ecerinide*), ставшая первой светской трагедией со времен Рима, «Державная история» (*Historia Augusta*), «Деяния Генриха VII Цезаря» (*De gestis Henrici VII Caesaris*), «Деяния италийские после императора Генриха VII» (*De gestis Italicorum post Henricum VII Caesarem*) ещё не появились, а лавровый венок ещё не украсил чело поэта. Но он пользовался уважением и почтением Кангранде как политический деятель и дипломат. Когда Скалигер навещал его, разговор часто переходил на политику, империю и действия императора. Муссато считал, что проливал свою кровь за родной город и ему было больно, что тот может стать частью империи, лишившись многих своих свобод и традиций. Сожалел он своим горьким положением пленника и событиям, приведшим к нему. Кангранде слушал Муссато с большим уважением и ни разу не дал тому почувствовать своего превосходства и позиции хозяина положения. Рыцарский дух Кангранде вызывал восхищение его пленников. Это не были только слова. Бесчестное или трусливое поведение сурово им всегда наказывалось. Так известно, что один из его военных соратников, в отместку за убитого брата, пронзил мечом группу связанных пленных. Кангранде был неумолим и за подобное нерыцарское поведение приговорил того к изгнанию.

При дворе делла Скала также жили Пассерино и Гульельмо да Кастельбарко. Пленникам Ванни Скорнаццани и Джакомо да Каррара удалось склонить их стать посредниками между Кангранде и Падуей в вопросе заключения мира. Каррара, пользующийся в городе большим уважением и влиянием через своих родственников, обещал предоставить заложников и отправиться в Падую, чтобы расположить жителей города к мирным переговорам. Но сначала надо было убедить Кангранде, а это было не просто. Пассерино и Гульельмо пришлось выслушать множество упрёков. Он отпустил их, сопровождая мрачным взглядом и не давая ни йоты надежды, что они были услышаны. Но после бессонной ночи, Кангранде созвал небольшой совет и дал своим союзникам разрешение на начало мирных переговоров.

Было объявлено пятидневное перемирие. Джакомо поспешил в Падую в сопровождении Ванни Скорнаццани — своего товарища по несчастью. Предложения Кангранде, зачитанные с трибуны Большого совета Понцино вызвали бурное обсуждение. К сторонникам продолжения

¹⁰³ У Муссато: лат. Gregorij de Poiana.

войны принадлежал Маккаруффо Маккаруффи, который потерял под Сан-Пьетро своего брата Бернабо¹⁰⁴. Он также указывал, что они не одни и Тревизо, Болонья, Феррара будут готовы прислать помощь, чтоб город смыл победой над ненавистным противником позор Сан-Пьетро. Однако его аргументы разбились о красноречивые слова Джакомо да Каррара. Было решено отправить Скорнаццани в Верону, чтобы начать вести переговоры с Кангранде об условиях долгожданного мира.

Однако эти переговоры чуть не повторили судьбу дипломатических переговоров с Тревизо. Кангранде поначалу настаивал на возвращении изгнанных из Падуи гибеллинов и был глубоко возмущён, когда послы упорно отказывались принять это условие. Однако вскоре он прислушался к своим советникам, и не без причины. Возвращение изгнанных гибеллинов хоть и усилило его позиции в Падуе, но существенно сказались бы на боеспособности его армии, так как изгнанники с самого начала войны представляли весьма значительный контингент в веронском войске.

Уже в конце сентября падуанцы обратились к Тревизо с просьбой о посредничестве о мире. В Тревизо решили послать нотариуса в союзный город для получения более подробной информации. Тем временем Венеция направила послов в Верону и Падую, и предложила свои услуги в ведении переговоров. В интересах республики было поддерживать равновесие между спорящими сторонами, чтобы не быть ограниченной в торговле и не получить чрезмерно могущественного соседа в лице Кангранде. Посредничество дожа Джованни Соранцо (Giovanni Soranzo; ок. 1245 — 1328)¹⁰⁵ было принято при условии, что он возьмёт на себя гарантии мира. Тот заявил о своей готовности, но обязал обе стороны не причинять в будущем вреда Венеции в связи с этими гарантиями. Дож направил Донато Ломбардо (Donato Lombardo) и наделил его необходимыми полномочиями для ведения переговоров.

Венеция благодаря своему нейтральному положению была особенно подходящей для ведения посредничества и как крупный игрок на политической сцене была способна взять на себя гарантии сохранения мира, в то время как Тревизо была стороной конфликта и слишком незначительно, чтобы предоставить Скалигеру необходимые гарантии. 4 октября 1314 года в Виченце и Падуе были выданы грамоты, которыми Бонинезио Паганотти (Boninesio Paganotti)¹⁰⁶ и Альбертино Муссато были уполномочены торжественно принести присягу на договор от имени обоих городов.

В целом *status quo ante* был восстановлен. Пленные должны были быть выданы без выкупа, падуанцы должны были получить обратно земли и права, которыми они владели на территории Виченцы, равно как и граждане Вероны и Виченцы должны были вернуть свои права и владения на земле Падуи. Ни один из двух городов не мог возводить укрепления на территории другого без разрешения правителя той или иной земли. За нарушение клятвенного договора был установлен штраф в 20000 марок серебра¹⁰⁷. Венеция же была гарантом мира и

¹⁰⁴ У Маккаруффо Маккаруффи было два брата — Франческо и Бернабо. Как упоминалось выше, Барнаба погиб под Сан-Пьетро. Упоминания о Франческо заканчиваются 1312 годом.

¹⁰⁵ Джованни Соранцо — итальянский политик, дипломат и адмирал, 51-й дож Венецианской республики с 13 июля 1312 года до своей смерти. Соранцо проявил себя как покровитель культуры, поддерживая связи с выдающимися интеллектуалами своего времени, включая Альбертино Муссато, с которым вёл переписку о необычном событии — рождении трёх львят у пары львов, подаренных дожу Федерико III Арагонским. В 1321 году он встречался с Данте Алигьери, прибывшим с дипломатической миссией от имени синьора Равенны Гуидо Новелло да Полента (Guido Novello da Polenta). Это событие было зафиксировано в старейшей хронике Венеции «*Libri pactorum*».

¹⁰⁶ Иногда встречается под именем Бонмесиио (Bonmesio). Впрочем, информации о нём очень мало. По ней можно судить, что он был одним из многолетних сторонников на службе Кангранде, в частности в должности судьи. Вместе с Байлардино да Ногарола, который занял должность подесты, ему удалось установить контроль над Виченцей и безболезненно втянуть её в орбиту влияния Скалигеров.

¹⁰⁷ Первоначально марка обозначала единицу массы приблизительно 234 грамм (или 8,3 унции). Марка, используемая на рынке Кёльна (Kölner Mark), весила 233,856 г (8,2490 унции), использовалась для определения стоимости официальных золотых и серебряных денег Священной Римской империи, включая серебряную монету *рейхсталер*.

обязалась посредничать в спорах, которые могли возникнуть между обоими городами в будущем.

Договор был торжественно скреплён присягами в Вероне, Виченце и Падуе, а мир был официально провозглашён 6 или 7 октября. Бонакольси, Кастельбарко, король Богемии, граф Генрих Горицкий и епископ Трентский присоединились к договору как союзники Кангранде. Болонья, Феррара, Фельтре и Беллуно были союзниками Падуи. Тревизо присоединилось к ним только в декабре 1314 года.

Так зимой 1314 года в Тревизской марке после почти трёхлетней войны был восстановлен долгожданный мир. Кангранде же разбил намного превосходящего противника и поставил под вопрос самостоятельность могущественного города гвельфов. Действительно, могущество Падуи, которая по влиянию и богатству пока удерживала ведущее место в восточной половине Верхней Италии, шло к закату. Звезда Кангранде сияла всё ярче и ярче. Победа при Сан-Пьетро вывела Скалигера из ограниченных условий Тревизской марки на большую арену, а его слово в партийной борьбе внутри империи стало решающим.

V

Смерть императора Генриха VII лишила гибеллинов их лидера, но создало три мощных центра, где объединялись разрозненные силы гибеллинов: в Тоскане вокруг Угуччоне делла Фаджиола, в Ломбардии вокруг Маттео Висконти и в марке Тревизо вокруг Кангранде делла Скала. В Пизе, Милане и Вероне в безвластное время они служили крепкой опорой против мощи гвельфов, которая стремительно нарастала и грозила установить власть короля Неаполя Роберта Анжуйского. Гибеллины, включая и Кангранде, в этой крайне тяжелой ситуации пытались оказать активное сопротивление.

Наиболее отчаянным было положение гибеллинов в Тоскане. Флоренция, Болонья, Лукка, Сиена, Пистойя и другие города ещё в 1311 году образовали лигу для противостояния Генриху VII. После смерти императора Пиза с Ареццо остались единственными оплотами имперской партии в тосканской провинции. Им пришлось рассчитывать лишь на собственные силы, опасаясь захвата со стороны гвельфской лиги. В это время восходит звезда Угуччоне делла Фаджиола, который к июню 1314 года сконцентрировал в своих руках власть в Пизе, Ареццо и Луке. На него возлагали огромные надежды в борьбе с гвельфами и говорили, что одно лишь его имя равно армии. Угуччоне не подвёл, но об этом более подробно мы поговорим в нашей работе, посвящённой кондотьерам старой Италии.

Маттео Висконти, которому Генрих VII передал викариат Милана 13 июля 1311 года, после смерти императора оказался в таком же затруднительном положении, как его союзники в Тоскане. Гвельфы, которые пообещали Роберту Неаполитанскому господство над Ломбардией, в 1313 году вторглись на земли Милана, разгромили войска Висконти у Аббиатеграссо и вынудили его отступить. В сентябре 1314 года они собрались под знаменами Альберто Скотти и синьоров делла Торре, чтобы захватить Пьяченцу, которой уже год управлял сын Маттео, Галеаццо. Галеаццо успешно отбил нападение, между тем как его брат Марко Висконти (Marco «Balatrone» Visconti; 1289 — 1329) по прозвищу Балатроне¹⁰⁸, кондотьер и командир наёмников, 1 декабря 1314 года захватил Тортону, который нужно было срочно защитить от войск Кремоны, Пармы, Болоньи и, прежде всего, Павии. С этой целью Маттео приказал построить укреплённую крепость под названием «Гибеллин» в месте, где река Скривия впадает в По. Туда направился во главе войск из Павии, Алессандрии, Верчелли и Асти Хьюго де Бо или, как его называли на итальянский манер, Уго дель Бальцо (фр. Hugues des Baux, итал. Ugo del Balzo; ум. 1315), назначенный Робертом Неаполитанским викарием Пьемонта. Однако 7 июля 1315 года миланцы нанесли ему решающее поражение. Победа на реке Скривия привела к падению Павии, которую в ходе ночной атаки захватил сын Маттео — Стефано (Stefano Visconti; 1287 — 1327). Правителем города стал его брат Луккино. Таким образом, к концу 1315 года Маттео I стал господином Милана, Павии, Пьяченцы, Тортон, Бергамо, Новары, Верчелли, Комо, а вскоре и Алессандрии, которая вышла из-под власти Роберта Неаполитанского и вместе с Тортоной была передана под управление Марко Висконти.

Делла Скала активно помогает своим союзникам. Так, в апреле 1315 года он поддержал нападение Висконти на Парму. 29 августа того же года его войска уже приняли участие в битве при Монтекатини, или, по крайней мере, присутствовали в Тоскане для поддержки Угуччоне делла Фаджиола, с которым Кангранде заключил союз ещё в 1314 году.

¹⁰⁸ Прозвище «Балатроне» происходит от латинского слова «balatro», которое означает «шут», «паяц», «насмешник», «бездельник» и «пустослов». Хотя точное происхождение прозвища Марко остается неясным, оно, вероятно, отражало его восприятие в обществе как человека с юмором или легкомысленным поведением, что контрастирует с его военной репутацией. Ещё одним прозвищем Марко было «Тардона» или «да Тортон», что может указывать на связь с городом Тортоной.

В начале октября 1315 года Кангранде и Пассерино вступили на территорию Кремоны, которая была практически беззащитна; немногочисленные крепости были слабо укреплены, а в городе царили голод и нищета. 9 октября союзные правители захватили крепость и мост у Дозоло, что дало им доступ на вражеские земли. Замок Помпонеско на левом берегу По был взят штурмом, а Виадана — родовой замок гвельфского рода Кавалькабо¹⁰⁹, получившего поддержку из Пармы, — после короткой осады была вынуждена сдаться. В замке хранилось всё имущество рода и семья Джакомо да Кавалькабо (Giacomo da Cavalcabò; после 1275 — 1321)¹¹⁰. Жена Джакомо была родственницей Пассерино и благодаря этому, а также великодушию Скалигера, ей было позволено покинуть город со всем своим двором и отправиться в Кремону. Богатая же добыча досталась победителям. Изначально Кангранде планировал сделать Виадану веронской крепостью для того, чтобы использовать её как опорный пункт для дальнейших действий. Но вскоре он отказался от этой идеи и приказал разрушить городские укрепления. После того как сдалась Саббьонета, которая выдержала десятидневную осаду, Кангранде вернулся с богатой добычей в Верону.

Через короткое время неутомимый Кангранде вновь возобновил кампанию против Кремоны и выступил с армией на замок Пьядена, который кремонцы укрепили и поставили под защиту отряда из 50 копейщиков и множества легкой кавалерии под командованием Тринкино де' Понцони (Trinchino de' Ponzoni) и Брегоньоне Каталано (Bregognone Catalano). Взять быстро крепость у нашего героя не получилось, и осада длилась почти два месяца. Более того, на каком-то этапе осады ремонт осадных машин потребовал короткого перемирия. Кангранде, впрочем, использовал это время с толком... в грабеже контадо, принадлежащих городской коммуне. Однажды, оказавшись с небольшим отрядом кавалерии у замка Кальватоне, он отдал приказ на его штурм. Он спешил и, вместе с небольшим сопровождением, ворвался в

¹⁰⁹ Род Кавалькабо, считающийся старейшим и самой прославленным в Кремоне, восходит к Оберто (также Отберто или Одеберто) I Обертенги (Oberto I Obertenghi; ум. 975), князю Священной Римской империи и маркизу Милана и Генуи, основателю и других знатных итальянских семей Эсте, Маласпина и Полавичино. Он был награждён вассальной территорией — Маркой Обертенги (Marca Obertengha) за помощь, оказанную королю Беренгару II (Berengario I; 850 — 924) получить контроль над территориями Каролингского королевства Италии. Марка Обертенги включала территории Ломбардии, Итальянской Швейцарии, Новары, Эмилии, часть Пьемонта и часть Лигурии и Тосканы. Позже к марке была косвенно присоединена Корсика и часть Сардинии. Самое старое упоминание именно рода Кавалькабо относится к 1116 году и к маркизу Корrado (Corrado Cavalcabò; ок. 1085 — после 1136). Тем не менее, основателем считается его сын Сопрамонте Кавалькабо (Sopramonte Cavalcabò), который в 1158 году получил в дар от Фридриха Барбароссы наследственную вотчину Виадану, подтверждённую в 1196 году Генрихом VI с получением титула маркиза. Семья владела Кремоной, начиная с 1276 года. Примерно в 1320 году Джакомо Кавалькабо уступил власть в городе семье Висконти. В 1403 году Уголино (Ugolino Cavalcabò; ок. 1350 — 1406) восстановил власть рода над городом, но их господство продлилось всего несколько лет, после чего в 1406 году Кремона окончательно перешла в руки Висконти.

¹¹⁰ Джакомо Кавалькабо (родился после 1275 г. — погиб 29 ноября 1321 г.) был вторым сыном маркиза Виаданы Кавалькабо Кавалькабо (Cavalcabò Cavalcabò (de Cavalcabobus); ок. 1250 — 1305/06). Впервые упоминается 18 февраля 1312 года, когда прибыл в Пьяченцу для переговоров о сдаче города гвельфам. После убийства его брата Гульельмо 16 марта 1312 года в Сончино он попытался захватить власть в Кремоне, но столкнулся с сопротивлением гвельфского лидера Понцино Понцони, который 28 марта того же года устроил на него покушение. Благодаря вмешательству Джиберто да Корреджо, опасавшегося усиления Висконти, Кавалькабо был провозглашён правителем Кремоны на пять лет. За это время он укрепил свою власть среди гвельфов. 20 июля 1313 года флорентийские приоры призвали его прекратить репрессии после убийства кремонца Понцино де' Пиченарди (Ponzino de' Pisenardi), капитана народа Сиены, его сына, племянника и судьи. После смерти императора Генриха VII Кавалькабо возглавил гвельфскую партию и отстранил Корреджо от власти. 2 октября 1313 года добился амнистии для гибеллинов в обмен на передачу Кремоне крепости Робекко. Однако 2 октября 1315 года гибеллины во главе с Бонакольси и Скалигерами захватили Виадану, после чего Кавалькабо бежал в Кремону, где был провозглашён синьором. В январе 1316 года он осадил Брешию, изгнал гибеллинов и Скалигеров, но затем утратил поддержку и в августе 1316 года уступил Кремону Понцони, который действовал при поддержке Висконти. В мае 1317 года при помощи Флоренции и брешианских гвельфов он вновь овладел Кремоной, но вскоре его противники вновь заручились поддержкой Висконти, и в 1318 году он снова потерял власть. В 1319 году, получив поддержку Болоньи, он присоединился к армии гвельфов под командованием Корреджо, в ноябре взял Брешию, а 23 ноября вернулся в Кремону, вновь изгнав гибеллинов. В 1320 году удерживал власть, опираясь на войска кардинала Бертрана дю Пуже. Однако в сентябре 1321 года Висконти возобновили наступление и отправили флот по реке По к Кремоне. В ноябре Джакомо предпринял контр наступление, но 29 ноября 1321 года во время небольшого сражения в Барди был убит. Его сыновья Кавалькабо, Марсилио, Гульельмо и Губерто не смогли удержать власть, и в январе 1322 года Кремона сдалась Галеаццо Висконти, а оставшиеся в живых члены рода Кавалькабо отступили в Виадану.

город. Однако городские стены были хорошо охраняемы и завязалась кровавая схватка. Городской милиции не смотря на периодические отступления, удалось оттеснить Кангранде и его людей к крепостным рвам. Как пишет Ханс Шпангенберг, в своей работе «Cangrande I. della Scala» (1892), немецкие наёмники на службе у Вероны сражались с поразительным мужеством, считая честью умереть героической смертью на глазах у своего храброго лидера. Хотя подобные слова могли показаться бальзамом на холодные тевтонские сердца, в реальности такое поведение для наёмников кажется в высшей степени безрассудным. Так или иначе, сколько бы людей из немногочисленного отряда Кангранде не пало, им наконец удалось сломить сопротивление защитников города. Когда Кангранде пообещал, что не будет чинить препятствия жителям покинуть город, те опустили подъёмные мосты, и победитель вошёл в город. Началась жестокая резня, в которой значительная часть населения, без различия пола и возраста, была безжалостно вырезана немецкими наёмниками. Шпангенберг считает, что Кангранде и не отдавал такого приказа, но и не воспрепятствовал этой кровавой расправе. Карло Чиучовино считает, что, наоборот, такой приказ был отдан Кангранде¹¹¹. Вскоре город был подожжён, и отряд отступил к Пьядене. Осада заметно ослабила гарнизон города, а ужасная судьба Кальватоне подорвала его решимость к дальнейшему сопротивлению. Тринкино и Брегоньоне решили капитулировать, надеясь милость победителя. Двойной успех обеспечил гибеллинам контроль над путями снабжения Кремоны по реке Ольо. Направившись на юг, к По, Пассерино и Кангранде добились капитуляции замка Казальмаджоре и в начале июля вернулись в Мантую.

В июне 1316 года войска Кангранде и Пассарино приблизились к Кремоне. Небольшие отряды рыскали в её пригородах, но основная часть армии Кангранде в отдалении ожидала подходящего момента для решающего штурма.

Ещё в декабре 1315 года в Кремоне сменилась власть и вместо Понцино де Понцони, который на тот момент вернулся из Падуи в родной город, подестой был назначен его давний противник Джакомо да Кавалькабо, который попытался положить конец гражданским распрям и наладить централизованное управление обороной и военными действиями. Однако положение города от этого не улучшилось. Более того, город покинули республиканцы во главе с родами Понцони и Амати (Amati). Они нашли приют в Сонцино и Кастель-Леоне, куда к ним сразу прибыли эмиссары Кангранде, которые уговорили их присоединиться к веронским войскам. С каждым днём военная мощь Кремоны таяла, а рассчитывать на помощь союзников было бессмысленно. Болонцы, отправившие в начале 1316 года подкрепления в Кремону, были разбиты 17 февраля у Сан-Микеле-ди-Моклето на территории Модены Франческо Менабуэ (Francesco Menabue), командиром моденской милиции.

В отчаянной ситуации летом 1316 года Джиберто да Корреджо, синьор Пармы, в орбиту которой плотно входила Кремона, предпринял попытку примирить стороны и побудить республиканцев вернуться в город. Однако Понцино категорически отказался и потребовал, чтобы Джакомо да Кавалькабо сложил свои полномочия. В таких обстоятельствах Джакомо, действительно, в начале июня отказавшись от управления городом, передал власть да Корреджо, которым удалось примирить враждующие стороны. Благодарный народ предоставил Джиберто власть над городом 15 июня 1316 года¹¹² в рамках вечного правления. Итальянский литератор и историк Бонавентура Анджели (ок. 1525 — после 1590)¹¹³ отнёсся к датам с боль-

¹¹¹ Ciucciovino, *La cronaca del Trecento italiano: 1311—1325*, p. 482.

¹¹² *Chronicon Parmense*, p. 145—147.

¹¹³ Бонавентура Анджели был профессором права в Ферраре (1552). Друг итальянского гуманиста, комментатора «Неистового Роланда» (итал. *Orlando furioso*) Джован Баттисты Пинья (Giovan Battista Pigna, настоящее имя Джован Баттиста Николуччи (Giovan Battista Nicolucci); 1529 — 1575) он занимал различные ответственные должности у герцога Феррары, Модены и Реджо Альфонсо II (Alfonso II d'Este; 1533 — 1597). По неясным причинам в 1576 году он был вынужден отправиться в изгнание и поселиться в Парме, где в 1591 году опубликовал известное произведение «Освобожденный Иерусалим» (*Gerusalemme*

шой долей свободы и ради драматизма указал, что Джиберто принял вечное правление 25 июля в день своего рождения, изгнания и будущей смерти¹¹⁴.

Это событие оказалось крайне важным в дальнейших военных планах Кангранде. Его войска были ослаблены и не могли противостоять объединённой мощи Кремоны и Пармы под командованием опытного и успешного Джиберто да Корреджо. После пятнадцатидневной осады Кремоны он направил свои войска на восток, чтобы разорить сельские окрестности и ослабить снабжение города в будущем. 29 июня было захвачено богатое и многолюдное Казальмаджоре, гарнизон которого возглавлял Копино да Энцола (Copino da Enzola), сын Герардо да Энцолы, а в начале июля веронская армия, нагруженная добычей, вернулась домой.

Пока Кремона, Парма и Реджо были объединены под властью Джиберто, в Брешии с помощью кремонцев была изгнана партия гибеллинов рода Маджи (Maggi). Так Корреджо создал на первый взгляд неприступный оплот власти гвельфов, который мог защитить восточную и западную части Верхней Италии и воспрепятствовать дальнейшим действиям Скалигера. Для Кангранде, которому в добавок угрожали Падуя и Тревизо, положение стало крайне опасным. В похожем положении находился и Пассерино в Мантуе. Обоим правителям было необходимо всеми силами помешать объединению соседних гвельфских городов под скипетром Джиберто. Кангранде неустанно старался сеять раздор в лагере врага, подстрекать народную партию Пармы и республиканцев Кремоны против Джиберто, а также содействовать возвращению в Брешию изгнанных гибеллинов. Кангранде готовился к длительному противостоянию, но возможность нанести врагу сокрушительный удар представилась гораздо раньше.

5 июля Джиберто да Корреджо, назначив мессера Джильоло де' Путакли (Gigliolo de' Putaccli) викарием Кремоны, вернулся в Парму. Практически реализуя поговорку «Кот из дома, мыши в пляс», которая в итальянской традиции звучит ровно также¹¹⁵ как и в русской, 9 июля кремонцы под предводительством Джакомо да Кавалькабо совершили дерзкую вылазку за городские стены. Подобно внезапному урагану, они обрушились на ничего не подозревающих изгнанников, убив восемьдесят из них. Изгнанники не остались в долгу и в ходе кровавой вендетты убили почти в два раза больше — 150 человек¹¹⁶.

Лидеры гибеллинов решили, что настала пора переходить к более активным действиям. Кангранде, Пассерино, Маттео Висконти вступили в тайный сговор с зятем самого Джиберто — Джанквилико ди Сан Витале (Gianquilico di S. Vitale)¹¹⁷ и его шурином — Роландо деи Росси (Rolando dei Rossi; ум. 1345)¹¹⁸.

liberata) (1581) Торквато Тассо (Torquato Tasso; 1544 — 1595), с которым познакомился на службе у герцога Альфонсо, с анонимными, но приписываемыми Анджели, аннотациями, а также в восьми книгах «Историю города Парма и описание реки Парма» (*La historia della città di Parma et la descrizione del fiume Parma*).

¹¹⁴ Angeli, *Parma*, p. 154—155.

¹¹⁵ Итал. «Quando non c'è il gatto i topi ballano».

¹¹⁶ Bazzano, *Chronicon Mutinense*, col. 577.

¹¹⁷ Также встречается как Джанквирико Санвитале (Gianquirico Sanvitale).

¹¹⁸ Роландо деи Росси был выходцем из знатной семьи Пармы, сыном Гульельмо деи Росси и Донеллы да Каррара (Donella da Carrara). Он, вероятно, был старшим из братьев, среди которых хроники упоминают Андреа (Андреазо), Пьетро и Марсилио. Впервые он проявил себя в июле 1314 года, когда участвовал в военных действиях в Борго-Сан-Доннино и получил ранения обеих рук. После изгнания Джиберто да Корреджо в 1316 году Роландо вместе с Санвитале укрепил свою власть в Парме, опираясь на поддержку народа. В 1322 году он изгнал семейство Санвитале и заключил мир с Корреджо. В 1325 году, при посредничестве кардинала Бертрона дю Пуже, Роландо был назначен капитаном Церкви (*capitaneus Ecclesiae*), что дало ему контроль над значительными военными силами. Как капитан он получал ежедневный доход в 30 флоринов, что позволяло ему жить «с большим почтением» (*multum honorifice*) (*Chronicon parmense*, p. 178). принесло доход в 30 флоринов в день. Он одержал несколько военных побед и начал превращать Парму в свою синьорию. Однако в 1326 году его отношения с церковью ухудшились: папский легат потребовал подчинения Пармы Святому Престолу, а затем освободил пленённого ранее Джанквирико Санвитале. В ответ Роландо в 1328 году изгнал папского представителя и заключил союз с Кангранде делла Скала. Осенью того же года он фактически стал правителем города, а в декабре выдал дочь Маддалусию (Maddalucia) замуж за Франческо, незаконнорождённого сына Кангранде. Связь между двумя семьями была настолько тесной, что Роландо провёл Рождество 1328 года при дворе Скалигеров (*Chronicon parmense*, p. 190). После смерти Кангранде в 1329 году Роландо отправился в Болонью на переговоры с папским легатом, но был арестован, возможно, из-за отказа заключить мир с Санвитале и

Тайно разожженное пламя гражданской войны вылилось 25 июля в открытое восстание. Когда сумерки окутали город, Обиццо да Энцола (Obizzo da Enzo), Роландо, Джанквилико со своими вооружёнными до зубов сторонниками, среди которых «Хроники Эсте» выделяют Паоло Альдигьери (Paolo Aldighieri) и Гульельмо де Кувриако (Guglielmo de Cuvriaco), ворвались на главную площадь¹¹⁹. Их крики «Popolo! Popolo!» (Народ! Народ!) разорвали вечернюю тишину, зажигая пламя восстания в сердце Пармы и вынуждая Джиберто покинуть город и в сопровождении сыновей бежать в Кастельнуово. Драма этого предательства обрела новые оттенки, когда Антония, дочь Джиберто и супруга Джанквилико, потрясенная вероломством мужа, способствовала рискованному бегству своего дяди Маттео. Жена Джиберто, оставшаяся в Парме, после откровенного разговора с Роландо Росси, бежала из города и присоединилась к мужу в Кастельнуово. Отсюда и из замка Гуардаzone¹²⁰, Джиберто уже в качестве изгнанника начал войну против Пармы, которая теперь объединилась с гибеллинскими властями региона: Миланом, Вероной и Мантуей.

В отчаянных поисках поддержки Джиберто отправился в Падую, затем в Болонью и, наконец, ко двору короля Роберта в Неаполь. В этом полном опасностей путешествии его сопровождал верный Герардо да Энцола¹²¹. От неаполитанского монарха изгнанник получил 800 всадников, с которыми он вернулся в Кастельнуово, чтобы вести войну в окрестностях своего бывшего города. Он был не одинок и получил поддержку от местных гвельфов — Кабрино Скорца (Cabrino Scorza) поднял знамя восстания в Туроне, а семейство де Палуде (de Palude) разожгло пламя мятежа в Рокка-Аита.

Подеста Пармы, Бартоломео Гуидазани (Bartolomeo Guidazani), сломленный бурным потоком событий, сложил с себя полномочья и удалился в Болонью. В течение ближайших четырех лет Пармой будут править старейшины. Они создали отдельный орган (магистратуру)¹²² из четырех капитанов, именуемых главами тысячи¹²³, в которую вошли лучшие представители «самых достойных семей»¹²⁴ Пармы. Каждый капитан представлял и, видимо, организовывал защиту отдельных городских ворот и районов города и предместий, примыкающих к ним. Так, Пьетро Бальдучино (Pietro Balduchino) представлял Порта Бенедетта, Антонио Альбертуччи (Antonio Albertucci) — Порта Нуова, Венанцио делла Порта (Venanzio della Porta) — Порта Парма и Ланфранко Гарумберто (Lanfranco Garumberto) — Порта Кристина¹²⁵.

В августе новый режим города избрал своим подестой маркиза Николо Малеспини (Nicolò Malespini). Но пламя раздора продолжало пылать. В этот раз в поддержку Корреджо в Туркуло поднял восстание Томмазино дель Борго (Tommasino del Borgo). Новый подеста осаждал мятежников целый месяц, пока не захватил и не сровнял крепость с землёй.

Корреджо. В Парме эта новость вызвала «*maximus dolor*», т.е. величайшую боль и сильное возмущение, а его брат Марсилио временно взял на себя управление городом. Освобождённый в 1331 году, Роландо заключил союз с королём Богемии Иоанном Люксембургским, получив титул графа и новые владения. Однако его положение ухудшилось из-за военного давления со стороны Скалигеров. В 1335 году Роландо попытался договориться с Миланом, а позже — с Вероной. Отношения с Мастино делла Скала вскоре испортились окончательно. В 1336 году он был вынужден бежать в Венецию, где принял участие в войне против Вероны. В 1337 году после смерти братьев Пьетро и Марсилио он возглавил венецианские войска. В июле Роландо возглавил флорентийские войска при осаде Лукки, которую защищал Аццо да Корреджо. После смерти братьев Пьетро и Марсилио в 1337 году он был призван командовать армией, размещённой в Венето. В 1339 году, благодаря мирному соглашению, он вернул часть владений, но не смог вернуться в Парму. В качестве компенсации ему была назначена пенсия в 100 флоринов в месяц. Последние годы Роландо провёл в Падуге при дворе Убертино да Каррары, где и умер в мае 1345 года. Он был похоронен рядом с родственниками. Его сыновья, Бертрандо и Джакомо, продолжили дело отца, сосредоточившись на создании небольшой локальной синьории.

¹¹⁹ Anonimo. *Chronicon Estense*, col. 379.

¹²⁰ Итал. Guardasone, что в переводе с итальянского означает «высматривать», «наблюдательный пункт».

¹²¹ Affò, *Storia Della Città Di Parma*, p. 210.

¹²² Итал. la magistratura.

¹²³ Итал. capi di mille.

¹²⁴ Итал. «e delle più degne famiglie».

¹²⁵ Cornazzani, *Historia Parmensis*, col. 733.

Новый подеста Пармы, влиятельный и многоопытный миланец Симоне Кривелли (Simone Crivelli; ок. 1260 — 1323)¹²⁶ провёл одну из самых масштабных реформ городской системы управления. По его замыслу, Генеральный совет стал состоять из 500 человек, количество старейшин было сокращено вдвое с 16 до 8, представителей гильдий¹²⁷ с 13 до 5. Его реформа была направлена на упрощение управления государственными делами и свидетельствовала о растущем влиянии магнатов. 3 ноября учреждена новая должность — *il sindaco* или мэра с весьма расширенным объёмом полномочий. Данную должность мог занимать только гражданин другого города, и он должен был контролировать работу судей, адвокатов и командиров милиции. Первым, кто занял эту должность в марте 1318 года, был Франческо дельи Альмериджи (Francesco degli Almerigi), судья города Пезаро в Марке. В ноябре 1318 года в Парму прибывает молодой «капитан воинов и солдат»¹²⁸ могущественного Кангранде¹²⁹, которому в будущем будет суждено приобрести великую славу — Пьетро (также Пьеро) даль Верме (Pietro (Piero) dal Verme; ок. 1290 — 1357)¹³⁰. В Парме он займёт должность капитана народа и обозначит полный переход города под власть лидеров гибеллинов и Кангранде, в частности.

Кремона в августе 1316 года заключила мир с Вероной, Мантуей и Миланом, который предоставил изгнанным гибеллинам право на возвращение в город. Город вернулся к республиканской форме правления и стал одним из главных защитников дела гибеллинов.

Что касается Джиберто да Корреджо, то он продолжил борьбу и сложил оружие только в 1317 году, смирившись с тяжёлым для него фактом — полной потерей власти в Парме. Парму он больше никогда не видел.

¹²⁶ Симоне Кривелли, предположительно родившийся в Милане около 1260 года, происходил из богатой и влиятельной семьи. Получивший юридическое образование, он впервые упоминается в документах 5 мая 1283 года в Сан-Миниато как нотариус, судья и писец в канцелярии викария короля Рудольфа I Габсбурга (нем. Rudolf I. von Habsburg; 1218 — 1291). После смерти Рудольфа он вернулся в Милан и поступил на службу к Маттео Висконти и его сыновьям, с которыми его связывали дружеские и деловые отношения. Семья Кривелли оказала финансовую поддержку архиепископу Оттоне Висконти в борьбе с родом делла Торре, что обеспечило их политическое влияние. В начале XIV века, после временной победы делла Торре, Кривелли, вероятно, был вынужден покинуть Милан. Вернувшись в 1311 году, он, возможно, присутствовал на коронации императора Генриха VII, а в апреле того же года предоставил 33 золотых флорина на политические нужды архиепископа Трира Бальдуино (Baldovino), сопровождавшего императора. В этот период его связи с Маттео Висконти укрепились, особенно после получения последним в июле 1311 года титула имперского викария. Семья Кривелли внесла значительный вклад в победу ломбардских гибеллинов над гвельфами в битве при Сончино в марте 1312 года. В начале 1313 года Кривелли был назначен подестой города Новара, а в октябре 1314 года участвовал в военной кампании против гвельфов в области Ломеллина. В 1317 году он возглавил войска Милана, направленные на помощь гибеллинам Пармы, и 11 сентября заключил соглашение с гвельфским лидером Гиберто да Корреджо. Впоследствии он был избран капитаном войск Пармы, а затем назначен подестой города. В ноябре того же года под его руководством была проведена монетная реформа, приведшая к обесцениванию местной валюты, что сыграло на руку правящей партии. В декабре 1317 года он организовал установку новой городской колокольни, а в начале 1318 года утвердил регламент её использования. В марте того же года он инициировал гидротехнические работы для защиты территории Пармы от наводнений. После завершения срока полномочий 31 марта 1318 года Кривелли покинул должность подесты, однако сохранил прочные связи с домом Висконти вплоть до 1322 года. В этом году папский легат Бертран дю Пуже активизировал борьбу против гибеллинов, что привело к захвату Пьяченцы 9 октября. Кривелли организовал отступление гибеллинских войск и обеспечил безопасную эвакуацию семьи Галеаццо Висконти, включая его жену Беатриче (Beatrice d'Este) и сына Аццоне. Однако вскоре он примкнул к заговору против Галеаццо, который возглавили Лодризио Висконти и Франческо да Гарбаньяте (Francesco da Garbagnate). В результате переворота 8 ноября 1322 года Галеаццо был изгнан из Милана, но вмешательство немецких наёмников привело к его возвращению. Кривелли и его союзники бежали в лагерь папского легата под Пьяченцей, где присоединились к армии гвельфов. Симоне был убит Марко Висконти 23 февраля 1323 года и похоронен в приходской церкви в Нервиано. Впоследствии, согласно свидетельству хрониста фра Гальвано Фьяммы, его останки были перенесены в Милан и перезахоронены в церкви Сан-Эусторджо.

¹²⁷ Итал. *rappresentanti delle Arti*.

¹²⁸ Итал. «*capitano di militi e soldati*».

¹²⁹ Gazata, *Chronicon regiense*, col. 29; *Rerum Bononiensis*, col. 330; Cornazzani, *Historia Parmensis*, col. 733.

¹³⁰ Пьетро даль Верме — итальянский политик и военачальник, основатель влиятельной гибеллинской семьи даль Верме.

VI

В конце лета 1316 года Кангранде покинул территорию Пармы и вернулся с войсками в Верону. Его взор был вновь обращён на Тревизо. Мир между Вероной и Падуей, установленный после катастрофы у Сан-Пьетро в сентябре 1314 года, оставался формально в силе, однако обе республики продолжали ожидать взаимных нападений и не доверяли друг другу. Ещё зимой 1314 — 1315 года военные приготовления Кангранде вызвали подозрения соседних республик.

Падуе начала судорожно укреплять свои крепости и усиливать гарнизоны. Были предприняты и различные финансовые меры, которые бы позволили повысить общее благосостояния республики: предоставлялись денежные субсидии, даровались привилегии, отменялись налоги и другие необязательные сборы. В Тревизо формировали новые отряды ополчения, увеличили численность гарнизонов крепостей, в особенности укрепив Конельяно. В апреле 1315 года был обновлён союзный договор между Падуей и Тревизо. Однако все эти меры безопасности не смогли развеять страхи перед могучим соседом. Совет Тревизо постановил отправить послов в Верону, чтобы Кангранде открыто объяснил, против кого направлены его приготовления и не планирует ли он выступить против Тревизо.

Опасения были вполне оправданы. Тревизо, расположенное среди владений Гуэчеллоне VII да Камино и Генриха Горицкого, а также территорий, принадлежащих Виченце и Вероне, было окружено врагами. Вероятно, Скалигер уже тогда бы захватил часть земель Тревизо, если бы представилась подходящая возможность отторгнуть её территорию, которая всё больше склонялась к союзу с Падуей. Прежде всего, ему было важно изолировать вражеские города и, по возможности, разбить их поодиночке, что требовало предельной осторожности. Кангранде поддерживал постоянные связи с внутренней оппозицией в землях противника. 23 июля 1315 года он собрал войска в Виченце и нашёл без труда сторонников в Падуе. Он планировал с их помощью получить город без осады и кровопролития. Однако, заговор был раскрыт, а планы Скалигера сорваны. Заговорщики были арестованы и приговорены к смерти. Вскоре в Тревизо перехватили письмо Генриха Горицкого, в котором тот призывал Кангранде вторгнуться на территорию Тревизо. Интересы графа стали очевидны: в Фриуле вспыхнули народные волнения, требовавшие всех ресурсов его владений, и ему было выгодно отвлечь внимание Тревизо на войну с Вероной. Совет Тревизо постановил отправить послов к графу Горицкому и Кангранде с требованием объяснений по поводу вышеупомянутых сведений.

К сожалению, планы и намерения Скалигера известны нам лишь из предвзятых записей советов Тревизо и Падуи, и исторические источники предоставляют лишь скудные сведения о данном событии. Тем не менее, можно констатировать, что переговоры, по-видимому, привели к обоюдно выгодному результату. Главное — мир в марке Тревизо не был нарушен, что позволило Кангранде заняться другими делами, о которых я писал выше.

Итак, в конце лета 1316 года Скалигер вернулся в Верону для более длительного пребывания и укрепления союзных связей с Гуэчеллоне да Камино, что в дальнейшем оказалось весьма значимым.

В июне 1316 года Гуэчеллоне да Камино захватил власть в Фельтре и Беллуно, несмотря на возражения и угрозы со стороны Тревизо, и взял на себя управление этими землями, ранее находившимися под юрисдикцией епископа Фельтре. Значительная поддержка среди знати и богатство семьи позволяли этому энергичному и волевому человеку играть важную роль в марке Тревизо. Кангранде вступил с ним и Генрихом Горицким в дипломатические переговоры.

В октябре 1316 года Кангранде объявил о проведении турнира в Виченце и направил приглашения в том числе Генриху Горицкому и Гуэчеллоне. Граф Генрих явился с 200 рыца-

рями, а Гуэчеллоне прибыл в сопровождении многочисленных представителей знати из Фельтре и Беллуно. Тревизо, неохотно, предоставило разрешение на свободный проезд по своим землям. Можно не сомневаться, что рыцарский турнир лишь служит прикрытием для личной встречи трёх региональных лидеров в Виченце.

Вновь, точные темы обсуждений нам неизвестны из-за нехватки источников. Возможно, речь шла о войне с Падуей и Тревизо или о возобновлении союза между тремя правителями. Однако известно, что обсуждался брачный союз между домами делла Скала и да Камино: племянница Кангранде, Верде (Verde della Scala), дочь покойного Альбоино делла Скала, должна была выйти замуж за единственного сына Гуэчеллоне, Риццардо. И, действительно, свадьба состоялась 23 декабря в Фельтре¹³¹, и приглашения были разосланы в том числе и в Тревизо. Совет Тревизо был не очень уверен, что после свадьбы свет регионального рыцарства под командованием нового династического союза не оправится прямо к стенам их города. В результате, они не только отказались от приглашения, но и официально запретили всем своим подданным посещать это событие. Вместо этого они начали масштабные приготовления к обороне: укрепили Брайдо и Азоло, ещё больше усилили гарнизон Конельяно, а также укрепили защитные рвы и стены Тревизо.

Тревога среди населения города только возросла, когда граф Рамбальдо да Коллальто, направленный с 500 пехотинцами для защиты Конельяно, сообщил, что отряды Кангранде были замечены в районе Серравалле. Хотя этот город, расположенный севернее Конельяно, труднодоступен для веронских войск, можно предположить, что под предлогом участия в свадебных торжествах в Фельтре туда могли прибыть конные наёмники. Пришлось укреплять стены и гарнизон ещё и Серравалле.

В декабре 1316 года представители Падуи и Тревизо встретились в Читтаделле, чтобы обновить договор о взаимной обороне. Падуя должна была содержать постоянную армию из 800 рыцарей и 8000 пехотинцев, а Тревизо — 400 рыцарей и 4000 пехотинцев. Обе стороны были готовы к войне и хорошо вооружены, однако зимний сезон помешал началу военных действий.

Надо сказать, что ещё в конце лета — 7 августа 1316 года — итальянские гвельфы получили неоценимого союзника после избрания папы Иоанна XXII¹³² (лат. *Ioannes PP. XXII*, в миру: Жак-Арно Дюэз (*Jacques-Arnaud Duèze*) или д'Эз (*d'Euse*); ок. 1244 — 1334, понтификат: 1316 — 1334). Он был вторым авиньонским папой (после Клементя V) и с самым длительным сроком правления¹³³, избранным конклавом из 23 кардиналов, который созвал в Лионе Филипп, граф Пуатье, будущий король Франции и Наварры Филипп V, прозванный «Высоким» (фр. *Philippe V «le Long»*; 1293 — 1322, годы правления: 1316 — 1322). На протяжении своего правления Иоанн стремился утвердить старые притязания курии на власть над империей. В тесном союзе с Робертом Неаполитанским, отцу которого — Карлу II «Хромому» Анжуйскому — он был обязан епископством в епархии Фрежюс-Тулон (1303), королевским канцлерством (1309) и назначением епископом Авиньона (1310), Иоанн начал борьбу с противниками. Вскоре он добился значительного влияния в гвельфских городах. В январе 1317 года он отправил послов в Верону, Падую и Тревизо с призывом к миру и единству, намекая на своё право на верховную светскую власть, которое, по его мнению, переходило к нему во время вакуума, так как борьба за королевский престол Германии с прицелом на всю Священную Римскую империю, между Людовиком IV Баварским (нем. *Ludwig der Bayer*; 1282—1347) из дома Виттельсбахов и его двоюродным братом Фридрихом Красивым Габсбургом (нем. *Friedrich III der Schöne*; 1289—1330) находилась в самом разгаре.

¹³¹ Cortusio, *Historia de novitatibus Paduae et Lombardia*, col. 797—798.

¹³² Урожденный Жак-Арно Дюэз (*Jacques-Arnaud Duèze*) или д'Эз (*d'Euse*).

¹³³ 18 лет и 119 дней.

Так как Фридрих и Людвиг ещё ни раз будут упоминаться на страницах этой книги, думаю, стоит ответить сразу на вопрос как в Германии появилось два короля?

После смерти императора Генриха VII в августе 1313 года в результате тяжелого приступа малярии возник вопрос о его преемнике. Среди наиболее вероятных кандидатов, учитывая их родовые владения и принадлежность к королевской семье, рассматривались кандидатуры Фридриха Красивого и Иоганна (нем. Johann von Luxemburg, von Böhmen; 1296—1346), сына Генриха VII, который с 1310 года уже был королем Богемии. Однако Иоганн вскоре отказался от притязаний на престол, уступив в пользу Людвигу IV Баварского, которого поддерживали архиепископы Трирский Балдуин (нем. Balduin von Luxemburg, 1285—1354), Майнцкий Петер фон Аспельт (нем. Peter von Aspelt; ок. 1240—1320). Людвиг располагал лишь сравнительно небольшой властной базой, поскольку ему приходилось делить пфальцграфство Рейнское и герцогство Верхняя Бавария со своим старшим братом Рудольфом в качестве соправителя, благодаря своей победе при Гаммельсдорфе он приобрёл славу во всей империи и таким образом попал в поле зрения курфюрстов. Для люксембургской фракции под руководством архиепископа Трирского Людвиг был идеальным кандидатом именно из-за его незначительных родовых владений, поскольку он не мог угрожать положению курфюрстов, но имел амбиции противостоять Габсбургам.

Весной 1314 года Фридрих смог заручиться поддержкой трех курфюрстов — пфальцграфа Рейнский и герцог Баварский Рудольф (нем. Rudolf von der Pfalz; 1274 — 1319), марки графа Бранденбургский Вальдемар (нем. Waldemar von Brandenburg; ок. 1280 — 1319) и архиепископа Кёльнский Генрих II (нем. Heinrich II von Virneburg; ок. 1244/46 — 1332). Для укрепления этого союза его младший брат Генрих женился на племяннице кельнского архиепископа. В то же время сторонники Людвигу IV смогли привлечь на свою сторону пять курфюрстов, включая, перешедшего на его сторону, Вальдемара Бранденбургского.

Оба кандидата на трон отправились во Франкфурт-на-Майне, традиционное место выборов. Однако горожане отказали обоим лагерям в доступе. 19 октября 1314 года Фридрих был провозглашен королем в Заксенхаузене на левом берегу Майна герцогом Генрихом Каринтийским, пфальцграфом Рудольфом Рейнским (нем. Rudolf bei Rhein; 1274—1319) и герцогом Рудольфом Саксен-Виттенбургским (нем. Rudolf von Sachsen-Wittenberg; 1284—1356). Днем позже Людвиг (нем. Ludwig von Bayern; 1282—1347) был избран на правом берегу Майна архиепископами Трира и Майнца, королем Иоганном Богемским, маркиграфом Вальдемаром Бранденбургским и герцогом Иоганном II Саксен-Лауэнбургским (нем. Johann II. von Sachsen-Lauenburg; 1275—1322). Таким образом, большинство курфюрстов было на стороне Людвигу. 25 ноября 1314 года Фридрих был коронован как римско-немецкий король в Боннском соборе традиционным «коронатором», архиепископом Генрихом фон Вирнебургом, в то время как коронация Людвигу состоялась в тот же день в Ахене, традиционном месте коронации, и была проведена майнцким архиепископом. Согласно документам, оба короля считали день коронации конститутивным событием своего восшествия на престол. Фридрих располагал имперскими регалиями и имел на своей стороне архиепископа Кёльнского. Важным было не столько использование регалий при королевской коронации, сколько власть распоряжаться ими, что указывало на Фридриха как на законного короля. Людвиг, со своей стороны, распорядился изготовить копии регалий.

Однако Фридрих был коронован вопреки обычаю в Бонне, а не в традиционном для этого месте — Ахене. Горожане Ахена воспрепятствовали его входу в пределы города. Это было прежде всего следствием региональной расстановки сил, конфликта между родами рейнских графов и кёльнским архиепископом Генрихом. Также в Кёльне архиепископу приходилось считаться с сопротивлением горожан. С 1314 года он находился преимущественно в Бонне и Годесбурге.

Противостояние между двумя королями длилось до 28 сентября 1322 года, когда после поражения Фридриха в битве при Мюльдорфе он попал в плен к Людвигу IV. Однако в 1326 году стороны пришли к соглашению: Фридрих признал Людвига законным королем, а взамен получил право править Австрией совместно с братом Леопольдом. Это положило конец периоду двоевластия в Священной Римской империи.

Другой важный аспект, который также требует конкретизации — это использование Фридрихом и Людвигом титула императора до процедуры официальной коронации в Риме и Железной короной Лангобардов¹³⁴ в Монсе, вблизи Милана.

Священная Римская империя, существовавшая с 962 по 1806 год, представляла собой сложное политическое образование, где император избирался курфюрстами, короновался королем Германии в Ахене, а затем, как правило, короновался императором Папой в Риме, что символизировало союз светской и духовной власти. Коронация Железной короной в Милане утверждала власть над итальянскими землями как короля Италии, что также было важным этапом для многих императоров. Однако в периоды конфликтов с папством эти традиции часто нарушались, что и произошло в случае с Людвигом и, частично, с Фридрихом.

Как отмечалось выше, Фридрих Красивый был избран частью курфюрстов-выборщиков в 1314 году и коронован королём в том же году. Тем не менее, он никогда не был коронован императором, ввиду дальнейшего развития событий в их противостоянии. Исторические записи, такие как его официальные документы и печати, указывают, что он использовал титул «король римлян» (*Rex Romanorum*), но не «император» (*Imperator*). Нет убедительных доказательств, что Фридрих когда-либо называл себя императором, что соответствует его статусу короля без императорской коронации.

Людвиг Баварский, избранный другой группой курфюрстов, тоже до 1328 года официально именовал себя королем. Как показано, например, в Заксенхаузенской апелляции 22 мая 1324 года, в которой в ереси обвинялся папа Иоанн XXII, он подписывался как «Людвик, король римлян» (*Ludovicus, Romanorum rex*). В 1327 году он был коронован королём Италии Железной короной в Милане, что сделало его королем Италии. Только 17 января 1328 года он был коронован императором в Риме представителями римского народа, а не Папой, что стало необычным актом в условиях конфликта с Папой Иоанном XXII, который отлучил его от церкви.

Вопрос о том, использовал ли Людвиг титул императора до 1328 года, требует уточнения. Некоторые источники предполагают, что в контексте конфликта с Папой он мог в неофициальных или пропагандистских материалах ссылаться на себя как на императора, основываясь на избрании курфюрстами и идее, что императорская власть исходит от народа, а не от Папы. Однако в официальных документах, таких как печати и дипломатическая переписка до 1328 года, он использовал титул короля. Например, в 1325 году в письмах Папе он подписывался как «Людвик, король римлян, всегда августейший» (*Ludovicus, Romanorum rex semper augusta*), что было стандартным титулом для короля, ожидающего императорской коронации. После

¹³⁴ По легенде, корона получила свое название от железного гвоздя из креста, на котором был распят Иисус Христос. Гвоздь был вмонтирован в неё в виде внутреннего металлического обруча. Однако, как показали исследования, внутренний обруч короны сделан из серебра, что заставляет полагать, что металлический компонент был утрачен. Согласно традиции, император Константин Великий (лат. *Flavius Valerius Aurelius Constantinus*; 272 — 337) получил святой гвоздь от своей матери Елены, которая утверждала, что обнаружила крест во время финансируемых ею раскопок в 325 году. В Ломбардии гвоздь появляется благодаря подарку папы Григория лангобардской принцессе Теодолинде (*Teodolinda* или *Teodelinda*; ок. 570 — 627), которая велела изготовить из него корону для коронации своего супруга Агилульфа (*Agilulfo*; ум. 616) в 593 году. Химический анализ 1993 года выявил два последовательных периода создания отдельных компонентов короны — около 450/500 года и после 800 года, что отчасти подтверждает то, что корона была выкована во времена лангобардов. Однако недавние исследования доказали, что лангобардские короли не проходили процедуру коронации. Корону на этой церемонии, которая обычно проходила в королевском дворце в Павии, заменяло вручаемое под аплодисменты копьё. Сегодня корона находится в сокровищнице собора Монцы в алтарной скинии капеллы Теодолинды (*Cappella di Teodolinda*) на севере Италии.

1328 года, после коронации в Риме, он начал использовать титул «император» (*Imperator*), что подтверждается его официальными документами и печатями.

Всё это, однако, не исключало того, что городские хроники нередко величали императорами обоих королей, что, вероятно, определялось в чью политическую орбиту входил тот или иной город. Для амбициозных правителей, подобных Кангранде делла Скала и Матео Висконти, первостепенное значение имело получение или переназначение императорского викариата, даже до соблюдения всех формальностей претендентами на имперский трон. Императорский викариат являлся не просто почётным титулом или назначением, а представлял собой комплекс конкретных привилегий на определённой территории. Добиваться подобного статуса было чрезвычайно выгодно как с политической, так и с экономической точки зрения, ради чего закрыть глаза на формальные аспекты королевской и императорской власти оказывалось не только целесообразным, но и дальновидным шагом.

Интересно отметить, что в более поздние периоды, начиная, пожалуй, с Максимилиана I (нем. Maximilian I; 1459 — 1519) в 1508 году, императоры начали использовать титул «избранный римский император» (*electus Romanorum Imperator*) без коронации в Риме, с одобрения Папы, но это было значительно позже, в XVI веке, и не относится к периоду, рассматриваемому в этой работе.

Но вернёмся в начало событий. Папа Климент V (лат. Clemens PP. V, в миру: Раймон Бертран де Го, фр. Raymond Bertrand de Got; 1264 — 1314; понтификат: 1305 — 1314) потребовал права выступить арбитром в споре двух претендентов за императорский престол, а когда ему было отказано, объявил трон вакантным. Формально со смертью Генриха VII и императорские викариаты на Апеннинах утратили силу и нуждались в подтверждении со стороны нового германского императора, чьё место теперь претендовал занять сам папа. В этой связи в мае 1314 года Климент V назначил Роберта Неаполитанского генеральным викарием всех земель, подчинённых империи, за исключением Генуи, с правом назначать подчинённых викариев. Тем не менее Кангранде, как и Маттео Висконти, продолжал пользоваться титулом викария, причём даже добился его утверждения со стороны короля Германии Фридриха III Красивого. 16 марта 1317 года Кангранде, веронский подеста Уголино да Сессо (*Ugolino da Sesso*), *гастальды*¹³⁵, старейшины города, а также совет Вероны принесли от имени коммун Вероны и Виченцы клятву верности и покорности Фридриху. Клятва была принесена в присутствии двух имперских послов, которые от имени своего господина вручили Скалигеру грамоту, подтверждающую его полномочия как имперского викария в Вероне и Виченце. Как следует из труда Гульельмо Кортуси «*Chronica de novitatibus Padue et Lombardie*»¹³⁶, Кангранде получил обещание императорской защиты, которая была ему крайне необходима в условиях нарастающей активности гвельфов.

Уже 31 марта 1317 года папа Иоанн XXII издал буллу, в которой провозгласил, что императорский трон остаётся вакантным, и управление империей должно перейти к папству, которому Бог якобы даровал права на земную и небесную власть в лице апостола Петра. Папа запретил кому-либо принимать титул имперского викария под угрозой отлучения от церкви и интердикта. С учётом этих обстоятельств можно предположить, что присяга Кангранде послужила поводом для обнародования буллы. Религиозный фанатизм и корыстные интересы обеспечили булле послушание в большинстве городов Италии, но самоуверенные лидеры гибеллинов вряд ли собирались подчиняться. Кангранде, в частности, был далеко не готов отказаться от титула имперского викария, который он носил с гордостью, или лишиться пожалованных ему имперских владений и прав. Хотя он проявлял почтение к церкви и защищал её интересы,

¹³⁵ Итал. (во мн. ч.) *gastaldi*. Гастальды должностные лица, действовавшие со времён Лангобардского королевства, существовавшего на территории Италии с 568 по 774 год.

¹³⁶ Cortusi, *Historia de novitatibus Paduae et Lombardiae*, II, 8.

где это было возможно, щедро одаряя монастыри и аббатства в своих владениях землями и привилегиями, Кангранде оставался здравомыслящим политиком и преданным правителем, который не позволял папским амбициям нарушать его заботу о благосостоянии своих подданных.

О зимних месяцах 1316 — 1317 годов мы практически ничего не знаем, но очевидно, что в Кангранде произошло какое-то сущностное изменение. Дело в том, что военные действия 1317 года носили уже совершенно иной характер, что особенно проявилось в борьбе с Падуей. Прежняя робкая сдержанность, упор на переговоры и помощь посредников, строжайшая оборона, последовательное разорение и истощение противника, отказ от защиты открытой местности уходят навсегда и перед нами предстает совсем другой Кангранде делла Скала, чертой которого является энергичное, самоуверенное наступление, агрессивные действия везде и всюду. Это было связано, в том числе, и существенными всеобъемлющими реформами от организации войск до финансов, начатыми, видимо, зимой того года. Вероятно, в это время Кангранде начал и реформы городского законодательства, о которых мы поговорим позже. Реформы привели к заметному изменению соотношения сил, и стали залогом военных и дипломатических успехов этого военного и политического деятеля.

Мы будем рассказывать про это позже, но, возможно, кратко забегаая вперёд скажем, что достаточно давнее знакомство Кангранде с Угуччоне далла Фаджиола корректирует планы Скалигера, хотя, как можно будет убедиться не существенно, и, отнюдь, не в разрез с его первоначальными замыслами. После действительно великой для каждого гибеллина победы при Монтекатини 29 августа 1315 года, Угуччоне уже не стеснялся в методах своего управления и был по достоинству включён в сонм итальянских тиранов, числу которых было суждено только увеличиваться. Он вошёл в конфликт с влиятельными кругами Пизы и сделал себя врагом как народа, так и знати. Нет, тиранией Пизу было не удивить. Вряд ли в своей тирании Угуччоне превзошёл Уголино делла Герардеска, граф Доноратико (итал. Ugolino della Gherardesca; ок. 1220 — 1289), но... он присвоил себе всю добычу от победы и выкупа пленных. В Пизе вспыхнуло восстание и 2 апреля 1316 года Угуччоне был вынужден покинуть Пизу как беглец. 23 апреля Угуччоне прибыл в Модену и поступил на службу к Пассерино, но уже в следующем году он принял приглашение Кангранде и прибыл к нему в Верону. Кангранде высоко ценил военные способности Угуччоне и знал, какое влияние предаст ему самому присутствие такого прославленного военачальника в своих рядах. Феррето пишет, что на обещания Угуччоне Кангранде не скупился. Не исключено, что он пообещал ему помочь вернуть Пизу. Так или иначе, весной 1317 года Угуччоне уже участвовал в экспедиции против Брешии, которую организовал Скалигер.

Отношения между гибеллинами этого города и Вероной стали особенно тесными с лета 1313 года. После смерти Генриха VII изгнанные гвельфы Брешии заключили союз с единомышленниками из Кремоны и других городов, осуществили такую жёсткую военную кампанию против родного города, что в октябре 1313 года, после заключённого соглашения, им было разрешено вернуться в город при условии, что они будут соблюдать мир. Однако, данное соглашение длилось всего лишь до следующего года, когда жители города передали власть над городом Кангранде. Он был назначен синьором Брешии. Это был почётный титул, не имевший за собой никакой реальной власти. Сам Кангранде никогда не именовал себя синьором этого города. Более того, в нескончаемой борьбе между фракциями теперь победили гвельфы и настало время уже гибеллинам бежать из города. Скалигер взял их под свою защиту и пообещал вернуть в город. Город их не ждал, так как гибеллины во главе Федерико деи Маджи (Federico dei Maggi), епископом Брешии, в буквальном смысле залили город кровью. Двое видных горожан, Перчивалле де Масперони (Percivalle de' Masperoni) и его родственник Спероне (Sperone), были жестоко убиты, а их имущество разграблено. Хроники упоминают и ещё один акт убий-

ства — на улице семьи Бони был заколот мечами гвельф, имя которого, впрочем, зафиксировано не было, но отмечается его добрая репутация.

Видимо, уже в 1315 году Кангранде вёл военные действия против Брешии, и город, в свою очередь, отвечал на набеги и грабежи веронских войск. 18 сентября 1315 года Кангранде направил городу письмо, в котором потребовал незамедлительно выплатить 6000 золотых флоринов, давно причитавшихся ему. Поскольку горожане отказались, а Скалигер настаивал, чтобы гибеллины на совете решили изгнать гвельфов из города. Кроме того, он требовал, чтоб гвельфы города, в свою очередь, прекратили набеги на веронские земли в Ронколеве и возмещения ущерба. В этих условиях Коррадо де» Фальконьери (Corrado de' Falconeri), глава гвельфской партии и оптиматов Брешии отправил к Кангранде для обсуждения спорных вопросов двух опытных правоведов Имбертино да Кальчария (Imbertino da Calcaria) и Джакомо Аввокато (Giacomo Avvocato)¹³⁷. В это время при дворе Кангранде находились сторонники Федерико деи Маджи. Они пытались склонить Кангранде перейти к более активным действиям в поддержку притесняемых остатков гибеллинов города. Посланники де» Фальконьери сразу раскрыли из замысел и поспешили обратно в Брешию, что предупредить об угрожающей опасности. Коррадо давно подозревал, что частые встречи между Кангранде и Пассерино — это часть подготовки каких-то действий против Брешии. В результате, представители ведущих гвельфских семей города — Коррадо Фальконьери, Риккардо Угони (Riccardo Ugoni), Гульельмо Брузати (Guglielmo Brusati) и Убертино делла Сала (Ubertino della Sala) — заключили соглашение с Джакомо да Кавалькабо, правителем Кремоны, который в сопровождении Симоне делла Торре (Simone della Torre) и во главе нескольких тысяч вооружённых людей в ночь на 1 февраля вошёл в Брешию через ворота Сан-Джованни, благодаря предательству подесты Маркиджано, подкупленного за 4000 флоринов. Впрочем, хроника *Rerum Bononiensis* (События Болоньи) считает, что сумма была более существенной — 14000 флоринов¹³⁸. Одновременно гвельфские колонны атаковали ворота Торрелунга. Гибеллины укрепились на площади, и столкновения продолжались всю ночь. На рассвете следующего дня гвельфы с кличем «Смерть Маджи!» предприняли мощный штурм окружённых со всех сторон укреплений гибеллинов. Те, будучи подавлены численным превосходством противника, всё-таки смогли прорваться к воротам Сан-Наццарио и бежать из города, укрепившись в последующем в близлежащих замках. Понятно, что ряды войск Кангранде значительно пополнились изгнанниками-гибеллинами. Тем не менее, многие гибеллины из партии Маджи были схвачены; среди них Бартоло Маджи (Bartolo Maggi)¹³⁹, отец епископа, Бальдовино Угони (Baldovino Ugoni), Энрикетто Тангетини (Enrichetto Tangetini), Манфредо Кицола (Manfredo Chizola) и Коррадино Конфалоньери (Corradino Confalonieri). Многие были убиты в своих домах. Только к концу утра волнения утихли, резня прекратилась, и Брешией стало править гвельфское правительство¹⁴⁰.

В 1317 году Кангранде, поддавшись настойчивым уговорам изгнанников из рода Маджи, решился на дерзкий шаг — покорить Брешию или, по меньшей мере, утвердить в ней власть своих союзников. Собрав под своими знамёнами изгнанных гибеллинов, род Маджи и их сторонников, он развернул масштабное военное наступление против города. Кангранде разбил лагерь под Брешией и, опираясь на союзников, пытался силой добиться сдачи города. Из военного лагеря, где витал дух грядущей победы, он направил надменное послание «Благородным людям, господину подесте, аббату, старейшинам, мудрецам, совету и коммуне Брешии»¹⁴¹. В

¹³⁷ Буквально Джакомо Адвокат или Джакомо Юрист.

¹³⁸ *Rerum Bononiensis*, col. 330.

¹³⁹ По другой версии, он погиб в бою.

¹⁴⁰ Mussato, *De gestis italicorum*, Lib.VII, Rubr. 21.

¹⁴¹ Итал. «Ai nobiluomini, a messer podestà, all'Abate, agli Anziani, ai Sapienti, al Consiglio e al Comune di Brescia».

этом письме, пропитанном воинственной решимостью, говорилось о божественном благословении на грядущее возмездие за все обиды, нанесённые брешиянцами веронцам в Ронкаре, Сирмионе и недавних столкновениях. Это не было обычным ультиматумом — каждая строка дышала презрительным вызовом. Уверенность Кангранде подкреплялась не только собственной мощью, но и обещанной поддержкой Висконти, который вскоре прислал двести отборных всадников.

Изгнанники, объединившись с миланскими отрядами, обрушились на крепость Кремеццано близ замка Минербио. Судьба защитников была трагичной — победители, охваченные яростью, не щадили ни женщин, ни стариков, ни детей. Тех немногих, кто избежал смерти, увели в цепях, а сама крепость превратилась в пылающий костёр. Волна завоеваний покатилась дальше: пал замок Гаидо (предположительно, Геди), чьи защитники предпочли капитуляцию, за ним — крепость Лено.

Спустя несколько дней сам Кангранде повёл свои войска против гвельфов в долине реки Рипария¹⁴², развязав тотальную войну против Брешии на всех фронтах. Его армия усилилась мантуанскими отрядами под началом подесты мессера Торелло Торелли (Torello Torelli). Объединённое гибеллинское войско захватило Кастильоне, где защитники были безжалостно истреблены, а крепость разграблена и предана огню. Весть о такой жестокости достигла Монтекьяро раньше самой армии, и город, трепеща перед участием непокорных, сдался без боя. Милосердие победителей проявилось лишь в том, что защитникам позволили уйти с тем немногим, что они могли унести на своих плечах.

К середине мая 1317 года гибеллины, достигнув предместий Брешии, развернули настоящую войну на истощение. После нескольких ожесточённых стычек они методично превращали процветающие контадо в пустыню: виноградники вырывались с корнем, фруктовые сады падали под топорами, а поля вытаптывались.

В этой безжалостной кампании проявился блестящий стратегический замысел Скалигера: зажать Брешию между молотом и наковальней гор. С запада город сковывали силы Висконти, с востока давили веронцы. План Кангранде был прост и дерзок — захватить все замки, контролирующие пути из Брешии в долину По, превратив некогда гордый город в осаждённый остров между озёрами и горами, большинство которых уже находилось в руках правителей-гибеллинов.

Тем не менее, решительные действия Кангранде быстрого успеха не принесли. Более того, спустя несколько дней Скалигер вынужден был снять осаду, так как получил сведения о приближении к Виченце войск Падуи численностью 4000 всадников, и 1500 пехотинцев. Ситуацию усугубляло то, что во главе этих сил стоял граф Винчигуэрра, лидер веронских гвельфов, чья семья была изгнана ещё Мастино делла Скала. Руководствуясь как стратегическими соображениями, так и династической честью, Кангранде немедленно передал командование операцией против Брешии местным гибеллинам и направился к Виченце в сопровождении Угуччоне.

Впрочем, согласно Хансу Шпангенбергу, который основывается в описании событий на хрониках Кортузи и Муссато, похоже, известие о начале кампании со стороны Падуи застаёт его при осаде крепости Лонато. Крепость устояла благодаря своему расположению на холме и будучи хорошо укреплённой. По Шпангенбергу, Кангранде даже вызвал из Вероны и Виченцы 1000 пехотинцев и дополнительные осадные машины, что является несколько безрассудным шагом. Всё это говорит о том, что или источники путают даты и последовательность событий, или Кангранде чрезмерно уверен в себе и своих силах. И возможно он имел на это некоторые основания.

¹⁴² Сейчас Дора-Рипария (итал. *Dora Riparia*) — река в Италии и Франции. Левый приток реки По.

Вообще, открытое столкновение между Падуей и Виченцей (читай, Вероной) затрагивала не только локальные интересы внутри марки Тревизо, но и отчасти решала крупные политические вопросы того периода. Весь Апеннинский полуостров с напряженным вниманием взирал события на северо-востоке империи. Гвельфы были в ужасе от, казалось бы, неутомимой активности Скалигера. Это объясняло, что Падуя не испытывала дефицита в средствах и вспомогательных войсках в военных действиях против Вероны. Особенно активен был Джиберто да Корреджо, который лишился власти в Парме и скитался с группами изгнанников от одного гвельфского города к другому.

Джиберто удалось убедить Кавалькабо вторгнуться 16 мая 1317 года с вооружённым отрядом в Кремону. Тогда из города был выгнан Понцино де Понцони и его сторонники. Оставшиеся гибеллины были убиты. Болонью и Феррару он пытался натравить на Модену и, соответственно, Пассерино. За кампанией Падуи против Виченцы стоял тоже Джиберто да Корреджо. И момент был выбран действительно благоприятный, так как, как отмечалось выше, в это время Кангранде был в районе Брешии.

В то время в Виченце существовало немало сил, готовых сделать всё чтобы вырвать город из круга гибеллинских интересов Скалигера. К ним принадлежали Альберто де Изза (Alberto de Yzza), Бартоломео де Диджито (Bartolomeo de Digito), Антонио Сальвагинато (Antonio Salvaginato), Андреа да Лиазарио (Andrea da Liazario), Бенвенуто Беллини (Benvenuto Bellini), Бонаventura Раваньяни (Bonaventura Ravagnani)¹⁴³, которые через посредничество Маккаруффо Макаруффи, были привлечены на сторону Падуи. Через щедрые денежные подношения и обещания Падуи удалось привлечь к заговору достаточно большое число сторонников за стенами Виченцы и, как предполагалось, утром 22 мая 1317 года её ворота должны были быть открыты и туда должны были войти войска графа Винчигуэрра и мессером Пискарезе де Дельфини ди Пескьера (Piscareso de' Delfini di Peschiera). Под их руководством находились изгнанные гвельфы из Вероны, Виченцы, Мантуи и многочисленные наёмные отряды, набранные в Кремоне, Ферраре и других городах Ломбардии и Тосканы.

Войско Падуи должно было находиться на некотором расстоянии от города и ждать условленного сигнала от заговорщиков, чтобы войти в него. Для успешной реализации плана не хватало только одного. Нужно было заручиться помощью главного привратника Муцио де Джермани (Muzio de' Germani)¹⁴⁴, охранявшего со своими людьми ворота Берико в предместье Виченцы. В переговорах с ним находился Альберто де Изза, который после богатых обещаний, казалось уже перешёл на сторону заговорщиков. Но тот, под предлогом необходимости ещё времени на обдумывание, сообщил о вражеских замыслах подесте Байлардино да Ногарола. Тот приказал соглашаться со всеми предложениями заговорщиков и докладывать ему о каждом их шаге максимально подробно, а сам послал своему патрону очередного донесение. Кангранде был доволен, видя, что враг попадает в ловушку, и дал Байлардино полномочия действовать против Винчигуэрры по собственному усмотрению.

Муцио охотно пообещал де Изза оказать помощь, но у заговорщиков возникли сомнения в честности привратника. Тогда тот, по совету Байлардино в качестве гарантии своей преданности, предложил отправить своего старшего сына заложником в Падую. После того, как всё было устроено, падуанские войска выступили к Монселиче, а оттуда стремительным маршем направились к Виченце. Выйдя из Падуи в субботу 21 мая, Винчигуэрра преодолел порядка 32 километров за один день, так как на 22 мая, даты на счёт которой хроникёры того времени как раз сходятся, приходится все важные для этой кампании события. Но прежде, чем приступить к ним, расскажем о ещё одной любопытной детали, возможно, немного объясняющую самоуверенность Скалигера.

¹⁴³ Ferreti, *Vicentini Historia*, col. 1175.

¹⁴⁴ Ibid., col. 1171.

Целый ряд деталей даёт основание предположить, что поход Кангранде на Брешию был изначально отвлекающим. Дело в том, что в Виченце был ещё один заговор, который раскрыл Угуччоне, викарий города, назначенный Скалигером. Угуччоне вызвал руководителей заговора и предоставил предателям возможность спастись при условии, что они станут двойными агентами и согласятся отправить письма в Падую, где заявят о своей готовности к восстанию и договорятся о времени. Таким образом, в Падуе Винчигуэрра, старинный враг династии Скалигер, сам не зная этого, был втянут в другой заговор — заговор Кангранде. Сам Кангранде, якобы поддавшись уговорам изгнанного из Брешии Федерико деи Маджи, выступил в поход против Брешии и, тем самым, просто вывел свой план на этап его активной реализации. Возможно, речь идёт об одном и том же заговоре, а его участники со стороны Кангранде просто по-разному оценивали свою роль в нём, выдвигая себя на первое место в его разоблачении.

Более того, по свидетельствам жителя Виченцы Феррето Феррети, Кангранде состоял в тайных отношениях с Джакомо да Каррара, который, как говорят, хотел, чтобы кампания Падуи против Вероны потерпела крах из-за причастия к ней ненавистного Маккаруффо. Впрочем, зная благородный куртуазный характер Джакомо, сравнимый для того времени только с Кангранде, вряд ли да Каррара, если даже и состоял в переписке со Скалигером, то для такой низкой цели. В целом, мы вновь сталкиваемся с разницей описания одних и тех же событий разными источниками, так как Кортузи и Муратори¹⁴⁵ отмечают, что подобные утверждения могут быть основаны только на клевете, а Скалигер был предупреждён исключительно гражданами Виченцы¹⁴⁶.

Итак, наступило 22 мая. Войска Винчигуэрры, уставшие после стремительного марша, находятся под стенами Виченцы. Но кажется, что это не принципиально для них, ведь они знают, что в городе им будет оказана поддержка и уверены, что ворота вот-вот будут открыты. Единственное чего они не знают — это то, что Кангранде в ночь с 21 на 22 мая, под покровом темноты проник в Виченцу в сопровождении трёх товарищей. О его прибытии знает только ограниченный круг лиц и, в первую очередь, Байлардино.

Угуччоне с войсками оставлен неподалёку — у Сан-Лаццаро и ждёт приказа¹⁴⁷. Сам Кангранде после утренней молитвы Деве Марии и святому Зенону, покровителю Вероны, согласовывает с Байлардино дальнейшие действия по обороне города. Он поднимается на башню, чтобы оценить обстановку, и видит, что противник находится у подножия стены Пратинвалле и пытается преодолеть её с помощью лестниц, которыми их снабдили местные жители. Некоторые уже спустились с противоположной стороны и выстраиваются, чтобы идти на площадь. Раздаются призывы к гражданам города: «Да здравствует народ Виченцы, смерть и гибель Кане делла Скала!».

За воротами две шеренги копейщиков, выстроенных вдоль главной улицы предместья, защищают тех, кто занят подъёмом, от внезапного нападения. Весь участок земли до Кросарии заполнен пехотинцами, вооружёнными длинными копьями и арбалетами, а в конце Кросарии — 4000 всадников, во главе которых граф Винчигуэрра ди Самбонифачо и Пискареззо.

¹⁴⁵ Лудовико Антонио Муратори (итал. Ludovico Antonio Muratori; 1672 — 1750), итальянский священник, историк, писатель, нумизмат, дипломат, юрист и библиотекарь. Он был одной из самых заметных фигур в созвездии итальянской интеллигенции XVIII века и посвятил себя почти всем областям знания. Считается ведущим представителем умеренного католического Просвещения, а также отцом итальянской историографии, особенно в области исследования Средневековья. Занимал должность архивариуса и библиотекаря при герцоге Модены и Реджо, Ринальдо д'Эсте. В течение двадцати лет, между 1723 и 1743 годами обобщил плоды своих обширных исторических и литературных исследований в 38 томах, разделенных на три больших труда: *Rerum Italicarum Scriptores* (1723—1738), *Antiquitates Italicae Medii Aevi* (1738—1743) и *Novus Thesaurus Veterum Inscriptionum* (1738—1743), а также отдельный труд, посвящённый истории Италии от начала нашей эры до своего времени: *Annali d'Italia* (1743 — 1749).

¹⁴⁶ Cortusi, *Historia de novitatibus Paduae et Lombardiae*, I, 25.

¹⁴⁷ Verci, *Storia della Marca trivigiana e veronese*, Tomo 6, p. 22.

Увидев, что более 200 человек уже вошли в город и бегут по его улицам, Кангранде открыто обратился к горожанам и отдал приказ сражаться с захватчиками. Враги были по большей части перебиты, а небольшая их часть взята в плен.

Козырем Кангранде являются люди Угуччоне, состоящие в основном из опытных немецких наёмников, а также то, что в отличие от войск Падуи, они успели отдохнуть. Их удар в тыл врагу должен был по замыслу военачальника, сломить его волю, повергнув в панику. Поэтому Кангранде отправляет посланца с приказом немедленно выступить из Сан-Лаццаро и атаковать Винчигуэрру.

Граф Винчигуэрра и Пискареззо со своими падуанскими отрядами не подозревали о печальной судьбе своих товарищей. Они так и продолжали ждать условленного сигнала, чтоб двинуться к воротам Берико. Подъёмный мост опустился и ворота, действительно, открылись... Но за ними стоял Кангранде в сопровождении всего лишь 40 всадников, среди которых Джильберто ди Залинето (Gilberto di Zalineto) и Антонио ди Куртатоло (Antonio di Curtatolo). Пехота у входа в городские ворота приняла небольшой отряд Скалигера за своих сторонников из Виченцы, которые должны были сдать город, главным образом потому что Коррадо Нето (Corrado Neto), коннетабль наёмников¹⁴⁸, благородный немецкий рыцарь на веронской службе, находившийся в первых рядах отряда Кангранде в качестве знаменосца, был одет в рыцарское облачение и цвета, поразительно похожие на принадлежащие роду Винчигуэрра. Они расступились и практически пропустили отряд сквозь свои ряды. Лишь когда прозвучал боевой клич веронских воинов: «Смерть! Смерть!»¹⁴⁹, пехота поняла обман, но было уже поздно — маленький отряд делла Скала уже прорвался сквозь вражеские ряды и устремился на Винчигуэрру.

Тем временем Угуччоне привёл к городу войска. Не смотря на преимущество, Угуччоне пришлось нелегко, так как он нарвался на отряд пикинёров, которые оказали ему упорное сопротивление. У Угуччоне, как и его наёмников, была убита лошадь. Падуанцы непрерывно напирала, как вдруг распространилась ужасная весть о том, что Кангранде окружён врагами и неминуемо обречён на смерть или плен, если не получит немедленной помощи. Угуччоне призвал соратников и с новыми силами устремился против неприятеля, который не смог устоять против стремительного натиска веронских воинов.

Когда Угуччоне добрался до Кангранде, тот уже одержал победу и занимался кровавым истреблением войск Винчигуэрры. Большая часть всадников, увидев, что попали в ловушку, стали избавляться от оружия и пытались спастись бегством, но это было непросто из-за узких улиц и незнакомой местности. Некоторые не стеснялись искать спасения в окрестных домах, прячась, где только возможно. Тех, кого настигали и не смог назвать пароль «Святой Георгий!»¹⁵⁰, установленный Кангранде перед схваткой, убивали.

Те, кто сумел выбраться с поля боя, оказались перед необходимостью форсировать реку Баккильоне. Здесь большинство из них нашли свою смерть утонув. Да и на самом поле битвы остались большей частью воины Падуи. Ещё пятьсот было взято в плен, включая Джакомо да Каррара, Пискареззо и самого графа Винчигуэрру. Кангранде, который с великодушием принял Пискареззо, Винчигуэрру и его сына, оказав им заботливый уход в собственном дворце. Людовико ди Самбонифачо прожил совсем недолго и через 20 дней умер от ран.

Как и в случае с битвой при Монтекатини, хроники хранят имена очень многих героев этих событий павших и тех, кому посчастливилось выжить. Так, со стороны Падуи, окружённый воинами Кангранде, погиб Маркобруно де Теуполо (Marcobruno de Theupolo), но после героического сопротивления и унёс с собой жизнь нескольких неприятелей. Замбонетто (Zambonetto) убит ударом булавы; Бонмассарио (Bonmassario) утонул, Энрико Малкапелли

¹⁴⁸ Итал. *conestabile degli stipendiari*.

¹⁴⁹ Итал. «Morti! Morti!»

¹⁵⁰ Итал. «San Giorgio!»

(Enrico Malcapelli) благодаря своему могучему боевому коню сумел переправиться через реку и спастись в Падуе. Среди пленных — Гуидоне (Guidone), Рипрандо да Марано (Riprando da Marano), Костанцо Пагани (Costanzo Pagani), Альберто Кольцаде (Alberto Colzade), а также Антонио Мильоре (Antonio Migliore), один из самых уважаемых врачей своего времени. Всего убитыми и ранеными войско гвельфов потеряло 1700 человек¹⁵¹

¹⁵¹ Cobelli, *Cronache forlivesi*, p. 97.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.